4
В-49

Т. Г. ВИНОКУР

ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАЮЩИЙ

Варианты речевого поведения

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

Татьяна Григорьевна
Винокур

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

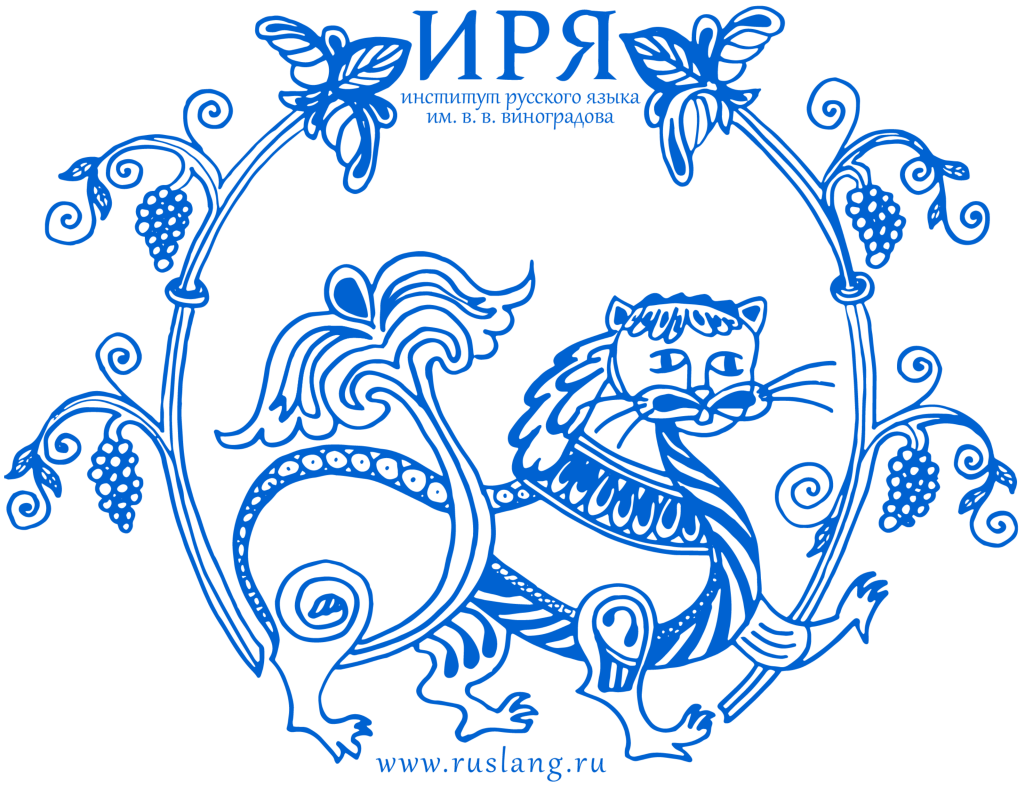
Т.Г. ВИНОКУР

ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАЮЩИЙ

Варианты речевого поведения

МОСКВА "НАУКА"
1993

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

ББК 81
В 49

4
В-49
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
86799

Ответственный редактор

доктор филологических наук *Е.А. Земская*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Л.П. Крысин*
доктор филологических наук,
доктор психологических наук *А.А. Леонтьев*

Редактор издательства *В.С. Матюхина*

Винокур Т.Г.

В 49 Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
ISBN 5-02-011563-0

Книга посвящена коммуникативно-стилистическому аспекту речевого поведения носителей языка. Рассматриваются ситуативные и социально-психологические варианты взаимодействия говорящего и слушающего (пишущего и читающего), которые стимулируют использование определенных языковых средств, стилистически значимых и находящихся либо в отношении согласования друг с другом, либо в отношении контраста. Особое внимание уделяется характеристике коммуникативных интенций участников коммуникативного акта, которые определяют его иллокутивную силу и перлокутивный эффект.

Для филологов, социологов, специалистов в области социальной психологии, психолингвистов, журналистов, лекторов, преподавателей вузов.

В $\frac{4602000000-239}{042(02)-93}$ 446-93 II полугодие ББК 81

T.G. Vinokur. Speaker and Hearer: Variants of Speech Behaviour.

The book deals with communicative and stylistic aspects of speech behaviour of native speakers. It focuses on different types of interaction between the speaker (writer) and the hearer (reader) dependent on the situational and socio-psychological circumstances of communication. They make the communicants choose relevant language means that are stylistically significant and either oppose each other, or are coordinated. Particular attention is paid to the speakers' communicative intentions and the nay they are implemented in the illocutionary force of an utterance and its perlocutionary effect.

For philologists, sociologists, social psychologists, journalists, university tea - chers, lecturers.

© Т.Г. Винокур, 1993
© Российская академия наук, 1993

ISBN 5-02-011563-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Речевое поведение носителей родного языка (говорящих и слушающих, пишущих и читающих) еще не подвергалось анализу с точки зрения социокоммуникативной стилистики. Между тем такой анализ дает возможность нанести на шкалу функционально значимых делений, принадлежащих внешней лингвистике, еще одну отметку, сокращающую – по сравнению с категорией языкового употребления – дистанцию между изучением языка и теми, кто им пользуется. Разнообразие идей и свобода методологического выбора позволяют современной лингвистике обратиться к еще не тронутым темам, вернее даже, увидеть темы, скрытые ранее границами, пролегающими между смежными областями знаний [Леонтьев, 1967, 6–9; Швейцер, 1976б, 234; Фрумкина, 1984, 6], и прежде всего это касается наук о человеке. Их генезис в одних случаях интерпретируется как результат сложения лингвистики и социологии/психологии [Леонтьев, 1974б, 3], в других – и это более правдоподобно – как изначальный симбиоз разнонаправленных знаний, что предполагает известное выравнивание слагаемых внутри данных областей [Vetter, 1969, V]. Здесь автор, говоря о речевом поведении, видит парадокс в том, что структурализм, допуская по необходимости в лингвистический анализ какие-то факты или предположения "извне", вторгался преимущественно в область психолингвистики, которая независимо от его воли приоткрывала свои проблемы анализу, опирающемуся на данные говорящего индивида, в то время как лингвистика (особенно такая строгая, как структурализм) обязана изучать сущностно заложенную в ней социальность – коллективные явления. (Об этом, как о так называемом парадоксе Соссюра, писали и сами структуралисты и социолингвисты: Н. Хомский, У. Лабов и др. См. также : [Маковский, 1976].)

К настоящему моменту большинство исследователей трактует подобные науки как междисциплинарные, т.е. такие, в которых два генетически различных (с онтологической и методологической точек зрения) объекта, сосуществуя на паритетных началах, формируют самостоятельный и качественно новый предмет изучения [Никольский, 1976, 58–65; Речевое общение, 1985, 83 и след.]. Их отличает, следовательно, вступление как бы на встречный путь по отношению к естественному историческому развитию наук – от синкретизма к всевозрастающей специализации. Динамика этого пути выглядит как ускоренный темп движений в немом кино по сравнению с замедленной съемкой истории. Ср., например, тот факт, что "филологические знания как обособленный вид деятельности и профессиональных занятий сложились в эллинистическую

эпоху к концу IV в. до н.э." [Винокур, 1981, 16] и что языкознание и литературоведение, социология и психология обособились в сравнительно недавнее время.

Но большинство традиционных разделов науки о языке всегда несло на себе печать более или менее выраженного интердисциплинарного характера: история языка неотделима от истории народа, культура речи – от культуры общества, фонетика – от физиологии речи и акустики и пр., не говоря уже о том, что внутренняя синкретичность пронизывает и самое интралингвистику, оказывая постоянное сопротивление строгости поуровневого анализа системы, скрепленной семиотическим назначением, которое выполняется при помощи языкового значения.

Названные же по бинарному принципу новые науки – психолингвистика и социолингвистика – тоже не могут претендовать на исключительность. Сходные черты обнаруживает строение таких дисциплин, как лингвистические поэтика, стилистика, география. Упреки в "шокирующем выходе за традиционно сложившиеся и бдительно охраняемые границы науки о языке" отклоняют и далеко не новомодные ученые, утверждая, что нарушение этих границ в сторону литературоведения, фольклористики, поэтики и стилистики художественной речи, отчасти психологии "не есть факты агрессии. . . так как интеллектуальное богатство – это необозримый пейзаж, а не ряд маленьких садиков, отгороженных стенами недоверия и пренебрежения" [Гельгардт, 1971, 153].

Таким образом, становится очевидным, что сам по себе феномен интердисциплинарности, будучи достаточно постоянным свойством процесса познания, лишь принимает разное обличье в зависимости от историко-культурных состояний обществ, в которых развивается наука.

В то же время объективное положение дел в лингвистике таково, что пафос интердисциплинарных устремлений связывается в сознании современных ученых главным образом с новейшим этапом ее развития, во-первых, и со сформулированным на этом этапе понятием внешней лингвистики, сосредоточившей свои интересы на проблемах языкового функционирования, во-вторых. Причем дискуссионным остается вопрос о мере привлечения этих проблем к анализу языковой системы, но не наоборот (поскольку второе считается само собой разумеющимся) [Степанов, 1976, 6].

Если же речь идет не только о самой лингвистике, но и о близких ей науках, то предметно-методологический синкретизм еще более отчетливо видится в соприкосновении факторов, которые принято считать экстралингвистическими. Таким образом, в соответствии с интердисциплинарным характером настоящей работы центром ее внимания являются не особенности языкового функционирования, обусловленные экстралингвистическими факторами, и соответственно не экстралингвистические факторы, обусловливающие особенности языкового функционирования, а взаимная связанность первых и вторых, в которой реализуется языковая жизнь общества как культурно-исторического единства, сформированного деятельностью человека.

Эта связь и составляет, как принято с некоторых пор говорить, "человеческий ракурс" анализа в области внешней лингвистики. С коммуни-

кативно-стилистической точки зрения он означает переход от изучения стиля языка к "стилю тех, кто говорит и пишет" [Винокур, 1941, 17]. Такой переход возможно осуществить, минуя понятия, обезличенные лингвотерминологической традицией (функционирование и употребление языка), на пути к речевому поведению. Последнее есть не что иное, как использование языка людьми в предлагаемых обстоятельствах – разномасштабных и многосоставных. Коль скоро эти обстоятельства так же являются результатом человеческой деятельности, как и сам язык, речевое поведение или выступает как составная часть большинства из них, или формирует их целиком.

Из чего складывается взаимная обусловленность внутренних и внешних по отношению к языку факторов, образующих функциональные варианты речевого поведения? Если в фокус интердисциплинарно ориентированного исследования попадает человек, то соответственно ближайшие к языкознанию гуманитарные науки играют при этом не роль поставщика окказиональных данных, а роль равноправных партнеров, участвующих в поиске неязыковой мотивации языкового отбора. О том, что такой поиск наталкивается на затруднения, можно судить по полускептическим замечаниям о готовности многих ученых принять предложенные современной наукой правила "интердисциплинарной игры" при недостаточной ясности понимания ее выгоды для решения собственных специальных проблем [Горелов, Слонов, 1986, 558]. На общем фоне всеобъемлющей триады "социология–психология–филология", по мере укрупнения ее отдельных элементов, выступает сплав социальной психологии с лингвистикой в объединяющей их направленности на проблемы общения, без которых ни один аспект деятельностной концепции языка, созданной Гумбольдтом, изучаться не может. Интерес современных лингвистов к этим проблемам был подогрет выделением в специальную область знания теории коммуникации, которая уже своим происхождением была обязана междисциплинарным научным возможностям. Языковая коммуникация оказалась неотделимой от психолингвистических и социолингвистических категорий. И это активизировало устремление к ней тех ученых, которые занимаются функционированием языка [Язык и идеология, 1981, 139]. Выход во внешний мир языкового существования изменил отношение исследователей к стилистике, которая действительно на каком-то этапе развития (хотя это обстоятельство не стоит преувеличивать) оказалась в известной степени "отлученной" от генетически присущих ей контактов с речевым поведением носителей языка в процессе общения. В той мере, в какой процесс общения связан с социально-психологическими характеристиками его участников, анализ речевого поведения должен совмещать коммуникативно-стилистические наблюдения с последними.

Такая позиция, возможно, не совпадает с мнением ученых, считающих, что внешняя лингвистика обязана не только последовательно разграничивать социологическую и психологическую причинность всех компонентов коммуникативно-деятельностного поля, к которому принадлежит речевое поведение, но и учитывать внутренние различия

между лингвистической социологией и социолингвистикой, психологией языка и психолингвистикой [Никольский, 1976, 122]. Однако для целей данной работы больший смысл представляет объединяющее, нежели разделяющее, начало [Караулов, 1987, 3]. И характерно, что объединение социальных и психологических показателей, определяющих речевое поведение людей, должно быть с коммуникативно-стилистической точки зрения произведено в обратной причинной последовательности: так как язык есть культурно-историческое явление и его назначение состоит в том, чтобы служить целям социальной коммуникации, а используют его по назначению люди, то процесс использования языка в целях общения есть процесс психологически детерминированный. Союз психологических и социальных показателей подразумевает здесь типизированные коллективные нормы поведения и не выходит за рамки социальной психологии[1]. Они проясняют закономерности формирования разных видов коммуникативно направленной речевой деятельности членов данного общества.

Однако в основе процесса "типизирования" норм поведения лежит поведение отдельной личности[2], представляющее собой наиболее характерное, регулярное, рационально объяснимое и эмоционально оправданное состояние человека, в нашем случае – состояние во время совершения речевого действия. "В зависимости от того, что переживает по поводу своего собственного сообщения говорящий, по-разному воспринимается и то, что он сообщает. Более того, самое содержание сообщения сплошь да рядом вовсе не доходит до сознания слушателя, если оно не окрашено сочувственным, отрицательным или каким-либо еще психологическим отношением говорящего к содержанию своего сообщения. Это есть область именно психологии, но не той, абстрактной, психологии, которая изучает отвлеченные законы памяти, восприятия или внимания, а психологии конкретной, показывающей нам душевные движения говорящего во всей их непосредственной жизненной полноте. . ." Эта психология "как бы вводит слушателя в живой душевный мир говорящего, показывает его как живого человека, как личность, а не просто как некоторый аппарат для передачи некоторых объективных истин и идей"[3].

Таким образом, можно сказать, что в социокоммуникативной стилистике собственно психологический аспект имплицируется, поскольку социальные параметры типизируют и социально-психологические и психологические параметры, минуя психолингвистические. Если еще в прошлые десятилетия вторжение в стилистику "личностного" и "социально-коммуникативного" начал [Винокур, 1972] воспринималось с неко-

---

[1] Можно было бы здесь сослаться, помимо современных, очень популярных исследований по социальной психологии (И. Кон, Т. Шибутани, Т. Дридзе и др.), на этническую психологию Г.Г. Шпета, поскольку он ставит знак равенства между этнической и социальной психологией с точки зрения коллективности и регулярности обнаружения ее особенностей [Шпет, 1927а].

[2] Шпет считал, что коллективные нормы речевого поведения выступают как репрезентанты поведения многих индивидов [Шпет, 1927а, 106].

[3] Из стилистических набросков Г.О. Винокура (архив Т.Г. Винокур).

торым недоверием, то впоследствии совпадение научных и общественных интересов создало исключительно благоприятную обстановку для закрепления этого неформального союза. Еще в то время, когда шла работа над книгой, представлялось, что он поможет хоть в какой-то, пусть самой малой, мере компенсировать долги языкознания перед наукой о человеке. Сейчас, спустя шесть лет (книга была подготовлена к печати в 1987 г.), эти долги уже отданы с лихвой. И, возможно, на фоне широкой разработки проблемы "человек и язык" (см., например: [Караулов, 1987; Ромашко, 1984; Язык и личность, 1989; ван Дейк, 1989]), предпринятой в самые последние годы, феномен речевого поведения как экспликатора общественно-психологического посредничества в коммуникативном процессе сможет предстать перед нами в задуманном освещении более полно. Не стоит только игнорировать мнение Н. Хомского: если понимать этот феномен "не тривиально, а одинаково серьезно рассматривать его с философской, психологической и лингвистической точек зрения, разграничивать – что особенно важно – позиции говорящего, слушающего и изучающего данный язык, то окажется, что это невероятно трудная проблема, без которой тем не менее не может быть сегодняшнего языкознания" [Chomsky, 1957, 56].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ (РП) В КРУГУ СМЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ (К характеристике понятий и терминов)

Глава I

РП КАК ПРЕДМЕТ ВНЕШНЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

Поиск термина

Термин "речевое поведение" требует обоснования ввиду парадоксального состояния современной науки (лингвистики прежде всего), при котором слово не поспевает за мыслью отнюдь не в метафорическом смысле. Поэтому жизнь терминов приобрела сейчас отчасти миграционный характер "бродячих сюжетов", при котором они начинают утрачивать свои основные функционально-семантические признаки: однозначность и соответственно экспрессивно-стилистическую нейтральность, так как полисемия рождает стилистическое значение, покоящееся на функционально-коммуникативных параметрах: где, когда и как [Guiraud, 1967, 115–116].

Как поступить при выборе термина, если определяемая, а затем описываемая категория требует нового обозначения? Сошлемся на следующие соображения: "В исследовании научного понятия возможны два пути. Один путь – это изучение истории термина. Сопоставляя различные значения, которые вкладывались в истории науки в данный термин, можно попытаться свести все эти значения в некоторое единство или произвести между ними известный выбор и так получить искомое определение. Этот путь не всегда бывает более удобным. Есть некоторые термины (. . .) употребление которых отличается такой неопределенностью и разноголосицей, что попытка извлечь из этого хаоса определений и формулировок что-либо отчетливое, цельное и единое, хотя бы она в конце концов и удалась, всегда связана с риском сбиться с толку и остаться без собственного знания (разрядка наша. – *Т.В.*). Лучше поэтому просто забыть все, что сказано по поводу интересующего нас предмета (. . .) и постараться овладеть содержанием этого предмета путем непосредственного и самостоятельного проникновения в его сущность (. . .) Если мы действительно хотим понять то, что изучаем, то мы должны подойти к нашему предмету так, словно мы его впервые заметили"[1].

Для нашей темы предпочтителен второй путь, тем более что речь идет

[1] Из стилистических набросков Г.О. Винокура (архив Т.Г. Винокур).

не столько о прежнем понятии, увиденном новыми глазами, сколько о новом понятии, которое удобно назвать уже существующим термином. Однако следует напомнить, что термин "речевое поведение" за недолгую историю его существования успел попасть в сложную ситуацию.

"Сотни лет лингвисты ломают копья, не в состоянии решить, каким может быть исчерпывающее знание о речевом поведении" [Арапов, 1985]. Во всяком случае, понятие "речевое (языковое) поведение" не сходило с арены лингвистических действий на протяжении всего XX в., имея очень широкий диапазон применения – от случайного и эпизодического до глобального, отождествляющего это понятие с понятием "язык как таковой". Благодаря последнему разные школы вкладывали в него каждая свое содержание; оно могло быть равно и узусу и реализации, и competence и performance, и langage и parole и пр. Вследствие такой неопределенности (ср. судьбу истолкований дихотомии Соссюра) применение этого термина, как правило, не сопровождалось комментарием к его истории, потому что это потребовало бы понятийного фона, слишком далеко уводящего от практического назначения термина, избранного ad hoc.

Известно, что именно таким образом этот термин получил широкое распространие в американской дескриптивной лингвистике и что его основоположником – Л. Блумфилдом – он был использован в качестве ключевого для характеристики языка как одной из форм человеческого поведения. Также известно, что такое отношение к языку было продиктовано опорой Блумфилда на бихевиористскую философию [Блумфилд, 1968, 563–565] как на платформу для изучения действий индивида методом простого наблюдения (ср. бихевиористские позиции английской лингвистической школы) [Основные направления структурализма, 1964, 314 и след.]. Этот метод свидетельствует о специфическом понимании термина "поведение", коль скоро дескриптивная лингвистика подвергала критике "менталистский" подход к языку и тем самым исключала любые "сторонние" предпосылки возникновения речевого акта, настаивая на его механистической ("материалистической") интерпретации.

Акт речи и есть единственный предмет лингвистического изучения вне зависимости от того, что он, "а также весь ход практических событий до и после речи зависит от всей истории жизни говорящего и слушающего" [Блумфилд, 1968, 39].

С точки зрения современного лингвиста, занимающегося вопросами использования языка человеком как кардинальными вопросами в н е ш н е й лингвистики, наличие такой зависимости – главное условие. Интерпретация понятия "речевое поведение" должна опираться ровно столько же на сам факт осуществления речи, сколько на совершившийся для этого отбор языковых средств, мотивированный именно той суммой показателей, которые дескриптивная лингвистика отказывается принимать в расчет. Поэтому причины, которые могли бы обусловить вопрос о преемственности понятий, отпадают. Остается лишь вопрос о полисемическом развитии термина, или, возможно, об омонимии двух терминов, один из которых не несет социально-психологической коннотации (в

современном понимании) (см.: [Винокур, 1957, 59–70]), но с бихевиоризмом ассоциируется односторонне – лишь как с позитивистским учением, отрицающим иные методы познания, кроме непосредственного наблюдения. Ср. критику бихевиоризма Н. Хомским и др. [Исследование речевого мышления в психолингвистике, 1985, 171–184]; ср. также: [Chomsky, 1957, 34].

Нужно также оговорить несущественность для данного положения оппозиции "языковое/речевое" поведение – не только потому, что в экспликации этих понятий иногда сказывается непоследовательность перевода (с английского языка на русский), но и потому, что такая непоследовательность, начиная с момента возникновения этого термина, долго сопутствовала его применению[2]. Она равно создавалась недостаточно мотивированным предпочтением одного из двух вариантов в отдельных областях науки или в работах определенных авторов, во-первых, и широкой традицией "проходного", необязательного (т.е. нетерминологического) употребления таких вариантов, как "языковое", "речевое" и "словесное" поведение, во-вторых.

Несмотря на то что последнее характерно и для многих новейших работ, оппозиция терминов "языковое поведение" и "речевое поведение" время от времени выстраивалась как значимая, потому что эти термины расходились во времени и пространстве научной мысли. Первый – отражал общетеоретические воззрения крупных ученых недавнего прошлого (Л.П. Якубинский, Л.В. Щерба, Б.Д. Поливанов, Н.И. Конрад, А.А. Холодович и др.) и свидетельствовал о глобальном масштабе определяемого феномена. При этом языковым поведением называлась часть поведения вообще, но оно, в свою очередь, трактовалось как вся совокупность элементов жизнедеятельности человека [Холодович, 1967, 202], т.е. как социально-психологическая сущность. Второй – это результат позднейшей терминологической специализации, необходимость которой возникла из-за того, что настоящим термином начали широко оперировать многие гуманитарные науки – антропология [Хаймз, 1975, 42], социология [Никольский, 1976], психология, вследствие чего выделились и обособились такие понятия, как "деятельность", "общение", "коммуникация", "поведение".

Речевой стороне этих понятий на первых порах как будто бы оказала предпочтение молодая лингвистическая наука – психолингвистика, имея основным предметом изучения процесс порождения речи. Однако необычайно расширившийся впоследствии круг ее интересов привел к тому, что психолингвисты, обратившись к универсальным категориям владения языком, употребления языка, восприятия речи, памяти, опять ощутили необходимость применения обоих терминов, но на этот раз в строгом содержательном различении, "рассматривая язык как тип поведения, обладающий преимуществом над другими его формами" [Гринфилд, 1984, 208]. Благодаря этому в современной гуманитарной науке

[2] В работах по лингвистической прагматике также часто не расчленяются, например, понятия "языковая" и "речевая деятельность", хотя существует мнение, что этот аспект относится только к речи (см.: [Ромашко, 1984, 137–145]).

утвердилось мнение о ведущей роли психолингвистики в изучении поведения человека, адекватной ведущему месту языка в развитии человеческого общества [Goodenough, 1981, 130–134]. Вследствие параллельного существования терминов "речевое" и "языковое поведение" именно она оказалась способной внести большой вклад в систематизацию самого понятия. И, что особенно важно, в таких терминологических условиях появилась возможность более прямо соотнести задачи лингвистики с культурно-содержательным анализом общества, так как она получила право предсказывать виды и меру адаптации способов языкового выражения к общественно-поведенческой норме [Flores, 1983, 929–930]. Ср. мысль Г.О. Винокура о том, что при более широком взгляде на состав филологических наук "речь идет (. . .) не только о слове, но и вообще о всяком выражении духовной деятельности человека, и тогда пределы наук филологического цикла раздвигаются настолько, что включают в себя обширную область наук о человеке и обществе, т.е. не только историю языка и историю литературы, во всем объеме их проблем, но также историю философии, историю искусств, верований, быта, хозяйства, права, государства" [Винокур, 1981, 5]. Эту мысль нельзя, впрочем, отделить от мысли о том, что "отношения филологии и языкознания отличаются большой сложностью" [там же, 50]. Иными словами, лингвистика также встает на путь, идя по которому мы можем через изучение языка изучать общество, так как филологический метод сам по себе является показателем национальной культуры, стремящейся "к универсализму и энциклопедизму" [там же, 49].

Содержание термина

С этого момента мы становимся свидетелями терминологической метаморфозы. Из понятия, которым оперировал бихевиоризм с его механистическим осмыслением наблюдаемого и ненаблюдаемого, социального и биологического, ментального и материалистического, "речевое поведение" превращается в инструмент идеологического анализа, которым можно пользоваться прежде всего при изучении культурно-общественных и национально-исторических категорий, отражаемых языком. Иными словами, термин вступает в омонимические отношения с самим собой, и большинство областей современной отечественной лингвистики отдает предпочтение одному из омонимов, закрепляя за ним соответствующее понятийное содержание.

Благодаря "одушевленно-процессуальной" семантике самого слова "поведение" и, следовательно, такому значению термина, которое ни в том, ни в другом случае не отрывает язык от человека, а только по-разному интерпретирует оба понятия (и "язык" и "человек"), этот вариант стал играть особую роль, цементируя несомненно существующие связи (при всей разности подходов) между традиционно противопоставляемыми лингвистическими направлениями.

При взгляде на речевое поведение говорящей личности нет оснований безоговорочно оценивать сегодняшнее бурное развитие внешней лингвистики лишь как реакцию на господство структурализма, которое ее

сдерживало. Это стало уже как бы общим местом в рассуждениях о смене лингвистических презумпций. Изъятие "человеческого фактора" из языкового анализа логичнее было бы отнести к позднейшим этапам образования разных структуральных направлений [Верещагин, Костомаров, 1977, 16–17], а не к моменту возникновения структурализма, так как говорить об "обесчеловеченном" и лишенном культурно-социального контекста учении Соссюра было бы большой натяжкой. Формирование дихотомии язык–речь, наоборот, дало новый импульс рассмотрению языка как деятельности, но уже на другом (по сравнению с Гумбольдтом) "витке" познания.

Относясь к понятию "речевое поведение" как к производному от понятия "речевая деятельность" (к чему мы вернемся ниже), отметим нецелесообразность отказа от традиционного понимания термина "langage" в деятельностном смысле, несмотря на критику А.А. Холодовичем перевода А.А. Сухотина [Холодович, 1977, 23]. Даже при условии сочувственного отношения к этой критике, а также признавая известные потери в объеме социального компонента понятия "деятельность" у Соссюра, нельзя не увидеть симметрии двустороннего "внешнего" обрамления (категориями langage и parole) ее сердцевины – языковой структуры. В деятельностном ряду они являют собой крайние точки – речевую деятельность и речевой поступок. Между ними следует поместить "речевое поведение" как совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности.

Упоминаемая некоторыми учеными (Н. Хомский, У. Лабов и др.) антиномия Соссюра, состоящая в том, что явление социальное (язык) можно постичь лишь благодаря его индивидуальному обнаружению (речь), с деятельностной точки зрения, скорее всего, оказывается мнимой. Во-первых, потому, что отношение к понятию "parole" как к индивидуальному говорению в русском языкознании сдвинулось в сторону социально-типизированного, т.е. в сторону понятия "речевое поведение" в современном смысле, еще в 20-е годы (в трудах В.В. Виноградова и Г.О. Винокура). Во-вторых, само содержание дихотомии Соссюра получило развитие во множестве модификаций. Как справедливо пишет Холодович, "сама дихотомия интерпретировалась лингвистами неодинаково ⟨. . .⟩ каждый вкладывал в нее угодное ему содержание". Противопоставлялись: энергия – эргон, социальное – индивидуальное, парадигматика – синтагматика, система – реализация, синхрония – диахрония, компетенс – перформенс, норма – стиль, виртуальное – актуальное и пр. [Холодович, 1977, 23]. Но в любом случае, что важно для нас, намечался выход за пределы системы как имманентной сущности. В частности, сформулированное Э. Бенвенистом противопоставление "langage–discours", которое в специальных нуждах его концепции "человека в языке" получило дальнейшие уточнения (langage en exercise и langage en discours) [Степанов, 1974, 409], совершенно недвусмысленно указывает на право выделения такой категории, как "речевое поведение в социально-комму-

никативном освещении", для того чтобы в его рамках актуализировалась речевая деятельность так же, как язык актуализируется в речи.

В то же время учение Соссюра, пропитанное психологизмом, дало толчок созданию целостной лингвистической теории[3], которая позволила "одушевить" языковой отбор ("означающее", как мы знаем, в концепции Соссюра является психологическим феноменом) [Холодович, 1977, 20] и сделать его достоянием социально-дифференцированного коллектива говорящих. Г.О. Винокур еще в ранних заметках о Соссюре писал: "По-видимому, для него вообще социальный факт психологичен" (ЦГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 358).

Таким образом, предпосылки для коммуникативно-социологического аспекта стилистики, в русле которого целесообразно сегодня рассматривать понятие речевого поведения, дала (в том или ином виде, внутри рассмотрения тех или иных проблем, внутри разных направлений) генеральная линия развития лингвистики в целом, никогда столь уж далеко не отклонявшаяся от понимания социально-психологической сущности изучаемого ею предмета, как это принято было считать, имея в виду недавнюю экспансию современного структурализма. По всей вероятности, можно говорить лишь о частичной и недолговременной утрате связи между структурой языка и его функциями или же о недостаточной эксплицированности функциональных вопросов, с лихвой возмещающейся в настоящее время.

Однако именно из-за этого обстоятельства возникли новые понятийно-терминологические осложнения. Перед активизировавшимися в последние десятилетия междисциплинарными науками, посвященными проблемам социо-, психо-, прагмалингвистики и теории речевых актов, встала необходимость разделить и уточнить сферы их влияния. В центре интересов каждой из них оказался ряд смежных категорий (и терминов, их называющих), которые не получили однозначной интерпретации, были по-разному соотнесены друг с другом и поэтому присвоили себе как бы диффузные участки содержания. Главным образом это коснулось таких понятий, как "речевая деятельность", "речевое общение", "речевое поведение" и "коммуникация".

Эти понятия составляют главный – и по признаку принадлежности к "внешней" лингвистике гомогенный – арсенал деятельностной проблематики, которая традиционно не являлась объектом специального изучения в языкознании. Может быть, поэтому до сих пор расчленению их предметных оснований сопутствует понятийная неоднородность, что сказывается в первую очередь на отсутствии точных дефиниций, способ-

---

[3] Ср. основополагающие идеи французской лингвистической школы, например, в кн.: [Bally, 1927; Sechehaey, 1908; Delacroix, 1924; Carnoy, 1927]. Социопсихологическая основа этих лингвистических исследований, поддержанная интересом к немецкой философии и логике конца XIX – начала XX в., и сейчас питает психолингвистическую мысль. Ср. работу Р. Титоне [Титоне, 1984, 337], а также высказывание этого автора относительно сотрудничества между лингвистикой и психологией, которое равно было обеспечено дихотомией Соссюра и идеями Гумбольдта о различении эргона и энергии [там же, 338].

ных выделить собственно деятельностный и коммуникативный ряды понятий"[4].

Что заставляет нас считать существенным такое выделение? Ответом на этот вопрос может служить признание необходимости построить иерархическую градацию компонентов внеязыкового окружения, взаимодействующего с языковым отбором. В сочетании первых со вторым обнаруживается прежде всего целенаправленность речевой деятельности человека, что позволяет трактовать ее как универсальное понятие с точки зрения условий человеческого существования в мире. Если "деятельность" – категория целенаправленная, то она естественным образом соотносится и с категориями "намерение" и "средство". При такой интерпретации мы получаем возможность отождествить не речевое поведение (как это имело место в дескриптивной лингвистике), а речевую деятельность с языком в целом: это язык как знаковая система в руках человека, система, предназначенная для определенной цели.

В то же время понятию речевой деятельности в целом явно не хватает "социологичности", и это отмечается исследователями [Хаймз, 1975, 56], тогда как коммуникация покоится лишь частично на первой категории и полностью на второй [Тарасов, 1974, 225].

Как же преодолеть эту асимметрию для того, чтобы увидеть реальную и целостную картину человеческого общения: как оно осуществляется речевой деятельностью членов данного общества в многообразии его функциональных вариаций? Совершенно очевидно, что для этого не хватает звена, соединяющего деятельностную и коммуникативную стороны. Восполнить его могло бы понятие такого рода, которое, приняв от первой целенаправленность, а от второй – "социологичность", приобрело бы более конкретный и узкий смысл социально-дифференцированной речевой деятельности, непременно предполагающей момент взаимодействия членов говорящего коллектива. На ее фоне к категориям "цель", "намерение", "средство" присоединяется категория "способ" (осуществление цели и намерения с помощью средства). А если мы делаем акцент на "персонификации" способа, как этого требуют "одушевленные" семы внутренней формы понятий "деятельность" и "общение", то "способ" можно отождествить с "манерой", т.е. с возможностью проявления в речи психологических и социально-психологических (общеколлективных, групповых, индивидуальных) особенностей говорящих и слушающих.

Так намечаются контуры коммуникативно-стилистических свойств речевого поведения в первом приближении.

---

[4] Аморфность этих категорий и отсутствие четких определений таких понятий, как "общение", "речевая деятельность" и "коммуникация", отмечались неоднократно [Сорокин, Левченко, 1983, 5; Чемоданов, 1975, 31]: социальная дифференциация речевого поведения не отделяется от социально-ситуативных вариаций речевого общения.

РП в отношении к понятиям "речевая деятельность" и "речевое общение"

Для следующего шага необходимо предварительно отграничить понятие речевого общения от понятия коммуникации, определив тем самым терминологическую и "сущностную" роль последнего в феномене речевого поведения. Заметим, что в аннотации, предпосланной книге [Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977], этот термин отсутствует, будучи замененным на термин "речевое общение", что свидетельствует о смешении разных аспектов деятельностно-речевых категорий. В первом (целенаправленность) смысле нельзя не отдать предпочтения термину "коммуникация", так как термин "общение" не предполагает того широкого диапазона соответствующих деривативных возможностей, которые нужны для использования в работе. Но во втором смысле (социологичность) естественно предпочесть "общение", так как, во-первых, именно за ним закреплено языковое и "человеческое" содержание (речевое общение – часть коммуникации), а во-вторых, именно оно воплощает в себе мысль о взаимодействии [Парыгин, 1971, 18–20]

Но есть еще одна существенная сторона, предопределяющая выбор нужного термина. Одним из главных оснований классификации функциональных вариантов речевого поведения является генеральная оппозиция – общение и сообщение. Синонимичные термины "коммуникация" и "информация" не несут – в отношении к языку и к человеку, его употребляющему, – так же организованного противопоставления, благодаря тому что второй термин перегружен сторонними назначениями. Поэтому исследователь получает право объединить под первым ("коммуникация") оба смысла, вернувшись впоследствии к понятию "информативный" как к части общекоммуникативного свойства речи в другом внутреннем противопоставлении. Таким образом, операционные нужды, заставляющие выбрать термин "коммуникация", не должны затемнять сущности понятия "речевое общение людей", тем более что, по современным научным сведениям, человеческое общение на две трети состоит из общения речевого (говорения и слушания) [Атватер, 1984, 18], хотя это не мешает метафизическому (символическому) осмыслению других приоритетов общения: о Ван Гоге, например, писали, что он относился к живописи как к единственному средству общения с миром, которое остается человечеству. Балерина М. Плисецкая, считая вершиной общения искусство, первичным его средством, естественно, назвала жест, движение (ТВ. 1982. 23 мар.) и пр. Теперь следует сопоставить социолингвистическое и психолингвистическое отношение к коммуникации. В теории речевой деятельности выделяются внутренние (психолингвистические) и внешние (коммуникативные) координаты, объединяющиеся в "социологии речевой деятельности" [Тарасов, 1974, 225]. Последняя, выступая синонимом теории речевой коммуникации, как будто бы связывает общими проблемами психолингвистику и социолингвистику, еще раз подтверждая социопсихологический генезис коммуникативно-стилистических параметров речевого поведения. С точки зрения социально значимой языковой коммуникации речевое поведение – это не столько языковая

часть поведения вообще, сколько образ человека [Долинин, 1985, 10], составляющийся из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни[5]. "... Речевые акты (т.е. результаты языковой деятельности, согласующиеся с закономерностями речевого поведения людей. – *Т.В.*) существуют не в языках, а в определенных сообществах (причем границы сообществ могут не совпадать с границами языковых сообществ)" [Косериу, 1963, 180]. Естественно, что "речевой образ" – благодарный материал для социального типизирования, в котором отражаются закономерности использования обществом языка.

Значит, еще один шаг на пути к точному определению коммуникативно-стилистической природы понятия должен сопровождаться социолингвистическими ограничениями. Но они сужают по сравнению с психолингвистическим взглядом его объем. И следовательно, контуры речевого поведения во втором приближении вырисовываются на границах психолингвистического и социолингвистического изучения коммуникации.

С одной стороны, традиция включения вопросов коммуникации в социолингвистику уже окрепла (исследование социально-коммуникативных систем) [Швейцер, 1976а, 32–34]. Отношение к ним как к центральным вопросам социолингвистической теории, которая прежде всего должна заниматься "коммуникативной компетенцией" говорящих, "стремиться объяснить механизм и описать факторы, посредством которых пользование языком приобретает качество "уместности" или соответствия конкретным целям общения" [Звегинцев, 1976, 318], дает повод присвоить речевому поведению именно этот аспект коммуникативной интерпретации[6].

Исследователи говорят о социально-этническом "характере коммуникативной рефлексии", которым обусловливается развитие системы языка. Это понятие обозначает типичные для данного языкового коллектива условия общения, "позволяющие членам коллектива распределить определенным образом все виды знаний вокруг двух полюсов: один полюс – виды знаний, которые, как правило, собеседнику неизвестны и являются содержанием основной массы сообщений; другой – виды знаний, которые чаще всего хорошо известны собеседнику <...> в языках очень малых и изолированных коллективов собеседник максимально полно знает все то, что известно любому другому члену этого коллектива, в том числе он глубоко осведомлен и в недавних текущих событиях. В случае же очень больших языковых коллективов с высоким уровнем преемственности коммуникативного и общекультурного опыта,

---

[5] Ср. словарное определение слова "поведение": образ жизни и действий, образ жизни, совокупность поступков и действий кого-л." (Словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова). Однако в лингвистических определениях "речевое поведение" и "речь" нередко отождествляются. Так, говоря о принципах речевого поведения, К.А. Долинин относит самый общий из них – принцип коммуникативности – непосредственно к понятию "речь" [Долинин, 1985, 42].

[6] Ср.: "Социальное взаимодействие и языковое общение составляют два взаимосвязанных процесса, или, точнее сказать, единый двусторонний процесс интеракции (...)" [Никольский, 1976, 37].

например балто-славянских, на высокий уровень осведомленности собеседника говорящий вправе рассчитывать лишь в части общезначимых социальных знаний. Вероятность же того, что обоим говорящим как членам очень большого коллектива, нередко даже вообще лично незнакомым, известны одни и те же текущие события, чрезвычайно мала" [Мельников, 1985, 87–88].

И наоборот, увеличивающаяся вероятность несовпадения социально-культурного и, следовательно, исторического[7] опыта участников общения в больших иерархически сложных по составу коллективах неизбежно формирует и типизирует варианты речевого поведения. Их градация прежде всего отражает специфику коммуникативных отношений, зависящих от отношений социальных [Крысин, 1976в, 42–62; 1983, 79; Винокур, 1972, 64–82].

С другой стороны, существует не менее устойчивая традиция психолингвистической трактовки коммуникации.

Во-первых, связь с речевым поведением здесь может строиться в обратной последовательности. Исходя из возможности "некоммуникативного" речевого поведения, т.е. из того, что высказывание необязательно содержит сообщение или призыв к общению, психолингвисты приписывают этим двум категориям конвергентные отношения: если высказывание – это лишь какое-то выражение или поступок, то необходимо, чтобы это "выражение" или "поступок" слились с коммуникативным намерением. Следствием такого слияния явится акт языковой коммуникации [Vetter, 1969, V][8]. Так как этот последний не может не иметь социальной природы, то некоммуникативное языковое выражение вполне можно оставить за рамками изучаемого объекта и исходить из положения о непременной коммуникативной направленности языка как точки социального приложения семиотических качеств его системы.

Во-вторых, психолингвистике не свойствен социально-дифференцированный взгляд на коммуникацию. В то же время он (являясь вспомогательным для изучения функциональных вариантов речевого поведения) отчасти совпадает с социально-психологической характеристикой языковой личности в процессе коммуникации, т.е. с упомянутым образом говорящего и слушающего.

В-третьих, психолингвистический анализ предполагает лишь абстрактно-моделирующее назначение коммуникативного содержания речевой деятельности. И характерно, что дисциплины собственно психологического цикла относятся к самой теории коммуникации как к науке, лишенной индивидуально-личностного аспекта [Якобсон, 1985, 386], тогда как этот аспект лежит в основе социальной типологии языковой личности. Функциональные же варианты речевого поведения не могут трактоваться

86 799

www.ruslang.ru

[7] Ср. замечание Р.Р. Гельгардта о том, что "узуальная манера речевого и неречевого поведения говорящих лишена стабильности и исторически изменчива" [Гельгардт, 1971, 45] (см. также: [Винокур, 1980, 22–32]).

[8] Ср. также мысль А.А. Холодовича о втором признаке идентификации речевого поведения человека – коммуникативности, который "принимает (на первом уровне) два значения: отсутствие и наличие коммуникативности" [Холодович, 1967, 203].

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

иначе, как только экстралингвистически предопределенные, отражающие в то же время психологические основы вариантов общественного поведения людей [Крысин, 1976в, 43]. ". . . Три уровня отношений между людьми – когнитивный (как вы их видите и понимаете), аффективный (как вы к ним относитесь) и поведенческий (как вы в них поступаете) – стремятся к согласованности [Ковалев, 1985, 37]. То есть поведение человека не целиком детерминировано социальными условиями его жизни. Существует еще внутреннее, духовное начало, побуждающее его совершить те или иные, в том числе и речевые, поступки.

Положения о процессе выбора вариантов и о недостаточности метода "непосредственного наблюдения" характерны, таким образом, лишь для социолингвистического взгляда на речевое поведение [Никольский, 1976, 121]. А это ведет к тому, что его коммуникативно-стилистическое содержание соответствует прежде всего социальному. Здесь равным образом актуальны: и социальный генезис языка – первое понятие социального ряда, и социальное бытие языка – второе понятие данного ряда. Но лишь второе понятие предполагает социальную дифференциацию речевого поведения как производную от социальной дифференциации языковых навыков, принадлежащих категории владения языком [Яхнов, 1976, 100], которую теперь возможно сопоставить с категорией личностной парадигмы [Караулов, 1987, 14–20 и след.].

Разный подход к проблемам коммуникации – свидетельство того, что для социостилистического анализа более надежным подспорьем служит та область, которая видит в речевом поведении предмет онтологической ценности, а не операционального применения. Поэтому психолингвистические проблемы сейчас уступают (как это предполагалось выше) социально-психологическим, в соответствии с которыми, временно отмежевавшись от речевой деятельности в целом, можно представить себе реальное использование языка реальными людьми в многообразии реальных жизненных ситуаций.

Так мы получаем феномен речевого поведения во втором приближении. Здесь, очевидно, можно уже говорить о языковой личности как средоточии когнитивно-коммуникативных потенций, материализирующихся на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению психологических свойств и устремлений человека. (О личности как средоточии и продукте социальных и исторических законов этноса см.: [Караулов, 1987, 22].) К ним прежде всего относится необходимость получить и отправить информацию, желание быть услышанным и понятым, разделить "неравнодушие" к предмету речи со своим партнером по коммуникации[9].

Остановившись пока что на этом приближении, подчеркнем постепен-

---

[9] А. Сэше, подвергнув в свое время критике доктрину В. Гумбольдта о параллелизме мысли и языка в пользу идей предшественника Ф. де Соссюра У.Д. Уитни, подчеркнул прагматический характер причин возникновения языка, который человек создал для своих утилитарных потребностей точно так же, как, например, жилище или одежду. Эти потребности – прежде всего потребности коммуникации [Sechehaye, 1933, 190].

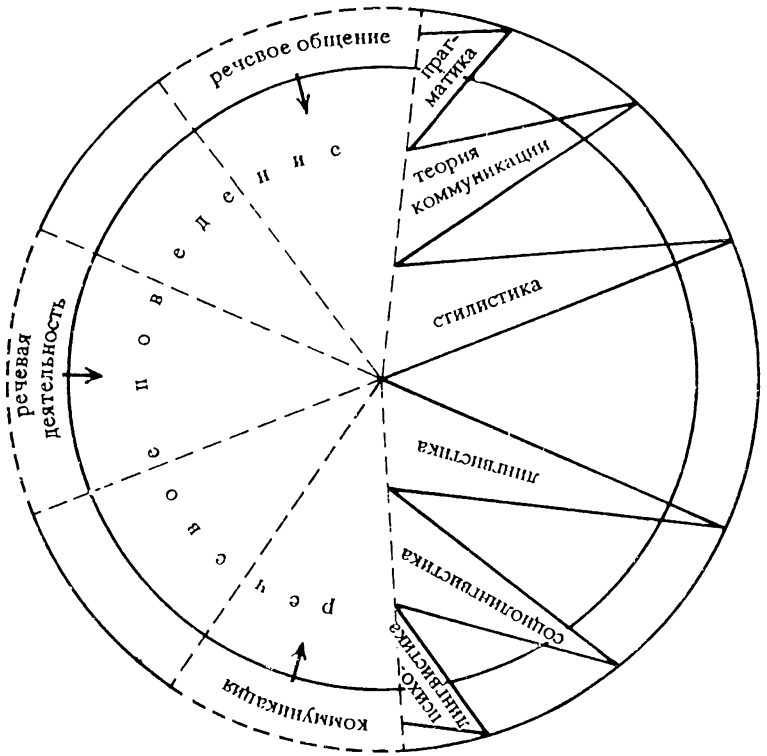

Схема 1. Место РП в кругу смежных категорий и изучающих их дисциплин

но оформляющуюся иерархию отношений между понятиями речевого поведения с понятиями речевой деятельности, общения, коммуникации. Первое включает в себя отдельные компоненты последних и одновременно выступает как часть каждого из них, вычленяя и объединяя момент социального взаимодействия, который будет управлять языковым отбором, зависящим от "образа" тех, кто вступил в это взаимодействие (схема 1).

РП и прагматика

Прежде чем продолжить характеристику РП, следует коснуться вопросов прагматики. Занимаясь любым из "человеческих" ракурсов языкознания, нельзя избежать проблем, которые являются ее прерогативой (и тем самым относящихся также к теории речевых актов).

Современный лингвист не может не отталкиваться от семиотической триады, а отталкиваясь от нее, не признавать, что в настоящее время один из ее элементов – прагматика – представляет собой именно тот участок лингвистической теории, который широко, настойчиво и последовательно эксплицирует коммуникативную сторону языкового функци-

онирования и употребления. В этих аспектах прагматике отводится как бы наддисциплинарная роль изучения "человеческого фактора" в языке. "Изучая поведение знаков в реальных процессах коммуникации, прагматика представляет собой отношение знаков к их интерпретаторам" [Арутюнова, 1985, 3], т.е. говорящим и слушающим, пищущим и читающим. Субъективность как наиболее общее свойство языка, категория, пронизывающая все его стороны, "в чистом виде выделяется прагматикой" [Степанов, 1981, 326] и составляет ее собственный предмет: "положение человека в языке неповторимо" [Бенвенист, 1974, 294]; "человеческий фактор – это не аспект прагматики, а сама его сущность" [Булыгина, 1981, 333]. Такие мысли не вызывают сомнения в справедливости, если только не считать, что о подобных отношениях можно было бы говорить и шире – применительно к другим аспектам языкознания и в других терминах. Так, например, феномен языкового употребления сам по себе – и именно в традиционном освещении этого понятия – принадлежит субъективному фактору: оценке человеком имеющегося в его руках орудия общения, благодаря чему вербализация действительности принимает тот, а не иной вид, изучаемый затем с самых разных точек зрения, а не только как "моделируемый полным набором прагматических знаний" [Демьянков, 1981, 368]. Тем не менее современное состояние двух дисциплин – прагматики и психолингвистики – более других отражает закономерности развития лингвистического познания личности. Обе они, каждая согласно своим задачам, выводят вопрос о языке и человеке на уровень общей теории, решающей категориальные вопросы порождения речи, языка как деятельности и коммуникации как использования человеком знаков. Это дает возможность заново осознать и само понятие "человеческая личность" с языковой точки зрения, т.е. отнестись к ней как к объекту лингвистической теории, стимулирующей его моделирование.

Исследователи считают, что построение "личностной" парадигмы должно сыграть интегрирующую роль в полноте отражения языком картины мира, не достигаемой существовавшими доныне "безличностными" парадигмами (исторической, социальной, психологической, системно-структурной) [Караулов, 1987, 19]. Введение "личностной" парадигмы может, по мысли Ю.Н. Караулова, способствовать разрешению многих парадоксов лингвистики, в частности пролить свет на соотношение коллективного и индивидуального в языке; на то, каким образом язык может функционировать, оставаясь неизменным, и в то же время существовать, постоянно эволюционируя (парадокс Балли), и др.

В связи с этим можно заметить, что антропоцентрический подход к изучению языка в широком смысле (т.е. факт, что все в нем можно изучать с позиций говорящего человека, например и лексикон), когда у прагматики остается функция "локации" (т.е. соотнесения говорящим знаков, которые он использует, со своим "Я") [Степанов, 1975, 281], по всей вероятности, был бы более адекватен сущности отношения "язык–человек". Но вместе с тем прагматику должно сейчас рассматривать как лингвистическую дисциплину, которая в еще совсем недавнее время, как и психолингвистика, обнаруживала признаки тяготения к лидерству

и универсализму, что было обусловлено стремлением современного языкознания преодолеть растущее, как считали многие ученые, разобщение двух его исходных понятий (язык–человек).

Однако проблемная и предметная структура обеих наук оказалась не настолько гибкой, чтобы преодолеть это разобщение, если имеется в виду изучение конкретной языковой жизни людей в конкретном обществе, в конкретных национально-культурных и исторических обстоятельствах. Проблемы говорящей среды в ее социально-этнографической стратификации на том или ином этапе культурно-исторического развития данного общества остаются за пределами интересов названных наук.

Отвечая "синтетическому подходу к языку" [Арутюнова, 1985, 4], прагматика (а также теория речевых актов как один из аспектов речевой деятельности и, следовательно, психолингвистики), вырвавшись из оков бихевиористской методологии "простого наблюдения" или оттолкнувшись от нее, но не коснувшись при этом конкретизирующих проблем подсистемно-дифференцированного языкового употребления, пошла по линии логической и философской интерпретации коммуникативной речевой деятельности. И, таким образом, расстояние между языком и жизнью лишь увеличилось параллельно с обособлением и имманентным развитием элементов семиотической триады. Это привело, как и должно было быть, к тому, что в определенный момент развития семиотики возникла необходимость в некоторых методологических инверсиях, например в воссоединении прагматики с семантикой [Shank, Birnbaum, Mey, 1983, 149–162]. Коль скоро семантический пафос прагматики, если пользоваться психолингвистическими терминами, основан на "семантике представления" или "значении говорящего" (т.е. на семантике высказывания как переменной единице, зависимой от ролевой структуры коммуникативного акта) [Мэнг, 1983а, 233], в функциональном отношении происходит известное стяжение аспектов значения и употребления: ". . . изучать язык невозможно без знания того, как им пользуются; то, как язык используется, не имеет ценности без того, что он значит" [Shank, Birnbaum, Mey, 1983, 152]. Ср. широко известное и часто цитируемое положение Л. Витгенштейна о том, что значение слова есть его употребление. В этом заново предпринятом объединении того, что на предшествующих этапах разработки логико-философских оснований лингвистической теории строго дифференцировалось, содержится имплицитный призыв чуть-чуть "спуститься на землю", т.е., с нашей точки зрения, ближе к РП, а значит, и к реальному человеку. Любопытно отметить, что как раз в более "земной" науке – социолингвистике – вопрос о взаимодействии владения языком и его употребления решается вполне определенно [Крысин, 1983].

В то же время "выяснение отношений" с прагматикой дает возможность ввести ряд последующих уточнений в принятое нами понимание термина "речевое поведение": если прагматика не должна иметь целью "эмпирическое описание того, как поступает человек, решая для себя стилистические (или риторические) задачи в своем практическом пользовании языком и теоретическом обобщении этих наблюдений [Степанов, 1981, 326], то тем лучше для коммуникативной стилистики. Рассмотрение

ее в русле РП берет на себя как раз то, что отвергает прагматика: экстралингвистически обусловленные процесс и результат языкового отбора, дифференцирующиеся в зависимости от социально-психологических образов участников речевого акта в их взаимодействии[10]. Следовательно, и здесь коммуникативно-стилистическое РП является конкретизирующей частью более общего и абстрактного понятия – прагматики, управляющей универсальными законами речевой коммуникации.

Принципы прагматического учения развивались медленно. Сто лет назад У. Джеймс предписывал: "... нужно лишь учитывать практический результат, которого мы можем при этом достичь, каких ощущений ожидаем и к какой реакции на них мы готовы", – для точного понимания предмета, ссылаясь на Ч. Пирса, мысли которого, как он отмечает, были высказаны за 20 лет до написания его книги с очень характерным подзаголовком: "Новое название старого способа мышления", но оставались незамеченными [James, 1970, 47]. Углубившись со временем не в социальную, а лишь в коммуникативную реальность, прагматика предоставила изучение общественного языкового бытия другим наукам, и в частности стилистике. Так формируется, как и в случае с речевой деятельностью и с речевым общением, двусторонняя связь: включая в себя прагматическую основу анализа – в той мере, в какой это детерминируется коммуникативной проблематикой, – стилистика оказывается в определенном смысле шире прагматики. Прагматика оперирует моделями. Это модели устного, преимущественно диалогического, речевого общения. Постулаты, максимы, стратегии и другие закономерности такого общения строятся на интенциях и реакциях участников речевого акта безотносительно к их социальным характеристикам, показывающим тип, образчик языкового владения в процессе коммуникативно значимого языкового употребления. С этой точки зрения прагматику можно было бы определить как исследование семантико-коммуникативной импликатуры языка в отношении к структуре общественной жизни, или, как сейчас принято говорить, к картине мира. Собственно речевая часть при таком исследовании нередко исчерпывается масштабами того бесконечного схоластического спора, с рассказа о котором начинает главу "Что значит прагматика" У. Джеймс: можно ли сказать, что мы ходим вокруг белки, если мы ходим вокруг дерева, на котором сидит белка [там же, 43]? (Ср. ограниченный набор примеров во всех работах по прагматике.)

Таким образом, и со стороны объема привлекаемого материала при изучении "реальной коммуникации" (как говорят авторы работ по прагматике), и со стороны языковых фактов также просматривается лакуна, пропущенное звено, заполнить которое может социокоммуникативная стилистика, описывающая РП людей в обществе.

Следовательно, и в свете отношения к прагматике социокоммуника-

---

[10] Ср. формулировку социолингвистического характера, принадлежащую Д. Хаймзу: "...словесное поведение в кругу отношений между обстановкой, участниками общения, темой беседы, функциями и формой контакта, а также той оценкой, которую всем этим компонентам дают участники общения" (цит. по: [Эрвин-Трипп, 1975, 336]).

тивный аспект стилистики, составляющий центр РП, в принятом нами понимании термина остается верен себе: а) он является конкретизирующей частью прагматики, подставляя вместо говорящего субъекта говорящего человека; б) он включает в круг своих проблем прагматический подход к языку как общекоммуникативную основу ситуативно-дифференцированных проявлений речевого взаимодействия; в) он заполняет эмпирическую лакуну описания задач языкового отбора.

И таким образом снимается недоразумение, возникшее, как считают некоторые ученые, в связях между прагматикой и стилистикой. Процесс их исторического преобразования в самостоятельные лингвистические дисциплины не был изоморфным. Расцвет стилистики и приобретение ею лингвотеоретического статуса [Sechehaye, 1908, 75–92], будучи прежде всего связанными с французской школой последователей Соссюра, падают на "допрагматический" период (начиная с Ч. Морриса). И наоборот, рост интереса к ней совпадает со временем если не известного упадка, то, во всяком случае, экстенсивного развития стилистики именно как лингвотеоретической дисциплины.

Однако следует заметить, что до сих пор среди стилистов существует мнение о некорректности подмены стилистики прагматикой. Так, последователь Ш. Балли Ж. Шисс писал, что все то, что "в качестве нового реестра понятий" ("comme la nouvelle matrice") разработала внешняя лингвистика под названием прагматики, было давно уже открыто и описано, в части функционально-коммуникативных разысканий, его учителем, который положил в основу описания говорящего субъекта и сосредоточил внимание исследователей на его отношении к языку. Причем в качестве говорящего субъекта рассматривался носитель родного языка, пользующийся спонтанной разговорной речью (так, как понимал ее Балли, роль которого как первооткрывателя в этой области не подлежит сомнению) [Chiss, 1985, 85–87].

Это мнение было высказано больше в защиту самого Балли, нежели стилистики как науки, так как его вклад в выделение функций языка действительно не нашел адекватного отражения в последующих теориях (ср. функциональную схему Р. Якобсона и др.). Но оно не получило бы достаточных оснований при взгляде на более поздние этапы самоопределения прагматики и стилистики. Последняя при ясно ощутимой парадоксальности положения все дальше уходила от проблем языковой личности; абстрактная же коммуникативно-деятельностная модель, предложенная прагматикой, также не способствовала их возрождению. И это вполне объяснимо с точки зрения внутренних закономерностей формирования стилистических интересов разных школ и направлений.

Таким образом, в стилистике образовался дефицит "отношения к языку", являющегося, по сути дела, главным ее инструментом. И здесь опять-таки понятие коммуникативно и стилистически значимого РП оказывается призванным восполнить этот пробел.

Почему же для восполнения этого пробела недостаточно действенными оказываются понятия "употребление" и "использование" языка?

Чтобы объяснить эту оценку, нет необходимости прибегать к какой-либо особой интерпретации обоих терминов. Первый из них, ввиду активности именного компонента внутренней формы, в целом характеризуется "обезличенностью". Он выражает самое общее и первоначальное противопоставление competence и performance, пренебрегающее, как это полагается в структурной лингвистике (которой эти понятия обязаны своим рождением), отношением к человеку, употребившему языковой знак. Такое положение – "статус-кво" не только для структурной, но и для всей традиционной интралингвистики. Вопросы з а ч е м употреблено, к а к употреблено и к о г д а и м е н н о употреблено, спорадически возникающие в зависимости от задачи отдельного исследования (совокупно, а чаще изолированно) и составляющие экстралингвистическое обрамление анализа, лишь в области стилистики художественной речи соединяются с вопросом: к т о употребил, да и то далеко не всегда (лингвопоэтика естественно, сейчас в расчет не идет). Причину этого безусловно нужно видеть в преимущественном отношении к употреблению как к промежуточной инстанции – материи для исследования.

Когда же само языковое употребление оказалось в центре внимания, оно, естественным образом, прежде всего было рассмотрено с точки зрения функционирования системы ("строя") языка [Винокур, 1941, 16], что как раз и дало возможность установить четкие границы интралингвистической компетенции в изучении лингвостилистического феномена.

Возможность "непосредственного наблюдения" снижает в глазах теоретиков абстрагирующий уровень объекта исследования. Поэтому оппозиция познавательной ценности "интра-" и "интерорганизмов языка", как правило, решалась не в пользу последнего. М. Халлидей, например, выстроив цепочки competence–explanation и performance–observation, оспорил теоретическую значимость второй [Halliday, 1978, 99] при условии ее изолированного рассмотрения. Однако анализ языкового употребления как самостоятельного объекта (если он берет на вооружение адекватные методы) показывает полную искусственность отделения от него феномена владения языком. Описательная ценность анализа языкового употребления, выводимая из наблюдений, может сохранить дискретные качества, будучи предметом внешней лингвистики, тогда как "владение языком" теряет перспективу при невозможности его функциональной интерпретации, если вообще ставить вопрос о соотносительности этих понятий. Постановка же такого вопроса неизбежна, так как "свободное владение языком предполагает умение говорящего при построении высказываний выбирать слова с нужным значением" [Крысин, 1983, 78], т.е. это понятия взаимообусловленные.

В настоящее время благодаря экспансии внешней лингвистики, обращенной к речевой деятельности, наметилось некоторое равновесие между оценками обеих обсуждаемых категорий. Интеграция семантики и

прагматики связала их категорией "память" [Shank, Birnbaum, Mey, 1983, 152]; сделана попытка вернуть изначальную роль употребления стилистике [Винокур, 1980]; поставлен вопрос о лексикографической фиксации не только значения языковой единицы, но и правил ее употребления как вопрос о познавательно-необходимом объеме одноязычного толкового словаря [Рей, Делесаль, 1983, 261 и след.]. Однако деятельностный аспект занимает в категории языкового употребления подчиненное место. При том, например, что понятие "память" имеет психологическое содержание и определяет условия языкового употребления, которое имеет социальное содержание, эта зависимость оказывается недостаточной для того, чтобы языковое употребление позволило бы уравнять значение обоих компонентов двучлена "человек–язык".

Единицей изучения языкового употребления остается высказывание. Известно, что возможность двойственного (процессуального и результативного) значения этого понятия была в свое время обсуждена и решена положительно [Гак, 1973, 352–358]. Процессуальному значению присваивается все, что характеризует личность говорящего, тогда как результативное значение – это сам акт речи, который может рассматриваться вне связи с говорящим лицом[11]. Термин "употребление" соотносится преимущественно со вторым рядом значений, субстантивация отглагольного имени является знаком отторжения от действия, обозначая нулевую точку на шкале функционально-коммуникативного процесса. И в этом случае первый элемент двучлена оказывается ослабленным. Его усиление происходит только тогда, когда предметом исследования становятся "особенности" употребления тех или иных языковых единиц, что отличает главным образом работы по стилистике художественной речи.

Желание придать понятию "языковое употребление" личностно-деятельностный смысл (обычно это связано с необходимостью оттенить активный и специально обдуманный в эстетическом отношении стилевой отбор) в отдельных случаях вызывает к жизни термин "использование языка". Этот термин, благодаря некоторому сдвигу в сторону процессуального значения, соответствует следующей точке функционально-коммуникативной шкалы, несмотря на то что его глагольный аналог употребляется более нейтрально, без специального задания выделить "одушевленное" начало. Но при расширении поля наблюдений, связанных с понятиями данного ряда и предусматривающих выделение такого начала, термин "использование", с одной стороны, недостаточно активно его выражает, а с другой – не способен содержать отчетливое противопоставление субстантивированной и процессуальной семантики. Это обстоятельство привело к попытке вернуть данное противопоставление термину "употребление", также утратившему в лингвистическом понятийном аппарате значение процесса. Ср. работу Л.А. Гоготишвили "Опыт построения теории употребления языка", в которой этим термином называется "процесс речевой деятельности в аспекте порождения речи" [Гоготишвили, 1984, 1, 4 и след.]. Изучая "процессуальную сторону

[11] Ср. различие в терминах "énonciation" и "énoncee" в Словаре терминов французского структурализма [Структурализм: "за" и "против", 1975, 452].

речи," автор подчеркивает психолингвистическую направленность этой категории и в то же время стремится ввести в состав "внутренних лингвистических понятий понятие деятельности в виде последовательных языковых действий говорящего". Таким образом, по мысли автора, осуществляется сближение языкового употребления с субъектом речи, который становится в центр его теории.

Сама постановка вопроса о возможности лингвистического описания языковых действий, изучающихся на основании данных высказывания (они определяются автором как "отрезок речевого потока, ограниченный сменой субъектов речи"), может быть воспринята со стороны коммуникативно-стилистических установок изучения речевого поведения сочувственно. Это уже третья точка на функционально-коммуникативной шкале. Однако длительная традиция "внеличностного" употребления термина даже при попытке его реанимации мешает ему передвинуться на следующую, четвертую точку шкалы, не только аккумулирующую внутреннее равенство двучлена "язык–человек", но и наполняющую его социальным содержанием.

Необходимость занять эту точку также определила выбор термина "поведение", подразумевающего социально-психологическую характеристику "действующих лиц" речевого акта, ситуативно варьирующую языковой отбор.

К выбору термина "поведение" вынуждает и еще одно немаловажное обстоятельство. Универсальность проблем общетеоретического характера постоянно открывает возможности разнообразных видов миграции разноязычных понятий и терминов, которые к тому же способны мимикрировать. Поэтому в какой-то момент они могут оказаться непригодными для соотнесения рядоположенных категорий. Когда термин "речевое поведение", отягощенный бихевиористскими и дескриптивистскими коннотациями, был воспринят лишь психолингвистикой, которая не посягала на его общекатегориальный смысл, языковое употребление находилось по отношению к нему в другой, функционально ограниченной плоскости. Но как только благодаря социолингвистическому осмыслению объем понятия сузился, появилась возможность завершить им коммуникативно-стилистическую линию речевой деятельности человека.

Тем самым, определившись в ряду универсальных понятий ("речевая деятельность" и "речевое общение"), РП как бы породило некое ответвление, продолжило собой цепочку понятий, входящих в перформативный ряд. Однако и здесь необходима терминологическая оговорка. Придавая категории употребления большое познавательное значение, западные исследователи вне оппозиции "competence–performance" широко используют термин "using", который несет мощные социальные коннотации и близок нашему пониманию РП [Saukkonen, 1983, 1039].

Понятое так РП – явление гетерогенное. Последнее качество имеет разные содержательные аспекты. Один из них как раз составляется объединением процессуального и результативного значений и внутренне градуирован: а) процессуальный характер РП не противоречит тому, чтобы отправной точкой его анализа явились данные вербального отбора,

как это свойственно филологическому методу; б) и процессуальная и результативная стороны – обе включаются как результат в деятельностную проблематику, подчиненную общей теории действий [Петров, 1986, 16]. Ср. это различие с различиями, проводимыми по отношению к связям коммуникативных заданий с семантикой текста, когда "действием" называют ближайшее достижение целей, в то время как деятельность складывается из действий и направляется на комплексную цель[12], которая может включать частичные и ближайшие цели [Мэнг, 1983б, 222 и след.]; в) процессуальная сторона РП предполагает внимание и к некоторым психолингвистическим проблемам, несмотря на то что противопоставление деятельностной и коммуникативной проблематики способствовало размежеванию РД, РО и РП и тем самым удаляло более конкретно и более узко понятый феномен РП от собственно психолингвистических интересов. В частности, это процесс развертывания текста [Levelt, 1983, 278], коль скоро он соотнесен с внешними обстоятельствами языкового употребления и отвечает коммуникативным потребностям говорящих и слушающих в их взаимодействии: "...на высшем мотивационном уровне (структуры языковой личности. – *Т.В.*) наблюдаемыми и анализируемыми с помощью лингвистических методик оказываются, естественно, не цели и мотивы, а порождаемые ими устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, способные удовлетворить эти потребности, типологизирующие специфику речевого поведения" [Караулов, 1987, 39].

Предварим выводы, которые напрашиваются из характеристики РП как гетерогенного явления, конкретизирующего категориальные и активизирующего маргинальные признаки РД и РО, всего лишь одним примером, не требующим сейчас специального комментария. В нем указанные выше причинно-следственные сплетения социопсихологического и коммуникативно-стилистического ряда предстают как бы сфокусированными ввиду того, что их вызвала к жизни чрезвычайная ситуация. Это сцена из пятой главы "Рассказа о семи повешенных" Л. Андреева, которая называется "Поцелуй – и молчи": ≪...только двоим предстояло свидание с родителями. И оба они с ужасом и тоской думали об этом свидании, но не решились отказать старикам в *последнем разговоре*, в последнем поцелуе ⟨...⟩ *Как смотреть, что думать, что говорить* – отказывался понять его человеческий мозг. Самое *простое и обычное*: взять за руку, поцеловать, сказать *"Здравствуй, отец"*, – казалось *непостижимо ужасным* в своей чудовищной, нечеловеческой, безумной *лживости*. ⟨...⟩ вошел он твердо, парадно, крепкими отчетливыми шагами. Протянул белую сухую руку и громко сказал: – Здравствуй, Сергей! За ним мелко

[12]Ср. известное мнение П. Вундерлиха о первичных (естественных) речевых актах, необходимых для всякого рода коммуникаций, и вторичных (институциональных). Ср. также различение понятий "действие" и "деятельность", которое к тому же всегда являлось препятствием для полной нейтрализации дихотомии "язык/речь" в применении к деятельности. Так, А.А. Леонтьев считает термин "речевая деятельность" некорректным, предпочитая говорить о совокупности речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель. Само речевое действие при этом он полагает актом психологическим [Леонтьев, 1974а, 25–26].

шагала мать и странно улыбалась. Но тоже пожала руку и громко повторила: – Здравствуй, Сереженька! – Поцеловала в губы и – молча села. Не бросилась, не заплакала, не закричала, не сделала чего-то ужасного, чего ожидал Сергей, а поцеловала и молча села ⟨...⟩ Сергей не знал, что всю предыдущую ночь, затворившись в своем кабинете, *полковник с напряжением всех своих сил обдумывал этот ритуал.* "Не отягчить, а облегчить должны мы последнюю минуту нашему сыну", – твердо решил полковник и *тщательно взвешивал каждую возможную фразу* завтрашнего разговора, каждое движение. Но иногда запутывался, терял и то, что успел приготовить, и горько плакал в углу клеенчатого дивана. А утром объяснял жене, как нужно держать себя на свидании. – Главное, поцелуй – и молчи! – учил он. – *Потом можешь и говорить, несколько спустя*, а когда поцелуешь, то молчи. *Не говори сразу после поцелуя*, понимаешь? – а то *скажешь не то, что следует* (курсив наш. – *Т.В.*) ⟨...⟩ На извозчике он хотел еще раз повторить наставление, но позабыл ⟨...⟩ – Посиди, Сереженька, – попросила мать. – Сядь, Сергей, – подтвердил отец. Помолчали. Мать странно улыбалась. – Как мы хлопотали за тебя, Сереженька. – Напрасно это, мамочка... Полковник твердо сказал: – Мы должны были сделать это, Сергей, чтобы ты не думал, что родители оставили тебя. – Опять помолчали. *Было страшно произнести слово*, как будто каждое слово в языке потеряло свое значение и значило только одно: смерть. Сергей ⟨...⟩ вдруг спросил: – А как сестра? Здорова? – Ниночка ничего не знает, – поспешно ответила мать. Но полковник строго остановил ее: – Зачем лгать? Девочка прочла в газетах. Пусть Сергей знает, что все ⟨...⟩ близкие его ⟨...⟩ в это время ⟨...⟩ думали и ⟨...⟩ – Дальше он не сумел продолжать и остановился. Вдруг лицо матери ⟨...⟩ стало мокрым и диким ⟨...⟩ дыхание делалось все чаще и короче и громче. – Се... Сер... Се... Се... – повторяла она, не сдвигая губ. – Се... – Мамочка! – Полковник ⟨...⟩ *заговорил жене*: – Молчи! Не мучь его! Не мучь! Не мучь! Ему умирать! Не мучь! – Испуганная, она уже молчала, а он все еще сдержанно тряс перед грудью сжатыми кулаками и твердил: – Не мучь! – Потом ⟨...⟩ спросил белыми губами – Когда? – Завтра утром ⟨...⟩ Мать смотрела вниз, жевала губами и как будто ничего не слышала. И, продолжая жевать, *точно выронила простые и странные слова*: – Ниночка велела поцеловать тебя, Сереженька. – Поцелуй ее от меня, – сказал Сергей. – Хорошо. Еще Хвостовы тебе кланяются. – Какие Хвостовы? Ах, да! – Полковник перебил: – Ну, надо идти. Поднимайся, мать, надо ⟨...⟩ Простись! – приказал он. – Перекрести. – Она сделала все, что ей говорили. Но, крестя и целуя ⟨...⟩ *твердила бессмысленно*: – Нет, это не так. Нет, не так. Нет, нет. Как же я потом? Как же я скажу? Нет, не так. – Прощай, Сергей! – сказал отец... – Ты... – начал Сергей. – Ну? – отрывисто спросил отец ⟨...⟩ Ты, отец, благородный человек. – Что ты! Что ты! – испугался полковник. ⟨...⟩ *Последними словами полковника были*: – *Благославляю тебя на смерть*, Сережа. Умри храбро, как офицер. – И они ушли. Как-то ушли. Были, стояли, *говорили* – и вдруг ушли≫.

Выводы

Феномен РП в выбранном нами ракурсе стоит на трех китах, лишь один из которых – внутриязыковые закономерности подсистемной дифференциации стилистических явлений. Два же других – это внешние закономерности социальных и социально-психологических условий коммуникации, благодаря чему РП предстает как визитная карточка человека в обществе, отражающая регулярное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. Оно и формирует конкретизирующие свойства РП, отсутствие которых характерно для понятий "речевая деятельность" (РД) и "речевое общение", как это следует из предпринятых выше квалификаций. Понижение абстрагирующего статуса последних не могло бы быть произведено без некоторых издержек категориального значения. Вряд ли можно, например, приблизиться к конкретизации РД до уровня РП, если порождение речи есть путь к реализации последнего: "Деятельность и поведение – это две разные формы проявления человеческой активности ⟨...⟩" [Дридзе, 1980, 203]. Вряд ли также существует и возможность конкретизировать речевое общение лишь наличием социума, в котором оно происходит. С этой стороны также необходимо последующее звено – категория, предусматривающая стилистическую дифференциацию результатов социального взаимодействия на общем деятельностном фоне.

По всей вероятности, к такой конкретизации больше располагает понятие "речевое поведение" ввиду явного присутствия в нем ситуативного смысла: "В основе поведения ⟨...⟩ лежат так называемые автоматизмы" [там же]. С их помощью, например, удобно оперировать типовыми ситуациями речевой деятельности и речевого общения, возможными в социально-дифференцированном внеязыковом поле, обнаруживающем функциональную вариативность вербального отбора. Исследователи отмечают, что "в лингвистических моделях коммуникативного акта роль языковых средств оказывается преувеличенной при одновременной слабой представленности различных аспектов экстралингвистической реальности, на фоне которой протекает речь" [Медведева, 1980, 160]. Приводимые в следующей главе фрагменты анализа показывают еще не исчерпанные потенции усиления этих аспектов, кроющиеся в категории речевого поведения, которое представляет их в виде иерархической градации компонентов внеязыкового окружения, взаимодействующего с вербальным отбором.

Глава II

ЕДИНИЦЫ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА РП

Структура и составляющие единицы РП

I. Изучая РП, мы также вправе пренебречь тем, что участок, на котором оно поддается наблюдению, не обладает гомогенной структурой. Этот участок образуется в точке пересечения двух центральных понятий внешней лингвистики – "владение языком" и "употребление языка", демонстрирующего свойства последнего. Точка их пересечения характеризует носителя языка в целом – с историко-этнической и социально-психологической стороны, а наши социальные обязательства касаются речевого результата, вытекающего из этих характеристик.

Но в каких терминах следует описывать участок РП, имея в виду, что они должны соответствовать каждой из его составляющих?

По всей вероятности, такое описание целесообразно строить, отталкиваясь от вербального компонента по экстралингвистической восходящей: а) узуальная характеристика лексико-грамматических отношений внутри законченного смыслового целого как языковой единицы (в данном случае удобно говорить о предложении или о тексте), которая основывается на закономерностях употребления языка; б) коммуникативная характеристика предложения или текста, которая переводит его в статус высказывания или дискурса, вводя невербальные компоненты в характеристику вербальных значений на данном речевом участке[1]; в) прагматическая характеристика, которая конкретизирует коммуникативную характеристику высказывания как результата словесного отбора, сформированного его взаимоотношением с субъектом речи; г) психолингвистическая характеристика, трактующая высказывание как процесс порождения речи и развития текста, в центре которого находится субъект речи; д) социолингвистическая характеристика, которая, соотнеся субъект речи и его высказывание с реальными обстоятельствами языковой жизни социума, переводит его тем самым в ранг конкретных признаков говорящего человека.

Последний компонент вбирает в себя данные предшествующих, т.е. играет интегрирующую роль в представлении участка РП как взаимодействия социально-психологических характеристик людей, пользующихся языком, с узуальными свойствами его системы. Но для того чтобы дать этому взаимодействию окончательную характеристику, пока что соответствующую тем признакам, которые по отдельности уже были названы при определении феномена РП в первом приближении, мы должны выделить в его компонентах социально-ситуативные факторы "второго приближе-

[1]Высказывание как результат словесного отбора, произведенный при употреблении языка, являет собой "подлинный, полноценный лингвистический знак (...) означаемым которого является (...) ситуация сообщения" (имеется в виду "денотативная сторона", т.е. описываемые предметы и связи между ними) [Гак, 1972, 16].

ния", уточняющие влияние внеязыковой надстройки на вербальный состав анализируемого участка.

Перечислим их в соответствии с пунктами первого ряда: а) различение или неразличение стилистически нейтрального и стилистически маркированного отбора; б) соответственная коммуникативная значимость наличия или отсутствия коннотаций, осложняющих денотативную сторону высказывания как знака; в) момент "прагматизации" текста, отражающий тот факт, что коммуникативный взгляд на него неадекватен в отчуждении от причин и целей, заставляющих говорящего пользоваться языком (теория дискурса) [Арутюнова, 1985, 22–23]; г) поведение конкретной личности в процессе порождения и развертывания текста; д) социальная дифференциация говорящих, проявляющаяся в ситуативно определяемом речевом отборе.

Эти факторы формируют парадигматический срез составляющих РП, т.е. упорядочивают и детализируют иерархию социально-психологической надстройки над завершающим с точки зрения коммуникативных нужд этапом словесного отбора – стилистическим.

Для того чтобы продемонстрировать действие этих составляющих в пределах анализируемого участка РП, недостаточно проследить последовательность и причинность их связей. Первостепенную важность приобретают здесь особые условия, на которых осуществляется анализ участка РП при помощи языкового материала разных функциональных подсистем, требующих разного же к ним подхода.

С точки зрения интралингвистического анализа источник для извлечения языкового материала безразличен, это необходимое сырье. Любое внеязыковое обстоятельство (географическое, историческое, функциональное) в случае его непосредственного отношения к анализу переводит этот источник в ранг полуфабриката – мы наблюдаем такое-то свойство структуры именно там, именно тогда и именно потому. Ср., например, словосочетание *туманное утро*. Его интралингвистическая характеристика так или иначе коснется отсутствия или наличия предикации (а следовательно, тема-рематической структуры, т.е. порядка слов и интонации, не говоря о вопросах грамматического согласования в его разных аспектах). Но уже устойчивый характер этого словосочетания, рожденный во многом традицией поэтического употребления, – это признак, который делает его интерлингвистическим полуфабрикатом, и тогда порядок слов приобретает иное значение – стилистическое (куда входит и ритмическое, и цитатное, и образно-метафорическое). Если же мы выделим это словосочетание, например, в стихотворных строках: "Это трудное время. / Мы должны переждать, / пережить эти годы, / С каждым новым страданьем / забывая былые невзгоды, / И встречая как новость / Эти раны и боль поминутно, / Беспокойно вступая / в *туманное* / *новое утро*" (Иосиф Бродский), – то стилистическое значение получит и само нарушение устойчивой слитности (A + N), вводом дополнительного эпитета переведя поэтический шаблон в индивидуально-эстетическую ценность. И это уже дальнейшее движение по пути от полуфабриката к единице РП.

С точки зрения интерлингвистического анализа источник для извлече-

ния языкового материала уже предстает, таким образом, функционально отобранным (определенная сфера для изучения определенных фактов). Связь источника с предметом изучения может быть прямой (изучение коммуникативных свойств разговорной речи (РР) по записям устной неофициальной речи; изучение употребительности художественного приема по тексту художественного произведения и пр.) или опосредованной (изучение полифункциональности определенных явлений структуры, изучение социально-дифференцированных особенностей языкового употребления по текстам сопоставимых функциональных сфер и пр.).

II. С точки зрения РП помимо этой зависимости необходимо сопоставить позицию стороннего исследователя с позицией внутритекстовых интерпретаторов, которая проявляется на отобранном участке текста в порядке и мере экспликации составляющих РП (ср. на с. 7 замечание Н. Хомского об РП говорящих, слушающих и изучающих язык).

Предположим, что языковым источником, предоставляющим в распоряжение исследователя факты разговорного РП, является художественный текст. В этом случае возможны следующие варианты исследовательской позиции: 1. Исследователь равен автору как: а) наблюдатель; адресат (автор – первый адресат своего собственного сообщения). 2. Исследователь неравен автору как: а) адресат сообщения, адресантом которого является автор; б) наблюдатель же, но оперирующий другими категориями интерпретации текста (научно-познавательными, а не эстетически-типизированными), нежели автор. 3. Исследователь поднимается на одну ступень выше, включая категории авторской интерпретации в свой познавательный понятийный аппарат.

Таким образом, мы получаем двухступенчатый анализ языковых фактов, и это обстоятельство, будучи осознанным, не представляет никакой опасности подмены достоверного материала недостоверным, в чем часто упрекают процедуру извлечения "нехудожественных" показателей из художественной языковой ткани. Более того, для РП, как мы увидим далее, метаязыковые фрагменты художественного текста чрезвычайно поучительны. Они укрупняют причинно-следственные связи внеязыковых составляющих с вербальным отбором, избавляя исследователя от паспортизации явлений, уже получивших социально-психологическое обобщение [Винокур, 1991, 27].

Когда типологию называют дисциплиной "второго эшелона" [Вардуль, 1986, 26], потому что она опирается на готовые дескрипции, а не на непосредственные факты практической речи, у стилиста возникает аналогия с уже отобранными и "описанными" (пусть ненаучно) речевыми поступками людей, попавшими в художественный текст[2] потому, что художественная литература есть "вторичное моделирование действительности" (Ю. Лотман). Благоприятные условия для такого моделирования создает способность поэтического языка иметь установку на выражение, обладать внутренней формой [Винокур, 1991, 28], что обеспечивает отобран-

[2]Композиционные формы тут могут быть самые разные, и обязательной связи с прямой речью искать не следует.

ность и неслучайность означающего, коль скоро оно служит конечным средством выражения художественной мысли о речи людей. Здесь есть лишь одно затруднение. В определенном смысле оно серьезно, хотя и находится как бы вне науки, потому что успех его преодоления зависит от языковой интуиции исследователя, помогающей оценить языковую интуицию писателя: ставит ли он перед собой осознанную задачу описать реальные свойства языкового употребления изображаемых людей, и достигает ли он желаемого эффекта.

Пример анализа

Рассмотрим следующий фрагмент из современного рассказа: ≪Ночью Лена проснулась от детского плача (1). Плакал Валин ребенок за стеной (2). Валя так и говорила о нем: "*Ребенок*" (3). Потому что ни "мальчик", ни имя, выделяющее конкретного человека из себе подобных, тут не годилось (4). Неконкретное, неличное "ребенок" – так лучше (5), потому что личности дитя лишено (6). Валя уже "привыкла" (7), ей "хоть бы что" (8)≫ (Т. Набатникова. Домохозяйка // Юность. 1987. № 2).

Предварительным этапом анализа в данном случае является определение заданной автором рассказа речевой композиции фрагмента, состоящей из постепенного продвижения от авторской речи к речи персонажа, т.е. в смене субъектов речи с сопутствующими ей колебаниями между прямой, несобственно прямой и несобственно авторской [Кожевников, 1977, 75, 76 и след.] речью, цитатных и полуцитатных вкраплений. Представляющая собой словесную экспликацию реальных условий "нехудожественного" речевого поведения, эта композиция не может быть вынесена целиком за скобки изучения последнего, так как свидетельствует о включении автором его личной оценки (как носителя и как слушателя) в оценку языка, свойственную изображаемым в произведении говорящим людям. В произведениях, посвященных жизни общества, к которому принадлежит сам автор, эти оценки могут и полностью сливаться[3], очерчивая тем самым узуально-стилистический диапазон языкового употребления, в рамках которого развивается речевое действие персонажей. Согласно способам интерпретации художественного текста, предложенным К.А. Долининым, такая композиция обеспечивается частичным наложением референтной ситуации (обстоятельства дела) и коммуникативной (образы участников общения) [Долинин, 1985, 11].

Далее располагаем составляющие РП согласно выделенным пунктам "второго приближения": а) стилистическая гетерогенность текста. Выраженная в комбинациях "нейтрально-высокое" и "нейтрально-сниженное", она является свидетельством стилистического статуса повседневной разговорной речи (как она осознается большинством современных говорящих), при котором "высокое" служит водоразделом между книжностью и разговорностью (книжный стиль принадлежит высказываниям,

[3] С точки зрения анализа художественного текста такая слитность характерна для произведений, если автор отождествляет свою позицию с позицией персонажа – прием, активизировавшийся в современной прозе.

в которых голос автора "воспаряет" над голосом персонажа): (4), (5), (6); б) наличие коннотаций (включая стилистическое различие слов *ребенок* и *дитя*). В естественных условиях формирования дискурса они имплицируют отношение говорящего к предмету речи. Авторский комментарий лишь снимает неопределенность коннотации, подчеркивая ее конситуативную зависимость. Ср. словарное значение слова *ребенок* мальчик или девочка в раннем, доотроческом возрасте' и актуальное значение-употребление: *ребенок* – ни мальчик, ни девочка, неполноценное существо; в) прагматическая причина наименования-высказывания: невозможность назвать мальчиком или именем собственным неполноценное существо; прагматическая цель – избежать такого наименования; г) порождение своего способа языкового выражения по отношению к называемому предмету в сложившихся условиях и художественная экспликация развертывания этого способа, заменившая нехудожественную импликацию; д) выражение подобным наименованием, образующим высказывание, социально-речевых ролей (мать по отношению к своему ребенку, соседки – женщины сходного социального статуса), всегда имеющих достаточный синонимический разброс, и ситуативной необходимости самого речевого действия.

Сложив эти составляющие, мы как будто бы должны получить сосредоточившуюся в указанной номинации характеристику личного РП, имеющего коммуникативно-целевые, психологические и собственно социальные основания для того, чтобы говорящий осуществил стилистический (конечный этап вербального) отбор, т.е. реализовал способность, готовность к такому отбору в соответствующей ситуации.

Однако, судя по анализируемому фрагменту данного художественного текста, за рамками указанных пунктов остались и другие, бесспорно существенные, признаки – и тех условий, в которых совершился данный отбор, и тех последствий, к которым он привел, став фактом, принадлежащим конкретному участнику речевой коммуникации.

Говоря о данном случае, у нас нет оснований сбрасывать со счетов эмоциональную причину[4] как психологическую основу совершаемого отбора, который контрастивно эксплицирован ремаркой (8). Говоря о последствиях этой причины, целесообразно видеть в них формирование определенного речевого навыка как способа "исполнения" возникшей коммуникативной необходимости, закрепленной за данной ситуацией. И то, и другое – типизированные обстоятельства речевого проявления личности, которые (и об этом напоминает нам содержание анализируемого фрагмента) суть достояние и адресанта, и адресата речи.

Последнее обстоятельство, так же как определение позиции исследователя, требует специальной оговорки относительно выгод предвари-

[4]См. книгу Дж. Веттера [Vetter, 1969, VIII], где указываются семь первичных эмоций, которые занимают главенствующее место среди эмоциональных стимулов речи, в частности страх (а как производные – отчаяние, тоска и пр., что имеет место в данном примере). Такие эмоциональные амплитуды легко поддаются типизации в психологическом плане. Однако амплитуда адекватно выражающего их словесного отбора – предмет специального исследования.

тельной эстетической обработки значимого участка речи писателя. В данном случае она дает возможность увидеть воочию вышеназванный (как основной) признак самого феномена – взаимодействие участников речевого акта. Оно выделяется здесь на основании полифонической структуры данного фрагмента, начиная от первого высказывания, которое формально можно отнести к чисто авторскому плану (1). Уже в нем зарождается содержательное пересечение точек зрения персонажа и рассказчика как внутренний элемент речевой композиции текста. Он коммуникативно подготавливает восприятие "чужого слова" (М. Бахтин), которое является рематическим центром второго высказывания (2). Его отправитель "о трех головах": рассказчик (продолжение повествовательной синтаксической структуры), рассказчик-персонаж (тема-рематическая инверсия) и второй персонаж (употребление "его" слова персонажем-рассказчиком). Далее эти три плана тасуются, подобно колоде карт, из которой можно "вынуть" взаимопонимание, узнавание и воспроизведение речи коммуникативно связанных между собой людей: Я, рассказчик, говорю *Валин ребенок*, потому что так его называет первый персонаж, с которым я себя отождествляю. А данное отождествление значит, что фрагмент в целом представлен с позиций рассказчика-персонажа. Он называет Валиного ребенка так, потому что сама Валя (второй персонаж) его так называет. Она называет его так (с точки зрения рассказчика-персонажа) по таким-то причинам. Рассказчику-персонажу объяснить эти причины – и самому себе, и читателю-адресату – помогает авторская позиция, допускающая включение в книжный участок повествования малоупотребительного в границах современного стилистического узуса слова *дитя* (6).

Такова последовательность рационалистического толкования, идущего от автора и рассказчика, вместе взятых. Им противопоставлено эмоциональное толкование – персонажное. Валя говорит, что называть свое несчастное дитя ребенком, а не мальчиком и не именем собственным "ей хоть бы что", она уже "привыкла" (7, 8); ясно, что это бравада глубоко страдающей матери, но данный факт выпадает из нашего комментария, будучи типизированным прежде всего психологически и не имея формального выражения как момент истинности/ложности. Наречие *уже* (7), принадлежа тем не менее рассказчику-персонажу, а не Вале (второму персонажу изображаемой речевой ситуации), есть не что иное, как интерпретационное уточнение, которое направлено на совмещение разных позиций участников данной речевой ситуации в целом.

Таким образом, мы видим, что на первой ступени описания автор выступает в роли художника, а не исследователя, и это оказалось возможным благодаря совпадающей части этих коммуникативных ролей. Он показал: а) как говорят; б) почему говорят именно так; в) как воспринимается этот способ говорения и в какую, словесную же, реакцию облекается это восприятие; г) какова ситуация, в которой данный способ говорения и его восприятия является социально и психологически достоверным.

Следующий шаг в этом направлении должна составить интерпретация,

основанная на разности коммуникативных ролей автора и исследователя. Автор послал сообщение, содержащее эстетически осмысленную и типически обобщенную имитацию "непосредственного наблюдения" над речью людей. Дело исследователя-лингвиста – извлечь из нее составляющие РП: ≪Лингвистика – это не "первичная речь"... а "речь о речи"; поэтому лингвистика не может принять точку зрения простого говорящего. Нужно исходить из знаний говорящего о речевой деятельности, но нельзя смешивать план речи с планом лингвистики≫ [Косериу, 1963, 173].

В основу вербальной части ложится использование языковой единицы согласно закономерностям образования двух первых компонентов стилистического узуса: нейтральное *ребенок*, приобретая экспрессию и смысловые коннотации, становится средством, имеющим стилистическое значение и организующим контекстный стилистический прием (*мальчик–ребенок–дитя*). Два других компонента стилистического узуса – задание и эффект – ложатся в основу невербальной части РП, аккумулируя коммуникативно-прагматические и социально-психологические мотивы формирования данного приема: а) причины выбора входящих в него языковых единиц для данной конситуации; б) отражение в ней возможности образования психологически обусловленного постоянного языкового навыка; в) экспрессия этого навыка, включающая "импрессию" адресата [Hausser, 1968, 117–118] (т.е. влияние адресата на экспрессию высказывания адресата в личной и массовой коммуникации); г) социально-ситуативные роли участников речевого общения, располагающие к совпадению или несовпадению экспрессии и импрессии как следствий общности коллективных языковых навыков и амплитуды их вариаций. Напомним, что категория стиля может принять значение стилистической нейтральности, и тогда соответственно экспрессия задания и эффекта высказывания может измеряться не "выразительностью", а "выражением" (ср. "выражательную" функцию у Г. Шпета). Д. Хаймз, считая, что когнитивный и экспрессивный аспекты РП не могут существовать раздельно, пишет, что "все явления речи могут интерпретироваться слушающим как несущие экспрессивную информацию о говорящем" [Хаймз, 1975, 51][5] вплоть до его "зрительного образа" (как у Т.А. ван Дейка). Большее или меньшее место занимает при этом собственно детективный элемент изысканий – не имеет значения. Полнота описания РП в любом случае извлекается из самой структуры данного высказывания. Это ≪метод "критики структуры" pendant к филологической критике текста≫ [Винокур, 1990, 27]. Сейчас уместно лишь добавить, что прерогатива лингвиста и состоит в способности увидеть при помощи критики текста факты нелингвистические, но открывающиеся лишь специальному лингвистическому (филологическому) зрению.

Узуально-стилистическая характеристика составляющих РП позволяет сделать следующие выводы: говорящий и слушающий имеют возможность (обладают способностью, проявляют умение, обнаруживают готов-

[5]Ср.: "...язык экспрессивен не вопреки своим логическим качествам, а лишь сверх своего логического содержания" [Винокур, 1929а, 43].

ность [Богин, 1984, 1]) осуществить адекватный языковой выбор применительно к внеязыковой ситуации; сама внеязыковая ситуация гетерогенна, и ее иерархически выстроенный состав представляет указанную возможность как регулярное свойство носителей языка, основанное на общих закономерностях речевой деятельности, имеющих социально-психологическую мотивацию. То есть язык рассматривается в этом случае "как сторона человеческой личности" [там же].

Сопоставляя художественную и научную интерпретацию фрагмента, легко заметить, что во "втором приближении" пункты парадигматического среза составляющих РП объединились под флагом "значения говорящего" [Бруннер, 1984, 23], которое представляет собой семантико-прагматическую единицу, имеющую прямой вход в коммуникацию. Свой вклад в "значение говорящего", таким образом, внесли: стилистическое значение, коннотация, причинно-целевое обрамление высказывания, психолингвистическая процедура порождения и развертывания текста, социально-ролевая и социально-ситуативная рамки его исполнения. Таким образом, можно сказать, что в нем отразился полный объем того социально-психологического фона, на котором вырисовываются контуры РП. И следовательно, желание представить РП как гомогенную единицу уничтожило бы самый объект наблюдения.

Поскольку речь идет о коммуникативной ценности "значения говорящих", образуемой взаимодействием языковых навыков в точке их ситуативного пересечения, отношение "язык–человек" конкретизируется для РП как "речь–ситуация". Второй член отношения, покрывая собой всю сумму внеязыковых составляющих, выдвигает в центр участников речевого акта.

Источники

Представим себе теперь, что сведения об источниках, т.е. о социально-психологической мотивации произведенного ими словесного отбора, получены не из художественного текста, а из "практической" речи. Р.Р. Гельгардт высказывал мнение, что адекватность практической речи с точки зрения отправителя и получателя может быть в принципе полной, в то время как художественный текст стимулирует множественность интерпретаций [Гельгардт, 1971, 90]. Пример из рассказа показал, что метаязыковые свойства художественного текста (а они в том или ином виде присутствуют в нем всегда) создают обратную зависимость: эстетически осмысленная словесная экспликация языкового отбора снимает любую неопределенность, тогда как ситуативная оставляет для нее лазейки. Ср., например, фрагмент бытовой устной речи с тремя участниками: А. (муж), Б. (жена), В. (пришедший к ним мастер по ремонту телевизоров): **А.** (указывая на деталь в устройстве): А это / нельзя подтянуть? // (1). **В.** *Нормально* // (2). **Б.** Что "нормально"? // (3). **А.** Посмотрите! // Вот она / видите / болтается / так / знаете / ходит вся... (4). **В.** Я говорю / нормально! // Нормально она работает! // (5). (Пауза некоторого общего недоумения и недовольства.) **В.** Это же пластмасса! // Как ее "подтянешь"? // Вот она и болтается // Это надо из железа ковать! // Тогда и

подтягивайте давайте! // (6). **А.** Ну, ладно // (7). **В.** Это вам не швейная машина!// (8). Б. (шутливо) И не "Жигули"... (9). **В.** Вот именно что / "Жигули" / они... (10). **Б.** Но ведь машина все-таки! // (11). **А.** Подожди, / Тань! / Не отвлекай... (12).

Полилогическое строение фрагмента частично приоткрывает коммуникативные намерения и их стилистическое исполнение, которые по-разному и одновременно характеризуют собеседников. В данной ситуации коммуникативно-стилистические показатели РП сосредоточиваются вокруг первой реплики В. (2), которая не понята и не принята А. и Б., но, возможно, по разным причинам: не понята А., судя по его последней реплике (12),и не принята Б., судя по реплике (3). Иными словами, реплика В. не устроила А. планом содержания, а Б. – планом выражения. Или же мы можем говорить о референциальном единодушии А. и В., тогда как Б. игнорирует референтное содержание предыдущего высказывания вообще. Также вполне вероятно, что и то, и другое суть квазимотивы (лишь видимая часть айсберга), и причина коммуникативной неудачи, примером которой является данный полилог, заложена глубже: в психологической несовместимости людей, которые имеют в арсенале речевых средств именно такое средство, и людей, которые его не имеют. А эта несовместимость принадлежит, в свою очередь, к области социально-психологических характеристик говорящих и слушающих. Последние, очевидно, таковы, что коммуникативная неудача (один из ее регулярных текстовых показателей – переспрос-реплика (3)) способна оказаться преодоленной благодаря единому (несмотря на частности) опыту общения в сниженно-разговорном стилистическом ключе, а также как раз благодаря неодинаковой реакции А. и Б.; Б., более реагируя на слово, соответственно развивает свое РП, войдя в конфликт с которым А. может продолжить разговор о деле.

Но спрашивается: откуда мы извлекаем сведения о соотношении поверхностных и глубинных показателей, об их объективности или субъективности, если перед нами в качестве анализируемого дискурса лишь скупой фрагмент не безусловно законченного по смыслу диалогического целого? М. Халлидей, трактуя свое понимание "диалекта" в языке и "регистра" в речи, пишет: "Диалект, на котором вы говорите, есть показатель того, кто вы"; "Регистр, которым вы пользуетесь в определенной ситуации речи, есть показатель того, как вы себя ведете" [Halliday, 1978, 157]. Если автор художественного произведения объединит эти показатели (а он это сделает непременно согласно задаче эстетической типизации), да к тому же предпримет их метаязыковую экспликацию, то исследователь практической речи ввиду отсутствия этих закадровых знаний естественно вернется к конкретным истокам, которые позволяют выдвигать гипотезы о том, что заложено в тексте (по ван Дейку) с точки зрения полноты описания РП его создателей: "...чтобы понять дискурс, слушающий или читающий должен быть способен вычленять на базе или общих знаний о мире ⟨...⟩ или анализа текущего контекста ⟨...⟩ ориентированные на говорящего контексты ситуации. Если говорящий и слушающий не обладают общими знаниями о мире, понимание не может быть полным"

[ван Дейк, 1989, 55]. Ср. конфликтную ситуацию, которая является "проявителем" вариантов РП участников процитированного полилогического фрагмента. Если на "глобальном уровне" [там же] речь шла бы о непонимании дискурса в целом, то на коммуникативно-стилистическом уровне можно говорить о квазинепонимании, намеренном дистанцировании от него ввиду определенного отношения к способу речи.

И было бы также неверным думать, что практической (в частности, и разговорной) речи вовсе чуждо метаязыковое восприятие РП. Поэтому и здесь позиция исследователя может определяться соотношением с таким "автором" речи, который склонен к метаязыковой экспликации в принципе: "Человек как языковая личность постоянно оценивается наблюдающими его людьми. Речь одного индивида релевантна для другого индивида ⟨...⟩ Обоснованные суждения о языковой личности, имеющие оценочный характер, доступны отнюдь не только лингвистам". Поскольку оценками такого рода занимаются все вообще люди, то создается своеобразное положение: "Оценщик совокупно выступает и как субъект оценок, и как их объект", т.е. как наблюдатель и наблюдаемый. Исследователь этих оценок выступает как наблюдатель наблюдателя" [Богин, 1984, 5], поэтому полномочия уже обработанного, оцененного (любым способом) и необработанного текста в перспективе построения экстралингвистически детерминированной парадигмы РП могут быть поделены между критериями первичной и вторичной (воспроизведенной) речевой действительности, которые с точки зрения изучаемого объекта дополняют друг друга.

Критерий воспроизведенной (отраженной) речевой действительности, следовательно, применим к любым функциональным сферам. Коль скоро факт воспроизводства состоялся, мы имеем дело с объективной речевой данностью. Установить ее природу по отношению к тому или иному варианту РП можно путем последовательного извлечения составляющих, сгруппированных вокруг "значения говорящего", которое образуется социально-психологическим фоном – внешней ситуацией речи, когда она стягивает номинативный, референтный и коммуникативный участки, согласно показанной выше иерархии вербальных и невербальных связей.

Парадигматический и синтагматический типы материала

Хороший материал для изучения РП дают наряду с художественными текстами некоторые жанры публицистики, например очерки, посвященные отдельным людям, преимущественно знаменитостям, поскольку в них чаще всего рисуются черты их характера, особенности общения с другими людьми, прямо цитируется их речь и т.п. Удобство таких "воспроизводящих" приемов заключается как раз в том, что они наглядно подтверждают некорректность противопоставления личных (индивидуальных) и социальных интеракций. РП, вариант обнаружения которого основан на взаимодействии, получает тем более достоверную характеристику, чем большее количество взаимодействующих точек в ней пересек-

лось. Даже сугубо индивидуальная на первый взгляд манера РП, коль скоро она определена через восприятие, поддается анализу путем сопоставления интенции говорящего и реакции слушающего, т.е. открывает выход в социум. Если же слушающий, сменив свою коммуникативную роль, воспроизводит данную реакцию вторично в виде новой интенции, то РП окончательно объективируется как социальное. Именно на его фоне становится ясным, что интралингвистическому анализу, имеющему коммуникативное содержание, может быть подвергнута лишь внутренняя речь, но не звучащая или отраженная на письме.

Таким образом, полифоническая структура любого метаязыкового фрагмента, демонстрирующего феномен РП, не являясь привилегией художественного текста, дает возможность соединить усилия наблюдателя-лингвиста и наблюдателя-адресанта/адресата. Пользуясь данными "непосредственного наблюдения" второго, первый извлекает из них закономерности РП с точки зрения взаимодействия его составляющих.

Ср. конкретные штрихи речевого портрета М. Плетнева (пианиста, а теперь и дирижера, художественного руководителя симфонического оркестра России), как они были восприняты в свое время его педагогом проф. В. Горностаевой в очерке "Споры вокруг имени" (Сов. культура. 1987. 10 мар.).

Непосредственное наблюдение дало автору очерка возможность установить следующие психологические характеристики описываемого человека: "ясно ощутимая устойчивость сильного характера"; "несколько чопорная манера держаться"; "нет легкости общения"; "он словно стоит особняком (...) замкнутость, неконтактность"; "мироощущение, не всегда совпадающее с распространенным, привычным, своя повадка". Из этих характеристик намечается выход в речевые: "не помню, что он мне говорил, но глаза и манеру говорить отметила сразу: взгляд, медленно проникающий в собеседника, речь негромкая, неторопливая"; "В нем много от нежелания быть как все (...) отсюда и непредсказуемые ответы (...) Манера не говорить лишнее отличает его одинаково и в жизни, и в искусстве. Он не ведет долгий доверительный разговор с приятелем из министерства культуры и потому в некоторых кругах имеет репутацию человека надменного".

Эти наблюдения конкретизируются в стилистических характеристиках: "чуть старомодная русская речь"; ≪в стиле его поведения отсутствуют характерная для нашего круга импульсивность, преувеличенность оценок, употребление словечек "гениально", "потрясающе"≫; "Плетнев, насколько мне известно, к диалекту артистической среды совершенно не склонен", а также в культурно-речевых, одна из которых была дана автором очерка инвертивно, показывая описываемого героя как адресата речи: ≪рассказывают, что кто-то из должностных лиц, позвонив ему по делу, в разговоре поименовал его "ты, Миша...", и Плетнев вежливо осадил говорящего≫.

И наконец, вместо описания даются прямая и косвенная цитаты речи героя: ≪Я его спросила как-то: "Миша, может быть, я тебя как профессор не устраиваю? Давай разойдемся, а то никакого толка". Он посмотрел на

меня серьезно ⟨...⟩ внимательно ⟨...⟩ и сказал: "Нет, вы меня как профессор устраиваете"≫; ≪он совсем не умеет что-либо "достать". Этот глагол ему явно не по силам≫ (шутливый прием, построенный на обычной подмене денотата сигнификатом).

Легко заметить, что ни одна из этих "житейских" характеристик, даже необязательно в данной совокупности, не может быть признана социально незначимой. Они эксплицируют элементарное "узнавание": а) социально-психологического типа людей (т.е. части их постоянного речевого статуса), употребляющих преимущественно "старомодные" и не употребляющих жаргонные средства; отдающих предпочтение культурно-этикетным и не поощряющих использование эмоционально окрашенных средств; б) ситуативно-речевых поступков этого типа говорящих. Отказ от эмоциональных средств вызывает к жизни заменители, например нарушение узуальной структуры диалога, выразившееся в эффекте "обманутого ожидания" (прагматическая необходимость импликации уступила место информативно-избыточной экспликации): "Нет, вы меня как профессор устраиваете".

В интерпретации же этих характеристик, согласно составляющих РП, вырисовывается социально-психологическая значимость его нарочитой индивидуализации (быть и, значит, говорить не так, как все), не препятствующая коммуникативным намерениям.

Склонность к метаязыковым оценкам – это с точки зрения анализа РП паллиатив гипотетической возможности записать всю речь изучаемого человека (одного, нескольких, группы, социума), продуцируемую им в течение жизни[6]. Подобные оценки имеют разные формулы символических отражений (я/он всегда говорю/говорит так; я/он никогда так не говорю/не говорит) и бесконечное разнообразие клише – признаний, кредо, характеристик и пр., имплицирующих речевой портрет говорящего/слушающего. Ср. хотя бы вариации формулы "В моем словаре этого слова нет": ≪– В чем Вы видите свой поэтический долг? – Не убивайте! Помню, однажды Ярослав Васильевич Смеляков сказал, что кому-нибудь другому ничего не стоит употребить в стихотворении слово "мечта", а он, Смеляков, на это не способен, хоть зарежьте. Так и с поэтическим долгом. Это не мой словарь≫ (из интервью с поэтом Д. Сухаревым); ≪Я не мог сказать "бесстрашный воитель". Зачем Вы так пишете?≫ (говорит ученый журналисту, записавшему его беседу со студентами); ≪Ты не

[6]См. книгу Ю.Н. Караулова "Русский язык и языковая личность" [Караулов, 1987, 21, 22, 25, 85 и след.], где имеется в виду один из парадоксов лингвистических описаний, который состоит в противоречии между полнотой и системностью, в то время как существует и второй – между дискретностью носителя (и "актуализованных" им актов языка) и непрерывностью, континуальностью лингвистического описания. Эти противоречия можно снять, если объектом изучения становится языковая личность с присвоенной ею языковой системой. Ср. мнение о том, что ≪культуры социальных систем ⟨...⟩ доступнее для исследователя, чем личный набор "культурем"≫ [Моль, 1973, 52–53]. В широком смысле – это отражение тенденции изучать речь в структуре социального взаимодействия общающихся, которая предоставляет теории речевой деятельности "наиболее полное объяснение характеристик речи" [Тарасов, 1986, 5].

надейся, она ничего не понимает, в ее словаре и слов-то таких нету "неудобно", "неловко", ей все "ловко"≫; ≪Ну и ну, она ей все "тинктура йода", "тинктура йода" с таким важным видом, а она и слов-то таких не знает≫; ≪Я думаю... э-э... у него все же есть другой словарь≫ (говорят о человеке, который в неофициальной речи привержен к бранной лексике) – из устной разговорной речи.

Можно сослаться также на показательный для таких оценок прием типизированного использования какой-либо импликатуры, поскольку она является частью смысла целого текста, а не какого-нибудь отдельного слова [Арнольд, 1980, 84]. В плане социально-психологической структуры текста импликатура демонстрирует "редукцию языкового опыта" [Бергельсон, Кибрик, 1980, 147], влияющую на языковую деятельность человека как принцип, который заключается в том, что значительная часть этого опыта остается невыраженной в высказывании. Поэтому с точки зрения РП она может символизировать собой текст, сопоставимый с "модусом вивенди" – манерой, стилем поведения определенного типа людей в целом [Мэнг, 1983а, 226]. Ср., например, публицистический фрагмент, построенный на эмоциональной импликатуре – сниженно-бытовом клише разговорной речи: ≪Во всех перечисленных случаях есть беда, но нет преступника – в смысле преступной личности. Личность обыкновенна, привычна и до боли узнаваема. Ее отличительная черта – иррациональность: никому не дано знать, когда она со словами "А пошли они все" – махнет рукой на что угодно. "А пошли они все" – формула, замечательная своей отточенностью по существу и полной неопределенностью адреса≫; ≪Преступно-халатное отношение? Как вы, конечно, понимаете, это и не причина и не объяснение. Это официально-правовой эквивалент формулы *"А пошли они все"*, т.е. результат, итог. Результат чего? ⟨...⟩ *"А пошли они все"* может внедряться в нас, вовсе не подонков по личным установкам, невидимо, как радиация ⟨...⟩ Если нас сегодня действительно беспокоит рост преступно-халатного отношения (*"А пошли они все"*), то необходимо доискиваться причин ⟨...⟩ случилось неминучее: в нас поселилось что-то от *"А пошли они все"* ("халатно-преступное отношение")≫. – Очерк А. Щербакова "Инерция" (Огонек. 1987. 10 мар.).

К этому типу данных о РП личности в социуме можно отнести и открытый ряд ситуативных стереотипов, свойственных одному и несвойственных другому социально-психологическому типу говорящих/слушающих ("как летят годы"; "чужие дети всегда быстро растут"; "вырастешь – узнаешь"; "А что, мне больше всех надо?"; "Да, он несет свой крест мужественно"; "Она за этот день сразу на десять лет постарела" и т.п.), откуда недалеко и до излюбленных пословиц, поговорок и цитат – при наличии свидетельских показаний о частотности и регулярности их употребления. И, таким образом, здесь вполне правомерно пойти по пути накопления оценок и самооценок, способных образовать совокупность вербальных сигналов РП той или иной группы носителей языка[7].

[7]Ср. суждения типа: ≪Терпеть не могу я эту публику, которая "Золотого теленка" чуть что цитирует≫.

Но ведь для лингвиста существует и более прямой путь обследования материала – непосредственная фиксация текста (дискурса) в отдельных фрагментах его первичного обнаружения, ситуативно недвусмысленного, которое самой своей структурой позволяет наблюдать РП говорящих/слушающих. Однако прямым этот путь будет в онтологическом смысле, а в операциональном – окольным. Так, например, в русистике разработана методология записи и научной обработки естественной разговорной речи[8], нацеленная не на носителей языка, а на особенности функционирования самого языка в определенных условиях.

В области РР ситуативный участок дискурса, синхронно фиксируемый наблюдателем-исследователем, поддается лишь частичной интерпретации в плане РП. Здесь необходимы фоновые, затекстовые панхронические знания даже в том случае, если он сам принадлежит к среде информантов. От отношений между информантами и наблюдателем-исследователем зависит пресуппозиционный объем поведенческой трактовки спонтанных высказываний РР, которые могут имплицировать масштабную референтную ситуацию.

Следовательно, для того чтобы подобный материал, даже паспортизованный, был обращен на РП, нужны дополнительные критерии его отбора. Например, возможность сочетания записи и эксперимента по отношению к тем носителям языка, речь которых исследователь наблюдал в течение длительного времени, регулярно и в тождественных ситуациях.

Именно таким образом была обследована в рамках РП возрастная разница вербального отражения номинативной ситуации, которую можно определить как "осуществление действия, следствием которого является возможность услышать музыку, записанную на магнитофонную пленку". Пять информантов в рамках совместно переживаемых бытовых ситуаций (наблюдатель совмещает свою роль с ролью одного из информантов) за длительный период наблюдения дали регулярно повторяющееся в речи каждого словосочетание, состоящее из синонимического ряда нейтральных и сниженных глаголов + разговорная именная номинация синкретического типа: *включить* (*поставить, пустить, завести, крутануть, запустить, засадить*)[9] *музыку.*

Помещенные в высказывание, эти словосочетания обнаружили прежде всего общие различия: а) в императивном и неимперативном задании, что косвенно отразило близость знакомства с предметом (говорящий регулярно производит данное действие сам или обращается с просьбой произвести данное действие к собеседнику); б) в эмоциональном компоненте этого задания (одно из наименований – *запустить* – перекрыло более

[8] Имеется в виду серия исследований группы ученых Института русского языка РАН под руководством Е.А. Земской.

[9] Легкость формирования у глаголов синонимического ряда, значимого с точки зрения социально-стилистической дифференциации РП, безусловно отражает функциональную судьбу наименований, не принадлежащих к "первичному лексическому классу" [Куриловичь, 1962, 253].

постоянный навык, будучи свидетельством определенного сиюминутного настроения).

Далее приводим индивидуальные различия: Информант А. (пожилая женщина, начальное образование, бытовая речь содержит большую долю просторечных вкраплений): Тань / *завела* бы музыку / что всё сидишь (работаешь. – *Т.В.*) ⟨...⟩; они с утра музыку *заводят*; Господи, они тогда музыку заведут, песни поют ⟨...⟩ ну уж веселились все так ⟨...⟩ а укусить-то нечего ⟨...⟩ (о прошлом, когда было голодно, но весело. – *Т.В.*). В речи этого информанта один раз имел место вариант *пустили* при распространителе: очень громко музыку *пустили*, я и не слышала (звонок в дверь. – *Т.Г.*).

Информанты Б. и В. – мужчина и женщина среднего возраста с высшим образованием. Для В. характерны императивные задания в разных формах с преимущественным употреблением глагола *поставить* (*поставь* музыку, *давай поставим* музыку). Во внеимперативных заданиях и формах преобладает *включить* ("они *включили* музыку"; "это ужас, если с утра пораньше музыку *включать*" и пр.). Для Б. характерны только внеимперативные формы с вопросительно-побудительным заданием: "хочешь, я *поставлю* музыку?"; "хочешь, музыку *поставим*?"; "давайте *поставим*..." и пр.

Информант Г. – молодой человек с высшим образованием. В его опыте вариант *поставить музыку* не получил альтернативы, зависимой от признаков, указанных для первых трех. Однако разброс экспрессивных вариантов, включая глагольный отбор, никак не обеспеченный сигнификативной стороной отражаемой ситуации, более широк, что опять-таки свидетельствует о степени близости к предмету речи, активного и заинтересованного отношения к нему ("*крутанем* музыку"; "*запустили* музыку – сто миллионов децибелл" и подобные).

Информант Д. (подросток) дал самое меньшее число употреблений, потому что в данном случае для него оказалась нетипичной номинация "музыка". Изоморфны ей прямые и дискретные номинации – *пленка, кассета* ("я хочу эту *кассету* поставить, поставьте ту *пленочку* с Альбано").

Примечание 1. У информантов Б., В., Г. при соответствующем изменении глагольной номинации изменялась и именная (мама любит, когда я ей *запускаю* ностальгические мелодии; они ужасную пошлятину *запускают*; Лена все лето *крутит* "Севильского цирюльника").

Примечание 2. Наиболее современный молодежно-жаргонный вариант – "*врубить* музыку" – не был зарегистрирован в речи наблюдаемых, несмотря на возраст Д. и на то, что в метафорическом употреблении эта лексема была отмечена у В. и Г. (Я / как сейчас / говорят / что-то *не врубилась* / а переспрашивать неудобно,/; Когда он начинает это / свою эту тягомотину / я *вырубаюсь*, сил нет).

Наряду с записями высказываний данных информантов среди них был проведен опрос. 1. Вопрос: "Как еще можно сказать?" или "Как ты еще в этом случае говоришь?": а) был проигнорирован А. и Д. ("А не все ли равно, я все могу сказать"; "Не знаю"); б) вызвал активную реакцию Б. и Г., результатами которой частично воспользовался наблюдатель – "альтер

эго" информанта В. 2. Вопрос: ≪Что значит "завести" музыку≫. Ответ А.: "Да так говорится / как еще скажешь"; Б. "Это, наверное, только про патефон... //; (обращаясь к А.:) Помнишь / бабуся / ручку *крутили-заводили*... //". 3. Вопрос: "Почему ты говоришь *поставить* музыку? Что ты ставишь?" Ответ Б.: ≪Я кассету *вставляю*... // "Ставишь"... / все *ставим* / пластинку, кассету //≫. 4. Вопрос: ≪Бабушка, вы из-за патефона говорите "завести" музыку?≫. Ответ А.: "Да привыкла просто / все так говорят //".

Подведем итоги:

1. Отчетливо наблюдаемый возрастной разброс узуальных свойств речи охватывает ряд переменных признаков говорящих и воспринимающих речь: а) мы лишены возможности сверить полученные данные с другими ситуативными показателями и, следовательно, должны допустить предположение, что вне семейных разговоров возможны другие варианты; б) из этого следует, что наиболее регулярно осуществляющееся словоупотребление, зафиксированное в данном анализе, может представлять собой лишь результат взаимовлияния речевых навыков близких между собой людей. Из записанных в течение длительного периода 85 высказываний 42 содержали единичное словоупотребление одного лица, которое в речи других лиц повторялось неоднократно (помимо реплицирующих условий диалогической формы общения); в) вариант "*засадить* музыку" в различных коммуникативных заданиях и их прагматических формах регулярно употребляли четверо информантов, в то время как наблюдения свидетельствовали, что эта лексика регулярна и высокочастотна (т.е. "своя") для речи одного из них во многих других лексико-семантических сочетаниях: Ты слишком много *засадила* (сахару. – *Т.В.*); Давай уж ей *засадим* сразу все (заплатим все деньги. – *Т.В.*), – но только в перфективных значениях. Употребление этого слова остальными информантами воспринималось как факт "заражения" или как "цитация" (дважды эксплицированная: "как папа говорит")[10].

2. Наблюдаемая психологическая совместимость разных способов номинации, основанная на "постулате языковой идентичности" (А. Мартине) – "все так говорят", "так говорится", "а как еще сказать" и пр., – присоединяемая к социально-дифференцированному признаку (возраст), охватывает социально-психологическую ситуацию речи в целом: а) демонстрирует "взаимодействие" как центральный фактор, которому подчиняются все составляющие семейного РП; б) подтверждает объединяющую их роль "значения говорящего", благодаря которому в условиях постулата языковой идентичности осуществляется стилистическая вариативность словесного отбора; в) допускает альтернативу РП: конфликт между "значениями говорящего" (К. Мэнг).

Приведем для сравнения два разговорных фрагмента, РП участников которых определилось разным семантико-стилистическим восприятием слов:

---

[10]Ср. мысль о большой вероятности предсказания речи друг друга у близких между собой людей [Эрвин-Трипп, 1976, 193].

1) **А.** Нет / конечно / она постарела // Хотя морщин вроде нет у нее? // Вот смотри, у меня... **Б.** Да что у тебя / ну тебя... // **А.** Нет / вообще / конечно / уже она такая / *потасканная*... **Б.** (шокирована. Эта реакция выражена паралингвистическими средствами – несколько недоуменный взгляд, попытка протестующего жеста и затянувшаяся пауза перед долженствующим быть, но несостоявшимся ответом). **А.** (смеется) Да нет / это мы так говорим... // **Б.** (облегченно улыбается). Ср.: [Кукушкина, 1989, 96 и след.].

Комментарий наблюдателя, если требуется выйти за рамки тех сведений, которые дал сам этот фрагмент (а он дал факт несовпадения задания и эффекта второго высказывания А. относительно языкового опыта Б.), должен опереться на ретроспективу, вскрывающуюся опять-таки путем опроса. Опрос дает сведения о том, что слово *потасканный* в узком дружеском кругу, к которому Б. не принадлежит, имеет обширное коннотативное поле, ассоциирующееся с референтной ситуацией, имевшей место в прошлом и позволявшей назвать этим словом любой предмет с целью шутливо-пейоративной оценки ("...что это *хлеб* какой *потасканный*?"; *чайник* никуда, совершенно *потасканный*). Следовательно, то употребление, которое было зафиксировано в приведенном фрагменте, получив у адресата оценку как узуальное – и только в этом своем качестве как имеющее ситуативно неоправданное стилистическое значение, – на самом деле обязано своим происхождением окказиональному употреблению. Оно выступило квазисубститутом иных наименований, возможно более оправданных с денотативной точки зрения, т.е. оказалось результатом так называемого ксеноденотативного перераспределения сем (В. Девкин);

2) **А.** Не *приставай*, пожалуйста // *Пристаешь* / *пристаешь*... // Всё пришью... / на куртке надо... / (пришить пуговицы. – *Т.В.*) ...подумаешь! // **Б.** Я *не пристаю*... / тоже... / ухажеры *пристают*... // **А.** *Ухажеры* / не просят пуговицы пришивать... / А *пристают* – пусть! // Прекрасно! // Замечательно! // Очень буду польщена! // Пусть *пристают*! // **В.** (из другой комнаты) Кто к кому *пристает*? // **А.** Хватит... / ну глупо... // **Б.** Сама начинаешь... / видишь... //. И здесь комментарий, не выходя за пределы "непосредственного наблюдения", позволяет установить лишь сам факт конфликтно развивающегося реплицирования, тогда как расширение ситуативной рамки (опрос, общность апперцепционной базы наблюдателя и говорящих) предоставляет право судить о мнимости поверхностных и истинности глубинных причин семантико-стилистического конфликта, что более типично для РП фатического назначения (см. ниже). Это подмена содержательной реакции оценкой способа вербального выражения (первая реплика Б., определившая развитие диалога) и возможность такой подмены ввиду общности характера этой оценки в языковом опыте говорящих, несомненно разностороннем (ср. *польщена*).

3. Теперь мы видим, что соотношение коммуникативно-стилистической ситуации с номинативной складывается во всех случаях не в пользу последней. Говорящие и слушающие (в процессе отправления и получения речи) гораздо более полагаются на свои языковые привычки, иногда

весьма субъективные, чем на реальную денотативную необходимость. При этом опора на адекватный заданию эффект высказывания принимается в расчет как бы во вторую очередь: а) определяющая роль в языковом выборе остается за коннотацией; б) ее "хозяин" – говорящий, а не предмет речи: "Разве вещь хозяин слова? Слово Психея. Живое слово обозначает не предметы, а свободно выбирает как бы для жилья ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело. И вокруг вещи блуждает свободно, как душа брошенного, но не забытого тела" [Мандельштам, 1921, 77]; в) большее или меньшее расстояние между денотатом и десигнатом (сигнификатом), ведущее к образованию коннотации, определяется степенью близости, интереса, неравнодушия к означаемому, активных связей с ним, т.е. отражает социально-психологический опыт говорящих и слушающих.

4. Анализ, построенный на первичном материале, который не имел предварительных показателей внутренней оценки субъектов речи как наблюдаемых и наблюдателей, говорит об обратной процедурной зависимости в РП. Так, ответ пожилой женщины *привыкла* (на вопрос, почему она говорит *заведи музыку*, в то время как сейчас этому "непатефонному" действию соответствует другая номинация), потребовал большей "расчистки территории", чем в случае получения такого же ответа из текста рассказа. Окказиональная стилистическая жизнь определенной лексико-семантической единицы в языковом опыте говорящего (*потасканный*) или типизированный прием подмены реакции на содержание реакцией на слово (*приставать*) также были установлены путем расширения ситуативных рамок данного речевого акта (или актов). Ср. из рассказа: "– Что у нее? Эс-Це-Ха?" Так сокращается слово *шизофрения* – по первым трем латинским буквам. И для краткости, и чтобы не поняли больные. Ну, а поскольку эта болезнь царит в психиатрии, то существует для нее и много других эвфемистических синонимов: "Блейлер", "Шуб", "процесс". *Люда*, например (врач-психиатр. – *Т.В.*), *любит говорить* (курсив наш. – *Т.В.*) "процесс" (М. Чулаки. Прощай, Зеленая Пряжка // Нева. 1987. № 6. С. 93).

Выводы

Из сказанного в этой главе следует:

1. а) Несмотря на гетерогенный состав показателей, которые характеризуют поддающийся внешнему наблюдению участок РП, мы можем условно говорить о нем как о единице, формируемой взаимодействием людей, вступающих в общение; б) объем и структуру текста (дискурса), который, играя роль единицы РП, образуется вследствие этого взаимодействия, можно считать достаточными и значимыми при наличии в их границах стилистического центра (доминанты), стимулирующего обнаружение причин ситуативного отбора речевых средств как результата коммуникативно нацеленных поступков действующих лиц данной цепочки речевых актов; в) в качестве стилистического центра на выделенном участке РП может выступать и отдельный языковой факт любого уровня системы, и совокупность фактов, организующих высказывание, в кото-

ром, следовательно, аккумулируется коммуникативно-стилистическая природа РП.

2. а) Если бы исследователь РП должен был исходить исключительно из метода непосредственного наблюдения, то у него не было бы права привлекать к анализу какой-либо другой материал, кроме дискретных фрагментов реального текста, синхронно соответствующего таким же фрагментам реальной или "воспроизведенной" жизни (ситуации); б) материал этого типа (назовем его синтагматическим) действительно является главной опорой изучения РП. Но поскольку мы говорим о РП как о двуликом Янусе, одной стороной обращенном к деятельностным и коммуникативным универсалиям, а другой – к этнокультурной конкретности, то необходима комбинация данных синтагматического типа с данными парадигматического типа, извлекаемыми из "закадровых" знаний о том, какие речевые поступки совершает данный человек, данная группа людей или данный коллектив вообще; в) так как возможность их глобальной фиксации отсутствует (почему, например, теория речевых "ролей" остается все же только теорией), не следует, и мы это видели, пренебрегать и экспериментом, и опросом, а также окказиональными панхроническими свидетельствами метаязыкового плана.

3. Национально-специфический и общекатегориальный аспекты изучения РП не исключают, а питают друг друга [Верещагин, Костомаров, 1983, 22–40]. Названные единицы, обнаруживающие специфику РП говорящих/слушающих, составляются из универсальных социопсихологических зависимостей и речевых способов их ситуативно прикрепленного отражения тем или иным языком в том или ином обществе. Являясь устойчивым элементом культуры, РП, с одной стороны, подчиняется своеобразию национальных систем речевого взаимодействия [Крысин, 1976в, 47][11], а с другой – регулируется общими закономерностями осуществления коммуникативной функции языка [Леонтьев, 1969б, 32]. Так, способность к ролевому переключению и соответствующему словесно-ситуативному отбору должна в принципе рассматриваться как универсальная, если не считать того, что может существовать общество, в котором отсутствуют различия между постоянным и переменно-ролевым статусом его членов (что вероятно для малых языковых сообществ примитивного социального устройства). В то же время различие между речевыми средствами, обслуживающими ту или иную социальную роль в соответствующей функционально-речевой сфере, может принимать разные формы – глобального или ограниченного варьирования, далеко отстоящих друг от

[11] Современные социологи, отталкиваясь от того типа общества, которое они изучают, используют коммуникативные категории как ключевые для понимания развития культуры. Считая последнюю "неким сообщением", можно наблюдать его цикличность: от создателя сообщения к микрогруппе, дающей ему первое одобрение, а потом, через посредство массовой коммуникации, к макрогруппе или обществу в целом. Следовательно, развитие национальной или этнической культуры проходит через соответствующие стандарты РП, зависящие от того, какие типы отношений между участниками коммуникации складываются в том или ином цикле [Моль, 1973, 15].

друга результатов вербального отбора или смежных. Например, судя по исследованиям американских социолингвистов, ситуативно-синхронная реализация билингвизма возможна лишь в неофициальной обстановке. Ср. примеры У. Лабова, свидетельствующие о смешении испанского языка с английским у нью-йоркских пуэрториканцев, когда последний, видимо, выполняет модальную функцию конативных элементов высказывания, и это легко объяснить тем, что он играет роль койне. Официальная же обстановка требует преимущественного использования языка, играющего эту роль [Лабов, 1976, 15]. Ср. работу [Hannerz, 1970, 137] о двуязычии в Северной Норвегии, где официальное и неофициальное общение осуществляется с помощью разных диалектов норвежского языка и пр.

В монолингвистическом языковом сообществе расстояние между официальным и неофициальным РП может измеряться языковыми средствами разной функциональной принадлежности, имеющими как минимум связующее звено в виде нейтрального слоя. Эта сторона РП зависит, если говорить о внешних причинах языкового функционирования, от структуры данного социума, в то время как набор средств, вовлекаемых в подобные переключения, а также их текстовое использование (и успех предприятия со стороны адресата) зависит от внутренней дифференциации языковых навыков людей, принадлежащих к данному социуму. Поэтому изучение речевого аспекта их поведения целесообразно строить на соотнесении социальных и функционально-стилистических делений. Между ними нет "взаимооднозначного" соответствия [Крысин, 1976в, 51], поскольку варианты речи, коррелирующие с разными ролями говорящих и слушающих, не совпадают полностью ни с подсистемно-стилистической, ни с жанровой классификацией языкового употребления. Между тем градуируемые согласно установленной иерархии составляющих РП, они последовательно объединяются как ближайшая к завершению языкового отбора причина и как результат, обеспечивающий коммуникативно-речевое взаимодействие.

В этом состоит еще один, и последний, аспект интегрирующей миссии РП как гетерогенного участка, заполняющего лакуну в изучении социально-психологических закономерностей речевой жизни общества, отражаемых категориями стиля.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАЮЩИЙ В СТИЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ КОММУНИКАЦИИ

Глава I

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ РП

Стиль языка и стиль человека

Говоря о стилистическом содержании понятия РП в его социопсихологической реальности, мы обращаемся, следовательно, к характеристике взаимодействия говорящих и слушающих в процессе коммуникации. "Теория коммуникации в ее социолингвистическом и социоантропологическом освещении прямо связана со стилем" [Hannerz, 1970, 132]. Категории стиля принимаются нами в значениях, располагающихся по всей терминологической амплитуде стилистики – от стиля языка как языкового употребления [Винокур, 1959, 224], или стилистического узуса [Винокур, 1980], до стиля языковой личности (Ю.Н. Караулов) как речевого образа говорящего, манеры его поведения, манифестируемой речевыми действиями, поскольку предмет науки о РП – это типизированная речь типизированного человека в типизированных условиях. То есть когда стилистика трансформируется в РП, ее предметом становится не язык, а речевой поступок. Тем более объективна в этом смысле стилистическая информация [Степанов, 1965, 37], так как сама проблема РП может существовать постольку, поскольку мы обязаны "учитывать то, что говорящий и слушающий привносят в utterance и performance, без чего феномен РП остается для лингвиста тайной" [Chomsky, 1957, 58].

Человек эксплуатирует язык как коммуникативно направленную знаковую систему через связующее звено: стилистический узус данного языка данной эпохи [Винокур, 1980, 19–33, 233–236].

Стилистический узус – наиболее чувствительная к внеязыковым факторам сторона употребления языка во всяком высокоразвитом обществе, и его отличие от общеязыкового узуса состоит в прямом выходе на центральный и определяющий социальный фактор – характер взаимодействия участников коммуникации, опосредующего частные факторы: тема, цель, форма и ситуация речи (ср. схему 2 [Винокур, 1972, 62]).

Схема показывает, что стиль высказывания находится по другую сторону от совокупности социальных реалий, которые влияют на язык, проникая в личность, этим языком владеющую, как бы прямым и непосредственным путем. Эти отношения можно сравнить с отношениями между языком и литературой: "...язык располагается как бы по эту сторону Литературы. Стиль же находится едва ли не по другую ее сторо-

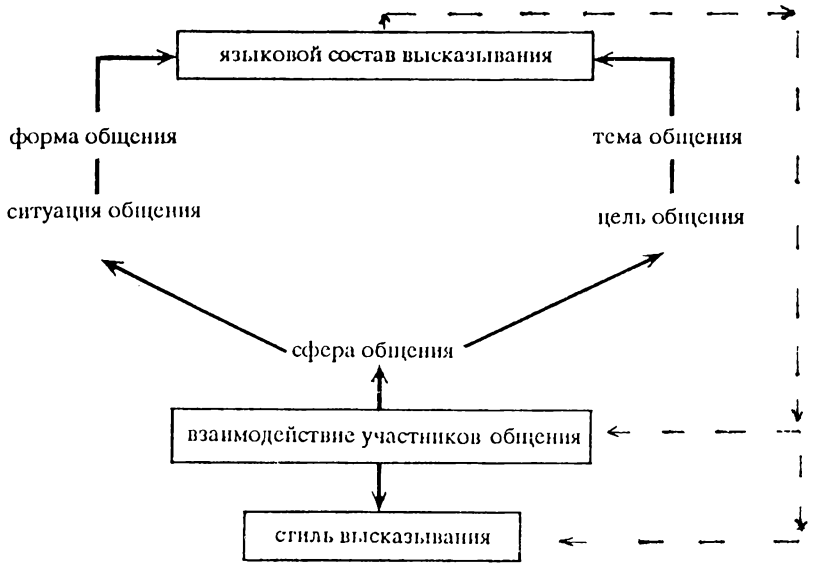

Схема 2. **Связь языкового и стилевого высказывания с взаимодействием участников общения**

ну (...) в нем есть нечто от сырья (...) его толкает некая сила снизу" [Барт, 1983, 310]. "Если есть в личной жизни что-либо подлинно безыскусственное, не выносящее никакого самоанализа и рефлексии, то это именно стиль" [Винокур, 1927, 50].

Стилистический узус эпохи складывается из многообразного использования говорящими одних и тех же языковых реалий, которые осознаются в их опыте как пригодные для выполнения комплекса коммуникативно-экспрессивных задач. Для носителя языка не существует таких стилистических средств, которые обслуживали бы только одну сферу общения, образовывали бы только один стилистический прием, были бы направлены на одно выразительное задание и соответственно вызывали бы один эффект.

Ср.: «...группа эта по заданию правительства подготовила такие своеобразные рекомендации / "как бороться с противником" // Под "противником" разумелось правительство / и ВС России (...) Не рекомендовалось / скажем / использовать термин вроде *либерализация* / лучше / дескать / говорить *модернизация*" (интервью с Р.И. Хасбулатовым // Огонек. 1991. № 22). Этот прием (он получил название "квазисинонимическая ситуация" [Винокур, 1964]) может, согласно позиции говорящего, быть развернут как угодно. В частности, другой контекст требует эвфемистической замены и термина "модернизация": «Чуть-что / ах/ "модернизация" / "технология" / "модернизация технологии"! // А на самом деле / скажите лучше / всё надо заново делать // И тогда все пойдут // А так какое обновление / как обновлять / когда нового оборудования нет?» // (ТВ. 1990. 13 авг.).

И обратная закономерность: разные стилистические средства говоря-

щий использует для образования одного и того же стилистического приема и для одного и того же экспрессивного задания. В этом свете см. о "составе личностной парадигмы" [Караулов, 1987, 15–20].

С одной стороны, как адресант современный носитель русского литературного языка черпает эти средства из пограничных сфер (просторечно-жаргонных, профессионально-обиходных), когда верность социально или профессионально ограниченным навыкам оборачивается оппозицией навыкам узуальным.

С другой стороны, как адресат современный носитель русского литературного языка очень чутко реагирует на выход того или иного средства за рамки синхронного стилистического узуса, одна из характеристик которого – действие в пределах микроисторических временны́х отрезков, когда новизна сама по себе является мощным стимулом для завышенной экспрессии и наиболее отчетливо обнаруживается в случаях несовпадения стилистического задания и эффекта при производстве высказывания (дискурса) и его восприятии, что может привести к формированию оппозиционного варианта РП, т.е. к коммуникативной неудаче или дефектности – невыполнению или частичному выполнению инварианта ("найти общий язык" – значит обрести оптимальное взаимопонимание).

На каждом синхронном срезе последовательного развития в диахронии этот вариант, естественно, имеет свой словесный репертуар. Ср.: "Она также умела кстати прибегнуть к *украшениям новейшего слога* (курсив наш. – *Т.В.*). Слова: артистический, художественность, обусловливать – так и сыпались из ее уст" (И. Тургенев. Два приятеля); "...странное впечатление производит на северянина Одесса. Словно какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором (...) И говор (...) с какими-то *новыми противными словечками*" (курсив наш. – *Т.В.*) (Н. Гумилев. Африканский дневник).

Сферы общения и речевая индивидуальность

Реальное языковое содержание индивидуальных проявлений, равно как их коммуникативная роль в каждой из сфер речевого общения, различно. Существенно же то, что именно благодаря индивидуальным проявлениям устанавливаются традиции применения определенных языковых средств в определенных условиях и для определенных целей. Поэтому, когда, например, сходство научной и официально-деловой речи объясняют частичным совпадением некоторых целенаправленных сторон изложения (последовательности, точности, устранения двусмысленности и пр.) [Лаптева, 1978; Чулкова, 1980], то как бы отсекают голову от тела, которое потом должно, вопреки логике, каким-то образом функционировать. Частичное, полное и любое другое совпадение или несовпадение диктуется сходными или противоположными ограничениями в "отношении к языку" его носителей.

Так, официально-канцелярско-деловой речи свойствен явный перевес в "коллективном" социальном содержании облика единичного адресан-

та речи (≪говорю, "как все" говорят в этих обстоятельствах, потому что это необходимо≫) при реальности массового адресата. Оно охватывает все по форме индивидуальные акты речевой деятельности ("настоящим сообщаю, в данной просьбе прошу не отказать, приказываю с такого-то числа...") в разных деловых жанрах (приказ, деловое письмо, заявление), т.е. речевое действие одного лица имеет квазииндивидуальное языковое содержание. Поэтому официально-деловое общение не создает условий для манифестации идиолекта. И заметим, что как раз этим обстоятельством объясняется слабая диахроническая изменчивость его стереотипов, так как развитие языка всегда первоначально закладывается индивидуальной креативной интенцией.

Интересно, что публицистическая речь также дает нам пример квазииндивидуального языкового содержания речевого акта как действия одного лица. Публицисты всегда пользовались стереотипным кругом языковых средств, которые осознаются обществом как принадлежность пропагандистских и агитационно-информационных задач. Но для них это лишь потенциальная возможность, тогда как, например, ученые видят в стереотипах одну из неизбежных и даже престижных характерностей их речевого творчества, а администраторы – социально оправданную необходимость. Соответственно истинно индивидуальная речевая манера находит в публицистике более широкое применение, что иногда сближает ее (в определенной группе жанров) с речью художественной. На границах таких сближений ярче всего выявляется антиномия уникальности и стереотипа, которая лежит в основе различий между собственно коммуникативной ролью говорящего и коммуникативной же, но имеющей эстетическую надбавку.

В то же время и научная мысль также может быть изложена при помощи сугубо нестандартного, индивидуально-речевого выражения. Одни ученые привлекают к научному повествованию "беллетристические" способы, широкий диапазон метафорических средств языка. Другим свойственны планомерные отступления от книжной нормы в пользу разговорной. Третьи нарушают цеховые обязательства и пристрастия тем, что намеренно избегают так называемого наукообразия, стремясь к минимальной терминологичности и максимальной простоте изложения.

Возникает следующая зависимость: параметры разговорной речи таковы, что способствуют неосознанному слиянию языкового стереотипа, стандарта с индивидуальной активностью в речевой деятельности, и это определяет стилевой облик разговорного РП. Параметры специальной речи таковы, что сохраняют противопоставление этих ролей, потому что в ее пределах говорящие и слушающие, с одной стороны, имеют право намеренно ограничивать вторую роль групповым содержанием ("говорю так, как принято говорить на эту тему и с этой целью"), а с другой – намеренно же преодолевать это ограничение ("говорю на эту тему и с этой целью не так, как принято, а по-своему"), и это определяет стилевой облик "специального РП".

Творческая личность, обладающая, согласно современным характеристикам, высшим уровнем языковой компетенции (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов

лов), может стремиться к тому, чтобы, с одной стороны, пронести постоянство, целостность и независимость своего стилевого облика через нужды различных коммуникативных сфер, а с другой стороны, именно благодаря этому сформировать его многомерность, готовность варьировать РП как личное, регулярно осуществляемое умение выполнять разные речевые роли, составляемые из присвоенного разностильного репертуара языковых средств применительно к обстоятельствам общения.

Спонтанный или неспонтанный характер "речевого обнаружения" в какой-то мере зависит от органичности присвоения говорящим тех навыков, которые являются канвой для регулярно проигрываемых ролей. Известно, например, что опытного лектора или записного оратора можно среди ночи поднять с постели и он с легкостью войдет в свою привычную роль без специальной подготовки. Но характерно, что в случае с лектором мы скорее можем говорить об отсутствии предварительного обдумывания содержания, а в случае с оратором – скорее об отсутствии осознанного использования риторической формы – тропов и фигур. Если лектор при этом лишь механически повторит однажды созданную им манеру РП, то спонтанность как стихийность не будет иметь отношения к данному речевому акту. Но если "сработает" дидактическая интенция, ведущая к определенному социопсихологическому варианту РП, то отсутствие времени на подготовку можно трактовать как рефлекс спонтанного речепроизводства. Так, если оратор "сходу" использует заученные и приготовленные на все случаи жизни специальные приемы риторического искусства, то это не свидетельствует о спонтанном речевом обнаружении, а проходит по исполнительскому ведомству. Но если способность к риторической коммуникативной роли реализуется как свойство его личности, то на эту способность может наслаиваться какой угодно словесный репертуар и какой угодно способ развития текста, дающие право видеть в нем спонтанное (стихийное) "речевое обнаружение".

Таким образом, и понятие индивидуальности / коллективности, и понятие спонтанности / подготовленности процесса речевого отбора целесообразно квалифицировать как взаимопроникающие и способствующие формированию разных комбинаций взаимосвязи узуально-стилистических закономерностей с РП говорящих и слушающих.

Исследовать проблемы языковой личности, по всей вероятности, удобно на моделях [Караулов, 1987, 88, 211, 237], но для РП более пригоден метод типизации в смысле не только лингвистической, но и социальной, и психологической основы понимания его коммуникативно-стилевых свойств. Она, очевидно, и ведет к раскрытию тайны РП (т.е., если правильно понимать Хомского, тайны дискурса в сравнении с тайнами текста).

Функция языка и коммуникативная роль говорящих / слушающих

Внешняя лингвистика целиком основывается на функциональном подходе к языку. Но для нас особенно существенно: а) разграничить конструктивные и коммуникативные функции [Золотова, 1986, 500–514], б) оговорить равенство или неравенство категорий "функционирование" и "употребление" языка [Penfield, 1983, 837–840] и в) обособить внутри понятия "коммуникативная функция" функции участников речевого общения [Винокур, 1984, 139–154]. Ср. антропоцентрический подход (т.е. с позиций говорящего человека), о котором пишет Ю.С. Степанов [Степанов, 1975].

При выделении функции РП мы имеем в виду не только, говоря словами Дж. Остина, "слово как действие", но слово как действие определенного деятеля в определенных условиях, т.е. тот объем понятия, который отражается в составляющих РП. И тогда трехуровневое представление функций языка (отвечающее междисциплинарным потребностям анализа) можно было бы выстроить следующим образом: 1) функции языка как социально значимой семиотической системы; 2) функции узуса как коллективных закономерностей языкового употребления; 3) функции речевого поведения людей как говорящих и слушающих, т.е. потребителей языка в конкретных ситуациях общения.

"Функция описывает причину поведения" [Chomsky, 1957, 58], и поэтому функции говорящего и слушающего, которые реализуются как коммуникативная роль в речевых актах, имеющих типические признаки для разных сфер общения, мы будем считать функциональными вариантами РП. Функциональные варианты РП, имея коммуникативно-стилистическое содержание, соотносятся не с функциональными стилями или с функциональными подсистемами языка, как их понимает традиционная стилистика, а с разновидностями коммуникативно ориентированной речевой деятельности. В ее рамках, т.е. в рамках отношения к языку как к средству информации [Лабов, 1976, 6], или "обеспечения социального взаимодействия" [Никольский, 1976, 42], устанавливается функциональная множественность языка как социального явления [Эрвин-Трипп, 1976, 183] и, следовательно, находятся функции или коммуникативные роли говорящих и слушающих. Рассматривая функциональные варианты РП, мы обязаны опираться именно на эти функции согласно тому направлению в стилистике, которое западные ученые называют stylo-behavioristics в отличие от stylo-linguistics [Enkvist, 1964, 5–14]. Это направление, соотнося понятия стиля с представлением о манере поведения человека (в обществе), дает ответ на вопрос: "Что значит, что в данной ситуации данный объект ведет себя так, а не иначе?" [Долинин, 1985, 47].

Возрождающиеся специализация и психологизация науки о стиле не пошли по пути, параллельному пути традиционных проблем так называемой функциональной стилистики, главной задачей которой было распределение языковых средств согласно стилевым ограничениям норматив-

ного характера, формирующимся внутри различных жанровых объединений литературного языка. На первый план вышло социально и коммуникативно значимое варьирование языкового употребления – в парадигматическом (ролевом) и синтагматическом (ситуативном) разрезах, – которое демонстрирует конечный этап языкового отбора, организующего высказывание.

Индивидуально-стилевые признаки РП

Однако желание осмыслить каузацию этого отбора заставляет стилистов выйти за рамки вербального результата в область процесса, его подготовившего. Так стилистика поднимается на первую междисциплинарную ступень, оказавшись рядом с теорией речевой деятельности, обеспечившей ей право поставить в центр собственных проблем говорящих и слушающих людей. Высказывание, рассматриваемое с точки зрения речевой деятельности, и ее частные проявления – конкретные речевые действия – обладают структурой, основными компонентами которой являются оценка ситуации речи, формирование задачи действия и выбор языковых средств. Этот выбор как наиболее адекватный задаче и ситуации данного действия определяет точка зрения говорящего [Пименов, 1978, 40]. В оценке говорящего, о чем дальше пойдет речь, присутствует "диалогический слой" – ориентация на слушающего. В зависимости от ожидаемой или осуществляемой в процессе реализации выказывания реакции слушающего перечисленные компоненты структуры речевого действия способны модифицироваться.

Обращение к мотивировке отбора вместо анализа его конечного, стилистически оформленного вида – это первое отступление от главной заповеди лингвостилистики, требующей изучать то, как сказано, а не то, почему сказано: "То, что данное высказывание выражено так, а не иначе, придает ему особое свойство, называемое стилем" [Долинин, 1985, 36]. Но обращенная к homo locus современная стилистическая проблематика должна состоять из регулярных нарушений этого правила, причем нарушений разнонаправленных, дробящих стилистическую мысль на сюжетные фрагменты, лежащие в соседствующих дисциплинарных областях.

Если "то содержание, которое несет стиль, целиком относится к коммуникативному содержанию высказывания, в первую очередь к его социальному аспекту" [там же], то оно предполагает восхождение стилевого анализа и на вторую междисциплинарную ступень.

На ней общее представление о процессе формирования высказывания, которое приобрело в результате действий говорящего именно такой, а не иной вид, "социализируется", что соответственно обусловливает возможность совместной – социальной и психологической – интерпретации собственно коммуникативной ценности стилевого отбора. И тогда внеязыковая надстройка над ним получает ту самую трехслойную структуру, о которой уже было упомянуто в первой главе. Теперь в ее центре оказываются не столько "почему" и "как сказано", сколько "кто сказал".

Вот один лишь, но достаточно красноречивый пример: статья в "Огоньке" о пресловутых "митьках" (1991, № 32): ≪Движение митьков обещает быть более органичным, нежели предшествующие (...): под митька невозможно подделаться, не являясь им; внешняя атрибутика почти отсутствует – митьки одеваются во что попало (...) На лице митька чередуются два аффектированно поданных выражения: граничащая с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние. Все его движения и интонации хоть и очень ласковы, но энергичны, поэтому митек всегда кажется навеселе. Наиболее употребляемые митьками слова и выражения (...): ДЫК – слово, могущее практически заменить все слова и выражения. ДЫК с вопросительной интонацией заменяет слова: *как, что, почему, за что* и др., но чаще служит обозначением упрека: мол, как же так? Почему же так обошлись с митьком? ДЫК с восклицательной интонацией – чаще всего горделивая самоуверенность, согласие со словами собеседника, может выражать предостережение. ДЫК с многоточием – извинение, признание в совершенной ошибке, подлости и т.д. ЕЛКИ-ПАЛКИ (чаще, "ну, елки-палки", еще чаще "ну, елы-палы") – второе по употребляемости выражение. Выражает обиду, сожаление, восторг, извинение, страх, радость, гнев и пр. Характерно многократное повторение. Например, если митек ищет затерявшуюся вещь, он на всем протяжении поисков чрезвычайно пронзительно кричит: "Ну, елы-палы! Ну, елы-палы!" Очень часто употребляется в комплексе с "ДЫК". Двое митьков могут сколько угодно долгое время переговариваться: – Дык! – Ну, елы-палы!.. – Дык! – Елы-палы!.. Такой разговор может означать многое. Например, он может означать, что первый митек осведомляется у второго: сколько времени? Второй отвечает, что уже больше девяти и в магазин бежать поздно, на что первый предлагает бежать в ресторан, а второй сетует на нехватку денег. Однако чаще всего такой разговор не выражает ничего, а просто является заполнением времени и самоутверждения митьков. Обращение митька с любым встречным характерно чрезвычайной доброжелательностью. Он всех называет ласкательными именами, братками, сестренками (...) обсуждение интересующего митька предмета почти ограничивается употреблением выражений "обсад", "круто" ... высшую похвалу произведению живописи митек выражает восклицанием "А-а-а-а!", при этом делает рукой такой жест, будто швыряет о стену комок грязи (...). На все упреки в свой адрес митек ангельски улыбается, слабо шепчет жене: "Сестренка! Сестренка ты моя!.. Дык! Елки-палки!" В ответ на самые сильные обвинения он резонно возражает: "Где же ты найдешь такое золото, как я, да еще чтобы что-нибудь делал?" (...) Движение митьков развивает и углубляет тип "симпатичного шалопая", а это, может быть, самый наш обаятельный национальный тип – кроме разве святого. Недоброжелатели скажут, что все это наигранно. Даже если это так (а это не так), то и в этом случае не столь уж виноват митек – художник поведения в мире...≫ Этот пример удобен как крайний случай отрицаемой автором очерка стилизации, в которой подчеркнута зависимость формирования варианта РП от типа его исполнителя.

Стиль человека, точнее, "стиль в человеке" (в противовес "стилю в

языке"), а еще точнее, возможность его сохранения в любых условиях на фоне стилистического узуса позволяет говорить о вербальной части поведения и о том, что использование языка через стиль это и есть суть РП. Представление о стиле, стилях и стилистических средствах как какой-то особой части языка, в основе своей бесстилевого[1], части, находящейся в отношении дополнительного распределения к средствам языка в целом, не соответствует аспекту РП. Одномерность такого представления лишает возможности не только преодолеть упомянутую выше асимметрию социальной и стилистической дифференциации, но воздвигает барьер между первой и последней, когда дело касается социальной (этнической) психологии.

И, таким образом, исключительно перспективной в этом отношении представляется идея И.И. Горелова о построении типологии индивидуальных стилей деятельности человека и языковых личностей [Горелов, 1977].

В том же смысле особый интерес для нас должны представлять: а) совокупность социопсихологических навыков общения, речевое обнаружение которых принадлежит определенному времени и определенному национально-этническому единству; б) индивидуальные вариации коллективных навыков в тех пределах, которые языкознание интерпретирует как окказиональность на фоне узуса, заранее предполагающего его функционально-стилистическую дифференциацию; в) язык как семиотическая система и, следовательно, как коллективное достояние, которое имеет коммуникативную ценность лишь при условии взаимопонимания. Взаимопонимание и есть тот вид социального взаимодействия, который был назван выше в качестве определяющего признака РП, потому что он в равной мере (но в разных масштабах) касается обоих участников языковой коммуникации в отличие от признаков РД. Мы ведь можем считать термин "РП слушающего" не менее корректным, чем "РП говорящего", тогда как термин "РД слушающего" явился бы нонсенсом.

Было уже отмечено, что собственно когнитивная проблематика условно выведена за пределы настоящей работы не столько из-за сложных последствий ее совмещения с коммуникативной (Т.А. ван Дейк), сколько по тем принципиальным соображениям, что для РП именно коммуникативный процесс в его социально-психологическом обосновании и стилистическом обнаружении и есть истинная, самодостаточная арена действий, позволяющая познать человека в процессе речевого общения: "Люди нередко реагируют на слово, не замечая, как оно отделено от референта" [Верещагин, Костомаров, 1980, 284]. Ср. положения Сокконена о том, какая часть семантики включается в стиль [Saukkonen, 1983, 1036].

Позволим себе привести и в этой главе обширный пример, показывающий, из чего складывается объем знания о человеке, полученный через взгляд на его РП.

≪Кирила ужасно любит разговаривать со всяким начальством. При

---

[1] "...для меня важно собственное признание Балли, что стилистика распространяется на всю область языка, независимо от ее определения" [Винокур, 1929а, 43].

этом разговоре он от излишнего усердия вихляет всем туловищем, подергивает бедрами и отчаянно жестикулирует (...) Многословная речь его так и пестрит кудреватыми выражениями вроде "какая разница!" (...) "окончательно совсем" (...) "без никакого внимания". Титулы, которыми он величает исправника и станового, всегда разнообразны и нелепо преувеличены. Если же в присутствии властей сотскому приходится вести разговор с лицом, ему самому подчиненным, то хотя голова сотского и обращена к этому подчиненному, но глаза устремлены все время на власть заигрывающим выражением, а в тоне его слов слышится угодливая пренебрежительность, – дескать, видите, какая мужицкая необразованность и как мы с вами все это хорошо и тонко понимаем. В комнатах с ним разговаривать неудобно, потому что он кричит, как на пожаре (...) тотчас же перебивает всякого, кто при нем заговорит, сам тараторит без умолку и ничего не слышит, кроме своих собственных витиеватых фраз. Дома у себя и с крестьянами он гораздо проще, естественнее, но с начальством и с господами почему-то считает необходимым быть как можно бестолковее и при первом удобном случае охотно впадает в роль шута. Начальство, кажется, любит его, но при каждом проезде не преминет прибить, о чем Кирила собственноручно потом рассказывает со всеми признаками хвастливого удовольствия (...) Отправляясь на охоту, он кричит на весь лес и божится, что сегодня уж наверняка принесет домой полную сумку (...) При промахе он сначала смотрит на ружье, пожимает плечами и в недоумении спрашивает: (...)» (А. Куприн. Лесная глушь).

Пример показывает, что познавательный объем такой характеристики велик и что возрождающееся (например, в США, где когнитивные психологи очень сильны) в последнее время опять мнение о психике как категории, которую надо изучать через поведение, а не наоборот, т.е. идти к внутреннему через внешнее, никогда не теряло смысла, хотя временная победа бихевиоризма оценивалась, безусловно, упрощенно, о чем писали на Западе в связи с кончиной Б. Скиннера.

Описание характера, главным образом через РП, – один из наиболее распространенных приемов русской литературы, который и открывает и ограничивает рамки его коммуникативно-стилистических и социопсихологических возможностей в области типизирования речевых отношений и в области этноисторической реальности характера. В классической литературе предшествующей эпохи мы регулярно встречаем коммуникативное движение "от низшего к высшему" (обобщенная его модель – феномен первого мужика из "Плодов просвещения" – желание человека не ударить лицом в грязь, приспособиться к общению с господами); в наше время характерологическое приспосабливание адресанта к адресату с точки зрения постоянных социальных ролей, как правило, идет по линии "от высшего к низшему" (естественно, с другим его внутренним содержанием), что отражает изменение в классовом составе общества и самоощущении члена каждой из классовых группировок, оказавшихся к концу пройденного уже сейчас нами исторического пути смещенными и деформированными.

На РП же это отразилось прежде всего в последствиях декретированного равенства, что привело в одном из его вариантов – выравнивании

неравных отношений – к активной роли интеллигенции, обладающей, как увидим дальше, более разносторонним запасом и более широким стилевым разбросом речевых средств, которые она умеет в нужный момент пустить в ход так, как этого требуют обстоятельства. Так, ср. замечательные примеры из В. Аксенова: речь человека интеллигентной профессии, но в силу сложившихся обстоятельств работающего на стройке: ≪Я мастер. Мое дело – цемент, наряды, бетономешалка. Мое дело – сизый нос и щеки свекольного цвета, мое дело – "мастер, скинемся на полбанки" (...) *давай-давай, не обижу, ребята, фирма платит. Мое дело – находить общий язык*≫ ("Апельсины из Марокко"); ≪Потом мы даже забыли, что он писатель, потому что он вставал на вахту вместе с нами и вместе ложился (...) да, честно говоря, и не верилось, что он настоящий писатель. И *он, как все, говорил: "Здоров, Гера", "Талант", "Рубай компот"* – и так далее≫ ("На полпути к Луне").

Известно, что социальная и социально-психологическая дифференциация говорящего коллектива более дробна, чем стилистическая (во всяком случае, чем функционально-стилистическая в традиционном понимании этого термина) дифференциация языковой системы. Но в функциональных вариантах РП членов этого говорящего коллектива типизация непременно будет так или иначе связана прежде всего с его (разным по происхождению) стилевым обнаружением.

Ср. пример неадекватной реакции, выявляющей стилистическое значение высказывания: девочка, гостившая на даче у знакомых, жалуется дома, что бабушка ее подруги очень грубая. ≪– Как? Почему?! – удивляются домашние. – Да она / как-то /всё / ... так говорит: "Ну-ка / полотенце *взяли* / умываться *пошли* // ... Так / *сели* за стол // ..."≫. Выясняется, что бабушка – преподаватель физкультуры, и выполнение императивного задания при помощи перфектной формы мн. числа (с преобладающей препозицией приглагольного распространителя) – это профессиональная привычка, но самим говорящим уже осознанная как гипермаркированная стилистическая норма. Неспособность к полному ситуативно-ролевому переключению, что является характерной чертой РП весьма обширного класса людей, "обманула ожидание" и дала квазиэффект – экспрессию, не рассчитанную на данного адресата.

Таким образом, варианты РП вбирают в себя практически "открытый ряд" частных взаимодействий говорящего/слушающего, а их тип может определяться в терминах, адекватных составляющим гетерогенного участка РП, которые в каждом случае играют роль его центра доминанты.

Поиск общего языка

Вследствие того что РП основано на феномене сотрудничества (соавторства) людей, вступающих в речевое общение с целью достичь взаимопонимания путем процессуальной последовательности трех этапов (мысль – коммуникативная интенция – речь – восприятие – понимание – реакция), мы можем говорить о коммуникативно-стилистическом варианте РП "поиск общего языка".

Найти общий язык – значит преуспеть в совершении такого языко-

вого отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданием последнего.

Как осуществляется и осуществляется ли во всех сферах общения эта функция говорящего? Как отражается она в восприятии адресата, т.е. в ответной коммуникативной роли? Ср.: ≪Вспомнил я его (сокамерника. – *Т.В.*) советы: "Будут допрашивать – не старайся быть умнее собеседника. Умников никто не любит, никто им не верит! Говорить надо то, что от тебя хотят слышать"≫ (из газет).

Начальное и общее понимание этого инварианта РП, лишенное метафорического ореола, предусматривает лишь билингвистический смысл.

Но, разграничивая билингвизм и диглоссию, исследователи пишут, что последняя не характеризует индивидуальную языковую многосторонность, так как касается только владения разновидностями одного и того же языка. Этот тезис можно было бы оспорить: "Билингвизм нельзя строго отграничить от междиалектных колебаний" (кодовых переключений. – *Т.В.*), которые "входят в число повседневных приемов в нашем речевом общении" [Якобсон, 1985, 313].

Можно "подделываться под жаргон" ("свой в доску парень"), можно играть просторечием и диалектами ("хождение в народ") и можно с точно таким же заданием окказионально пользоваться и другим языком. Ср. у А. Солженицына в "Раковом корпусе": "Чем меньше они могли во время такого обхода понять болезнь ‹...› тем больше Лев Леонидович придавал значения подбодрению больных ‹...› С узбеками он самое простое слово мог сказать и по-узбекски". Или эпизод из современного рассказа: "Дядя Леша снизошел до общения с моим другом, хотя выражение высокомерной настороженности не покидало его одутловатого лица. И тут мой товарищ вымолвил что-то по-татарски. Может быть, целую фразу, а может, просто присловье, расхожую шутку ‹...› Дядя Леша не то чтобы опешил на мгновенье, услышав родное слово из уст человека, которого он за своего никак не принимал, однако спесивую свою подозрительность тотчас подрастерял≫ (А. Макаров. Пальто из скупки // Октябрь. 1987. № 7). Тем более что следует учитывать понятие социализации индивидуальной языковой характеристики, т.е. соотнесения ее с определенным классом языковых и ситуативных возможностей, какими реально располагают говорящие и слушающие в зависимости от интегрированных в них социально значимых черт (см.: [Кон, 1967, 41][2].

[2]К тому же билингвистическая или полилингвистическая ситуация, если она навязана носителю извне и предопределяет необходимость владения разными языками, – точно так же как диглоссия – не дает оснований причислять его к личным заслугам носителя. Ср. языковую ситуацию Люксембурга: ≪... закон здесь – "французский", газеты – "немецкие", англосаксонские фильмы дублированы на немецкий, однако когда недавно одна фламандка выходила замуж здесь за португальца, то церемония была проведена на люксембургском, их единственном общем языке. Большинство жителей Люксембурга знают три языка. Школьники разговаривают на люксембургском дома и на переменах в школе, на немецком – в первые годы обучения и в старших классах – на французском≫ (За рубежом. 1986. 19–25 сент., из газеты "Монд").

Легко заметить, например, что наибольшее количество как постоянных, так и ситуативно-переменных речевых ролей свойственно интеллигенции[3] и что это обусловливает наибольший стилистический разброс средств ее тезауруса в создаваемых ею речевых произведениях – от отдельного высказывания или их совокупности через композиционно законченный фрагмент к содержательно-тематическому целому. Таким образом, тезаурус в действии расшатывает монолитность социально-психологического языкового статуса интеллигенции. В него оказываются привнесенными языковые последствия многостороннего жизненного опыта, приобретаемого в процессе овладения культурой. Поэтому интеллигентный носитель языка способен без видимых затруднений принять нужную речевую роль не только внутри нейтральнс-литературной диглоссии, но и на ее просторечных, диалектных, профессиональных и диахронных границах.

Его речь в зависимости от различия в отдельных, частных признаках того или иного психологического типа говорящего способна содержать (в качестве постоянной приметы РП) очень широкий диапазон выразительных средств полярной социостилистической принадлежности. Можно привести примеры и постоянной и переменной речевой контрастности, показательной тем, что ее обусловливают разные причины. Ср. речевой портрет – профессиональный и бытовой – известного эстрадного рок-исполнителя (из журнального очерка): ≪Язык его песен и его заикающейся, спотыкающейся, вязнущей речи – *русский городской язык конца XX века, сленг постаревшего хиппи, понятный всем.* Это *язык улиц, кухонных споров, интеллигентских разговоров* о поэзии далеко за полночь, *корявый язык жэков, грубый язык очередей.* Удивившись, он говорит: "У меня крыша поехала!" Восхитившись: "Я тащусь, мне это по кайфу!" Он глотает слоги, он ломает интонацию, как сухой старый прутик: "Да, грит, здесь все правильно!" – *но при этом способен к совсем другому* темпу и *стилю,* когда вдруг из его заиканий, запинаний и сбоев красивым расписным кораблем выплывает *четкая, гладкая, литературно правильная фраза, исполненная достоинства* (курсив наш. – *Т.В.*): "Во-первых, давай начнем с того, что мы будем разговаривать про людей по-настоящему честных". Этой фразой он ласково устанавливает рамки разговора: у него нет ни желания, ни сил бичевать чужие пороки и горячиться из-за чужой лжи (...)" (Огонек. 1991. № 18).

Ср. также пример из новейшей художественной литературы, в кото-

---

[3] Амплитуда колебаний а) между двумя видами ролей, предположим, какой-либо семейной ролью женщины (в нашем обществе непременно влекущую за собой роль домашней работницы) и ее выполнением обязанностей преподавателя высшего учебного заведения; б) между проигрываемыми ею за день переменно-ситуативными ролями, представляющими собой многочисленные вариации равных/неравных, зависимых/независимых связей говорящего и слушающего, – на практике оказывается значительно шире, чем у женщины неработающей или имеющей менее значимую в общественном смысле профессию.

ром спонтанное стилевое переключение отделяет интродуктивную часть высказывания от момента выполнения говорящим (лектором) профессиональной роли (слушающий – студент, находящийся в единственном числе перед преподавателем перед началом лекции): "Ждем пять минут и начинаем работать (...) Ни единой души не допущу больше! ("Никто и не придет" – реплика студента). И не надо! Для меня, если по совести, гораздо приятней одна светлая и заинтересованная голова, чем сто недорослей. Которые придут на лекцию поиграть в картишки. Отоспаться после пьянки, выпивона, так выразимся! Или потискать коленку своей девицы! – заключил он с задорным наслаждением. – *Ну-те-с,* – обозначил он начало. – Я полагаю, вам лучше записывать. Важность сегодняшней темы (...)" (А. Терехов. Зимний день начала новой жизни).

И в первом, и во втором случае (т.е. в парадигматическом и синтагматическом примерах) смена стиля так или иначе связана со сменой темы. Но второй пример показывает более сложную, чем первый, взаимосвязь мотивов этой смены: профессиональная (постоянная) роль "перехлестывает" ситуацию – реальное количество слушателей не повлияло на привычные установления РП в лекционном жанре и не уничтожило границу между личной и массовой коммуникацией, хотя осуществление речевого акта в условиях последней потерпело фиаско. В то же время жаргонный "выброс" в заключительном высказывании межличностного дискурса несет явственный отпечаток квазиоправданного ситуативно, но психологически достоверного, а значит, типического РП – стилизации, которая эксплицирована и персонажной модальностью, и авторским метаязыковым комментарием, касающимся эмотивной интонации.

Таким образом, можно предположить, что инвариант РП, названный нами поиском общего языка и терминологизируемый как коммуникативно-стилистическая функция говорящего и слушающего, в ее социально-психологических параметрах, характеризуется дифференцированной суммой признаков.

Массовая коммуникация

Обращение к массе обязывает адресанта учитывать особенности языкового сознания общества, зависящие от основных параметров его социальной структуры[4]. Найти общий язык с массовым адресатом – значит проявить готовность к использованию стандарта, выработанного для достижения целей, объединяющих ту или иную из разновидностей общественно значимых речевых сфер. Это соответствует коммуникативной роли массового адресата, представление о котором включает элемент собирательности, нерасчлененности, непредсказуемости его реакции на сообщение. Но чем неукоснительнее используется стандарт, тем больше нивелируется "единичный" и "уникальный" облик адресанта, принимающего на себя груз коллективных или коллективно-групповых обяза-

[4] Ср. мысль об определенной соотнесенности между типами читателей и писателей [Сорокин, Тарасов, Шахнарович, 1979].

тельств языкового употребления. Ср., например, публицистическую речь, адресант которой, формально представляющий собой индивидуальный и дискретный "образ автора" ищет общий язык с читателем посредством использования стереотипного круга средств, осознанного обществом как необходимая принадлежность информационно-пропагандистских задач. Но если в этой сфере существует и альтернатива – увлечь читателя путем эффекта "обманутого ожидания", то в деловой речи такой альтернативы не существует: для нее шаблон – оптимизирующая коммуникативная необходимость. То есть от того, как члены данного говорящего общества относятся к принимаемым на себя в тех или иных ситуациях речи коллективно-речевым обязательствам, складываются языковые особенности разных функциональных подсистем.

Ср., например, положение дел в современной научной речи. Известно, что научная (познавательная) задача общения знает различные речевые жанры со специфическими принципами организации текста и соотношения стилистически маркированных и нейтральных единиц языка. Рассматривая эти принципы лишь под углом зрения целевой и тематической модификации высказывания и не принимая в расчет типизированной модели взаимоотношений говорящих и слушающих, образовавшихся в этой сфере общения, нельзя понять причину отсутствия прямой и однозначной связи между целью высказывания и средствами, вербализующими эту цель. Предположим, что мы установили внутрифункциональные различия между: а) собственно научными и научно-популярными жанрами; б) устной и письменной формами научной речи; в) языком тех или иных научных произведений в зависимости от их принадлежности к естественным или гуманитарным наукам. Языковые показатели этих различий свидетельствуют о том, что их всякий раз образует какая-то одна (частно-целевая, частно-ситуативная, частно-содержательная) причина. И таким образом, сами классификационные принципы получают чрезвычайно зыбкие основания: бесконечно число частных внеязыковых условий, комбинации которых составляют открытый ряд возможностей.

Между тем исследование типических взаимоотношений адресанта и адресата речи в научном РП придает такой классификации достаточно устойчивый и общий вид, даже если выстроить ее на основании какого-либо одного, например "количественного", облика [Винокур, 1972, 71–74]. Так, для научной речи, согласно реальным условиям развития науки в данном обществе, существуют две внешние возможности этих отношений: "один–много" и "много–много" (адресант–коллектив авторов научного труда). Во-первых, ясно, что способы организации текста у двух этих видов должны быть различны принципиально: коллективная речевая деятельность непременно предполагает некое "усреднение", т.е. бóльшую опору на нейтральные стилистические средства и сглаживание субъективных отклонений от узуса. Но, во-вторых, так же ясно, что для языка науки в высшей степени характерна и третья возможность, приближающая его к стереотипам массовой коммуникации. Наше время, отмеченное массовым характером научной деятельности, вовлекает в данную сферу общения не отдельную говорящую и слушающую личность

(т.е. выступающую от своего собственного имени, как в разговорной речи, даже при том, что последняя может считаться наиболее автоматизированной речевой сферой), а говорящий и слушающий коллектив, приобретающий одинаковые профессионально-речевые навыки. Вступление в подобный коллектив слабо предохраняет личный языковой опыт от нивелировки. "Обобществление" данных науки "обобществляет" и средства их словесного описания. Вследствие этого по отношению к языку науки возникает необходимость различать истинное и мнимое содержание формулы "один–много". Второе (т.е. узуально-групповое) переводит в область коллективной языковой деятельности большинство видов научного общения и тем самым способствует формированию целостной функциональной разновидности – с рядом единых черт языкового отбора. "Неперсонифицированная" сущность образа адресующегося как нельзя лучше соответствует ожиданиям "неперсонифицированного" же адресата. Отношение и того и другого к словесному составу высказывания заявляет о себе в ограничительных рамках адаптации к подсистемно-языковым стандартам. И функция обретения "общего языка" выполняется согласно установленной традиции: строго научное изложение рассчитано на однородный (и равный образу адресанта) образ адресата, научно-популярное – на неоднородную и гипостазируемую лишь условно общность адресатов.

В то же время современная научная мысль может получать в трудах отдельных авторов тех или иных научных произведений нестандартное, индивидуализированное речевое выражение. Для этого существуют типические приемы соответствующего РП: а) привлечение к научному повествованию "беллетристических" способов изложения, широкого диапазона метафорических средств; б) планомерные отступления от книжной нормы в пользу непринужденной, раскованной разговорной манеры; в) нарушение цеховых пристрастий редукцией терминологического слоя.

О чем говорят подобные явления? Прежде всего, как представляется, о специфическом варьировании обсуждаемого инварианта функции говорящего. Вряд ли можно сомневаться в том, что ее осознание ведет к кардинальным стилевым различиям в случае, если высказывание является результатом коллективно-групповых навыков применения языка в определенной сфере общения,и в случае, если оно выходит за их пределы[5]. Эти различия и объясняют то обстоятельство, что, например, когнитивной задаче вовсе не противопоказаны образность и экспрессия; что существуют разные пропорции и формы введения в научную речь тропеических способов выражения; что существуют функционально прикрепленные и "свободные" стилистические средства, осуществляющие право индивидуальных вариаций в его столкновении с терминологической необходимостью. Именно в этом состоят причины разнообразия

[5]Ср. понятия речевого и личностного общения: [Долинин, 1985, 50–53], а также возможность трактовки индивидуального поведения в рамках какой-либо социальной роли [Лотман, 1984].

стилистических средств, вербализующих одни и те же функции речи в одной и той же сфере речевой деятельности, и, наоборот, сходства стилистических средств, которыми вербализуются разные задачи разных же сфер речевой деятельности человека.

Находить "общий язык" со слушателем в соответствии с когнитивной задачей, структурирующей научное высказывание в целом, возможно, используя диглоссию или полиглоссию [Винокур, 1972, 76; Крысин, 1976а, 61–67]. Способы языкового выражения этой задачи, не покрываясь соответствующими коллективно-групповыми стандартами, совмещают языковой опыт автора научного сообщения как говорящего, исполняющего свою профессионально-речевую функцию, как носителя языка в его общекоммуникативной функции и как художника слова, совершающего эстетически значимый вербальный отбор в целях оптимизации той же когнитивной задачи сообщения. Двуязычие или многоязычие – это необходимое следствие социального существования языковой личности в ее коммуникативных ролях (функциях). Мы видели сейчас, что научная сфера общения дала три варианта РП говорящего, влияющих на стилевую организацию текста: исполнение коллективной, мнимо-индивидуальной и истинно-индивидуальной коммуникативных ролей. При этом высказывание в рамках последней уже выходит в другой подсистемный ряд, составляя основу идиолектных категорий. Ср. определение идиолекта Р. Бартом как явления, промежуточного между языком и речью: "Это явление есть речь, уже возведенная в ранг установления, но еще не формализованная в той же степени, как язык" [Барт, 1975, 121].

Если поставить в центр массовой коммуникации указанную сферу "специальных стилей" (Д.Н. Шмелев), то по обе стороны от нее окажутся две смежные и одновременно оппозиционные области – разговорная речь и художественная речь. Общий коммуникативный стилевой признак их РП состоит в наличии физической реальности индивида со свойственной ему манерой поведения вообще как отправителя высказывания[6]: индивидуализированный тип речи полностью совпадает с объективностью действий одного лица. Но простор индивидуальным речевым навыкам, также совпадающим с объективностью действий одного лица, дает и разговорная речь. Благодаря этому существует коммуникативно-ролевое сходство между РП в художественной и разговорной речи, которое с некоторых пор стали замечать как исследователи первой, так и исследователи второй [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Ковтунова, 1986; Винокур, 1972, 77–79, 81–82].

Однако сходство это имеет чисто формальный характер. И, как кажется, только вторая истинно воплощает в себе максимальный разброс этих двух коммуникативных ролей, ответственный за то, что "в организации системы РР царит контраст" [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, 7]. Этот признак не предусматривает (или предусматривает частично) сходного отношения к обретению общего языка. Так, коммуникативная роль

[6]Ср. мнение Куриловича о том, что противопоставление "разговорный–поэтический" не совпадает с противопоставлением "общественный–индивидуальный", а лишь пересекается с ним [Курилович, 1962, 423].

автора художественного произведения ее имплицирует, что обусловливает функциональное отличие художественной речи от нехудожественной. Первая должна быть (теоретически, хотя на практике известны примеры литературы камерной, "для узкого круга") обращена к нерасчлененной, неперсонифицированной массе читателей. Можно высказать уверенность в том, что проблема восприятия для данной коммуникативной роли вторична по отношению к проблеме выражения, точнее, к проблеме самовыражения и самовосприятия, которые не перекидывают мост к реакции как отражению состоявшегося взаимодействия, а включают ее в себя. Не "воздействие", а скорее информация об эстетическом осмыслении действительности – основной конструктивный побудитель художественного текста. Напрашивается мысль о том, что, несмотря на общепризнанную бахтинскую идею глобального диалога как модели речевой жизни общества, оппозиции своего/чужого, в частности романного, слова, степень адресованности художественного текста (как по модели личной, так и по модели массовой коммуникации) минимальна. И потому как бы поверх внутренней полифонии, обволакивая каждый ее слой, пролегает наружная и безответная монологическая интенция говорящего автора, которая не требует непосредственной реакции. Именно поэтому исследователи видят в декодировке (т.е. интерпретации) художественного произведения более сложный процесс, чем "лингвистическая декодировка, потому что в литературе, в отличие от лингвистики, речь идет не о коде, в каждый данный момент статическом, и мы не можем предполагать тождественность авторского и читательского кода" [Левый, 1975, 75].

С точки зрения РП это означает укрупнение индивидуального облика адресанта, при котором симптоматична или потенциальная, или лишь формально эксплицированная опора на собирательный образ читателя как языкового единомышленника [Якубинский, 1986, 38–45]. Ср. обращение к "любезному", "дорогому" и прочему читателю, низводимому до "многоуважаемого шкафа".

Разговорная речь

Говорящий, как мы видели, имеет множество осознанных и неосознанных мотивировок, которые оказывают влияние на РП. Чтобы выразить через него свою личность, вовсе не нужно видеть в слове искусство "самоцельного деяния", как это свойственно писателю [Барт, 1989, 138]. Достаточно владеть той совокупностью постоянных и переменных речевых ролей, которые социальная психология представляет как определенным образом построенную иерархическую структуру относительно общественного статуса говорящих/слушающих в его типизированных экспрессивных способах вербального выражения.

Если мы принимаем за инвариант РП интенцию найти общий язык, то в разных сферах общения он получит разное число вариантов с разным составом, зависящим от содержания этих способов. Так, наиболее сложным и многосоставным является тот вариант РП, который вмещает в себя

наибольшее количество коммуникативных ролей-функций говорящего/слушающего: говорю "от себя", как отдельная личность (не несу ответственности за других); обособляю свой групповой опыт (говорю, как принято "у нас"); нейтрализую разные речевые опыты (выравниваю неравные отношения); формирую при этом бесконфликтную или конфликтную стилевую фигуру ("перевожу", строю синонимический ряд).

Такой вариант, как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, аккумулируется не специальными сферами высшего порядка, а разговорной речью. Здесь человек уподобляется полифонической структуре, в которой звучат отголоски всех его речевых ролей как выразителя психологического типа, социальной группы, языкового коллектива. Поэтому разговорная речь представляет собой сплав отраженных наслоений разных функциональных вариантов РП, которые адаптируются в ней со стилистической стороны разной степенью взаимодействия элементов тех или иных коммуникативных сфер – от нейтрализующей до интерферирующей и цитирующей. Процесс адаптации проходит под знаком разговорного стиля [Винокур, 1972, 25–33], безусловно наиболее толерантного по отношению к иностилевым элементам, поскольку разговорная речь представляет собой сферу общения, тематически не ограниченную (Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская).

Тематический состав и объем отражения в нем социально-психологического облика говорящих и слушающих, характеризующегося только в этой сфере двумя функциональными вариантами РП на равных – информативным и фактическим, естественно, зависят от социальной структуры общества, в котором действуют носители данного языка. Легко себе представить, например, что РР примитивно организованной малой этнической общности является для нее единственной коммуникативно-речевой сферой и что поэтому за такой сферой не стоит широкий диапазон ролевых переключений, которые обогащали бы содержательную и стилевую структуру РП ее носителей. Напротив, высокоразвитое современное общество, языковое состояние которого определяется наличием монолингвистической системы систем – национального языка, включающего литературное ядро и нелитературную периферию диалектно-жаргонно-просторечной принадлежности, – нуждается в различных областях применения языка и, следовательно, в полифункциональных языковых объединениях[7]. И в то же время только одна из этих областей является универсальной (т.е. такой, которой пользуются все без исключения члены данного общества) – РР в ее литературных, нелитературных и смешанных разновидностях. Социально-психологическая универсальность коммуникативного назначения РР делает ее отраженным вместилищем дифференцированных видов "отношения к языку", составляющего основу коллективного речевого опыта, который приум-

[7]Социолингвисты говорят о том, что каждое общество (очевидно, именно общество, а не языковое сообщество, границы которых, по мнению Косериу, не всегда совпадают) имеет "набор типичных, регулярно проигрываемых ролей, своеобразие которого обусловлено видами и формами взаимоотношения людей" (матриц общения – термин Дж. Гамперца) [Крысин, 1976в, 48].

ножается, качественно модифицируется и функционально-стилистически расслаивается прямо пропорционально социальному опыту носителей языка[8].

Тот их слой, который применительно к стилистической дифференциации речевых навыков нашего общества мы называем "широким" и "демократическим" и который действительно не получает более точных постоянных характеристик (за исключением профессиональных), в ситуативном отношении недостаточно гибок. Способность примениться к адресату в разговорных обстоятельствах речи, как правило, ограничивается лишь неполными переключениями в рамках интерферирующих структур: Вот / значит / такая ситуация / магазин раньше закрывают / в воскресенье-то / ну поди ж ты //; Я маленько уже поднаучилась / в этой кройке / теперь хочу не по выкройке / сама. . . //; там у них на кадрах / слышь / сидит этот / помнишь / как его / еще в тресте работал. . . //; В общаге у нас / ну / в общежитии / в нашем ПТУ / крыс полно // Мы их стараемся искоренять / они нас просто преследуют //; Я пошла глянуть / что там / хоть есть что-нибудь из продуктов питания // Нет ничего //; Ты мне / милок / давлению ету померь // Мне на инвентаризацию / смерть неохота ехать //.

В РР интеллигенции установка на адресата проявляется в более дифференцированной адаптации стилевых явлений. Оппозиционные средства, социально-психологически нагруженные ("значение говорящего"), могут быть сближены, если они пережиты адресантом, минуя все промежуточные стадии усвоения "чужого слова" как уместные и потому в данном случае "свои". Ср. тонкую семантико-экспрессивную нюансировку таким говорящим "синонимической ситуации" [Винокур, 1964] в следующем диалоге: **А.** Ну / а кормили как? // **Б.** Ну как /: "Какой стол? / Пятый?" / Ну и все // Питание соответствующее // **А.** Ну да / понимаешь / кормили / и питание / вещи разные // Кормили / это хоть бы с желанием. . . // **Б.** Прям тебе "с желанием"! //. Или: **А.** Вы уж пожалуйста / не плачьте так / . . . ну ничего. . . // **Б.** Да / действительно / что я это тут / разревелась / . . . простите // **В.** Господи / что с ней делать // не знаю. . . / рыдает прям навзрыд. **А.** Ну / что значит / рыдает // Немножко поплачет / и все // А то вы так говорите / сами ее растравляете. . . / "рыдает". . . // (разговор в очереди к юрисконсульту).

---

[8]Что же касается речи художественной, то функции говорящего имеют другое содержание, так как не попадают в разряд тех коммуникативных ролей, которые непосредственно рассчитаны на взаимодействие. Соответственно функциональному отличию поэтического языка от практического эти роли преломляются через авторское отношение к нему как к искусству, имеющему "внутреннюю форму". Ее эксплуатация — это РП особого рода, где соединяется коммуникация "от себя" и "для себя" и только через это — "для всех", но не "как все". Е. Курилович писал, что определение поэтического языка зависит от того, будем ли мы относить к нему "только неповторимые языковые явления" или такие, которые можно считать "не конвенциональными, а конвенционализованными" [Курилович, 1962, 418]. В этом и проявляется специфическая социальная значимость эстетической функции, эстетических норм и ценностей, так как любой предмет, понятие (в том числе и речевой акт), обладающие ими, могут получать или не получать в разных социальных сферах, обусловливающих общественные вкусы, соответствующее осмысление [Мукаржовский, 1975, 245, 248, 255, 260].

Коммуникативная роль (функция) слушающего способна определять РП говорящего, т.е. влиять на развитие дискурса с точки зрения его соответствия или несоответствия условиям общения. Мера воздействия слушающего на говорящего зависит от характера их связи (непосредственный или опосредованный контакт, форма речи, тип отношений). Личная коммуникация в ее устной разговорной разновидности, когда слушающий рядом и его реакция очевидна, опять-таки дает наиболее разнообразные примеры. Подобно тому как взаимодействуют постоянные, социально-детерминированные статусы участников общения, о чем шла речь выше, их РП реагирует на ситуативно обусловленное проявление соответствующих речевых навыков в конкретном, отдельно взятом акте речевого взаимодействия и по такой же схеме: нисходящая или восходящая линия. Если первое является регулярным ролевым признаком определенных приоритетных профессий, социальных функций, характеров (преподаватель, родители, лидер какого-либо общества) и структурирует соответственные виды высказываний, то второе зависит целиком от условий общения. Поэтому в РР, где постоянные роли получают лишь отраженное влияние на РП, и нисходящая и восходящая линии выступают как адаптированные к последним:

а) если литературно говорящий, предположим, в неофициальной домашней обстановке взял слишком высокий тон, ослабляющий границу книжной и разговорной речи, то в условиях спонтанного отбора, отсутствия детерминирующих правил жанра, свободы личных вкусовых проявлений он легко идет навстречу предполагаемым требованиям слушающего, которые олицетворяют требования ситуативной нормы, по той или иной причине нарушенные говорящим. Олицетворение нормы в образе слушающего обусловливается законом социально-психологического равновесия между заданием и эффектом высказывания, дающим как позитивные, так и негативные результаты, в зависимости от работы того участка коммуникативной интенции, которая направлена на самокоррекцию, т.е. промежуточной инстанцией между речью и ее восприятием другим лицом (см. с. 61). Отсюда, например, проистекают лексико-синтаксические вариации типа: Лена / слушай / *мы приглашены* / э-э / это / *нас* / *Сафоновы пригласили* / на воскресенье *звали. . .*; Это вот у нее / всегда / *неистребимая жажда* / всюду *быть первой* / – А ты что / *хочешь истребить?* // – *Нет* / *я серьезно* / *ей* всегда все *надо* / *всюду влезть* / *всюду себя показать!* // (отрезвляющая ирония собеседника вводит высокую фразеологию в нужное русло); Я *не хочу говорить громких слов* / как-то глупо // Но действительно *придется принимать меры* / серьезные / *не драть же его* //; Это совершенно не *питание* / . . . так *питаться* / такая *еда* / это *не еда* / одно горе //; Ведь так много времени прошло / так много / а потом она *скончалась* / *умерла быстро*/ раз и все //. Ср. двухрядовую структуру: – Она сначала *прописала антибиотики* / потом *дала бисептол* / *принимать* шесть-семь дней / по две / ну / раз я не переношу // Ну / а зачем я буду / спрашивается / *пить* эти? // Ведь бисептол этот тоже сульфамид//;

б) соответственно образуется понижение от разговорно-литературного до обиходно-разговорного стиля (обычно в специфически экспрессивных целях): "Вы только послушайте, что она *говорит* / такое *плести* / это даже я не знаю //", – а также переход в нелитературные сферы. В частности, наиболее явное влияние адресата можно наблюдать в обиходно-деловых, обиходно-профессиональных ситуациях, когда зависимая ситуативно-речевая социальная позиция стимулирует готовность говорящего перейти на чужой язык, язык того, от которого зависит в настоящий момент исход дела: "Скажите / а внутри / только такая отделка? Ну / *в салоне* // (разговор при покупке автомашины); Мне сказали / что можно книги поменять / ну вот *свободный обмен* / . . . закрыто что ли? (в книжном магазине); Вы мне сказали, что сначала надо целиком все рассчитать / а когда *осметят* / . . . то сколько ждать? // (разговор со строителем дачного кооператива); **А.** Вы не знаете / где Светлана Николаевна? // **Б.** Она к этому времени / еще *не подходит* // **А.** *Не подходит?* / А не знаете / когда *подойдет?* (разговор в дирекции учреждения). Для вариантов разговорного РП характерна регулярная оппозиция плана содержания и плана выражения: 1. Содержательно-тематическая формула бесконфликтного речевого взаимодействия может быть составлена при помощи конфликтного стилистического приема: 1. **А.** Вы не пожалеете / он *парень толковый* // **Б.** Да / *этот молодой человек* / *произвел* на меня / *благоприятное впечатление* //; **А.** Вечно они мне *голову* / с карточками этими / *морочат* / сил моих больше нет / *осточертело!* // **Б.** Они почему так все *запутывают?* // Ведь двойная нумерация получилась / вот / смотрите / да? // Конечно, *надоедает* // Я Нин' Иванне сказала / она сама говорит / так утомительно / так *надоело* / к вечеру в глазах прям / рябит //. 2. И соответственно наоборот: **А.** *Я совершенно не в состоянии выносить* / все эти ее штучки //. **Б.** *А я / совершенно не в состоянии* / видеть / как ты тратишь на это нервы / и как ты перед нею / унижаешься //. Лексико-синтаксическая зависимость реактивной реплики в диалогической паре – это крайний случай, т.е. наиболее четкое выражение стилевой бесконфликтности, вплоть до автоматического повтора слова, отобранного автором инициативной реплики: **А.** *Какое впечатление* / она на тебя произвела? **Б.** А хорошее *такое впечатление* / милая такая //. И, с другой стороны, это импульс для переосмысления повторяемого слова или его словообразовательного варианта: **А.** Наши семейные *доходы* в этом году / равны / просто не знаю / чему //. **Б.** А наши. . . / вот именно *доходы* / потому что мы уже *"дошли"* / наши / минус-минусу/ вот так //.

Фигуры стилистического согласования или контраста образуются вследствие разного языкового опыта говорящих и выражаются либо в критическом, либо в "толерантном" отношении к противоположным навыкам, когда для этого используется "слово" собеседника: Ну / *как* он тебе? // – А *никак* // Не производит //; Тут / значит такая история. . . // Они *аванс* требуют. . . // Ишь ты / *как пышно* / *аванс* / Ну дам я им двадцатку / черт с ними //; – Вот это всё *запомнили?* // – Да / вроде / *усек* // Вот и отлично // *Так* ему *и скажите* // *Он* тогда *тоже* / всё *усечет* //; Они всегда замечательно так *принимают* / со вкусом // – *Принимают* не знаю /

а *кормят* хорошо //. Этот цитатный способ рождает диалогические построения тонкой стилистической дифференциации, когда, сопровождаясь мéной стилистической принадлежности цитируемого элемента, в дискурсе рождается стилистическая коннотация: Вы говорите "контактировать"... // Да мы *не контактировать* с ними должны / мы должны с ними *кончать* по-настоящему! // А то дальше разговоров опять ничего не будет! //.Это пример отвержения книжного (обюрокраченного, заштампованного) слова как утратившего именно семантическую свежесть восприятия.

Наконец, типична подмена содержательно-тематического конфликта стилистическим. Приведем запись такого диалога: (положение дел к началу записи – отец просил дочь получить белье в прачечной, но она вернулась ни с чем): Дочь. Да ну / пап / я пошла / ... что стоять *стокъ* // (как реакция на "стокъ" – иронический взгляд). Да / ... *стокъ* стоять / там / знаешь / какая очередь / стой целый час // Отец (саркастически). Ну конечно (досадливо машет рукой) // ... Дочь. Конечно / ... что ты размахался / ... целый час стоять / ... я бы постояла / ... ну *стокъ* народу... // Отец (с издевкой). Ну / *скокъ?* // Дочь. *Скокъ-скокъ* / ... не веришь / ... сам иди //. Отец. *Не хами* // Дочь. А *кто хамит?* / *Я и не хамила!* ... я же говорю тебе / *стокъ* народу... // Отец. Опять двадцать пять! //.

Ср. еще один пример (положение дел к моменту начала записи – говорящий объясняет причину опоздания на работу: не успела вовремя уйти из очереди в консерватории). Цитируемая часть объяснения дана в полуофициальной обстановке, уже после заседания, на котором опоздавшая должна была делать доклад: **А.** Я бы / конечно / *рванула* / .. но жалко было уходить / ...такое там было / ...так давилис... / я вышла / ...вижу не успеваю // **Б.** (с долей иронии) Ну вот *рванула или не рванула* / ...это вы теперь будете объясняться официально... // **В.** Нет / уж если у тебя доклад // ... **А.** Но я же для всех! // **В.** Ну что же / для всех... // **А.** Ведь как вышло // Надо было / конечно / договориться с Натальей Ивановной / и в десять пятнадцать / уйти // Но как раз начали проверку / начался этот беспорядок... // **Б.** Да-а-а! // И самое время было / *"рвануть"?* //.

Напомним также, что конфликтность с точки зрения стилистического узуса, представляющая тот или иной участок дискурса как гетерогенный, способна, с точки зрения РП говорящего/слушающего, играть роль стилистически гомогенного. Это явление, объективно свойственное носителям языка, не вполне владеющим литературной нормой, можно обнаружить и в интеллигентской речи, "завышенной" относительно разговорного стиля. Ср.: У меня / ... в общем-то / ... никогда *не было* / уж такой / прямо *необходимости / настоятельной* / даже в молодости / обязательно вот / *куда-то бежать / развлекаться* там / в гости / или куда //"; "Вот он своим *хамством* / и *довершил дело* // Пришлось им в результате / менять ся / разъехались... //; Как же иначе // Ведь *их связывают общие интерес* / они тогда и коньками этими / всегда вместе / *водой не разольешь* //.

С такой же естественностью интеллигентный носитель языка употребляет сниженное средство, находящееся на границе литературности, если оно соответствует прагматической коннотации как одной из необходимых составляющих варианта РП, который сигнализирует: "могу говорить и так". И поэтому мы вправе говорить о широком диапазоне использования литературно говорящим полярных речевых стилей как "своих", но "своих" в разной степени.

Попытка записи речевой жизни семьи, состоящей из трех членов, за один день, в возможных рамках их совместного пребывания, оставила впечатление полной асимметрии и раскованности РП, как бы компенсирующих необходимость неукоснительного выполнения речевой роли, отведенной им обществом за домашними стенами. Приведем следующие данные: запись велась в течение полутора утренних и четырех вечерних часов (до и после работы, школы). Третий член семьи (подросток) принимал участие в речевых сценах лишь в течение трех вечерних часов. Помимо общей двадцатиминутной беседы перед сном о планах на завтра вся речь представляла собой вторичное, сопроводительное действие к невербальным как основным – еде, уборке, приготовлению уроков, чтению и пр. Но при этом имели место три обширных фрагмента чистой беседы: два за ужином – пересказ о том, что рассказывала вернувшаяся из командировки подруга хозяйки дома, и рассказ дочери о репетициях французской пьесы для школьного спектакля; один – ad hoc, спровоцированный звонком знакомого хозяев, прервавшим ужин, – о книге, которую этот знакомый написал. Запись составила 1362 реплики; 15% – однословных: ответы, императивы, ситуативные эллипсисы и разные "мелкие слова" (Е.А. Земская); остальные, кроме упомянутых фрагментов беседы представляющих собой квазимонологические построения (объемом в пределах 60–70 высказываний), составили совокупности от двух до пяти-шести высказываний разной длины и по преимуществу смешанного задания – от информативно-необходимого до болтовни и стилевых пассажей типа: – Ну / это я тогда *с утречка* // – Скажи еще *"с утреца"!* // Такая гребеночка теперь *трюльник* стоит // – *Что-о-о? // Какой* еще *трюльник? //.*

Лексико-стилистический разброс – от "садануться" (сильно удариться) до "неоправданная жестокость"; синтаксический – от структур типа "грязными нечего хватать руками" до "весь полет продолжался всего два часа, а она очень устала"; широко представлены окказиональное словообразование ("Окрошку – квас получился ничего, но *ингредиентство* уже маловато у меня") и богатый репертуар словесной игры на всех других языковых уровнях (у женщин – преимущественно – на интонационно-фонетическом). Также широко представлен семейный апперцепционный фон, создающий импликации и делающий разговор непонятным для непосвященных; передразнивание; шутливо-кодовые обращения (например, клички, обратное переключение с "ты" на "вы" – *"Мотречка! Дайте* мне, пожалуйста, ваш дневник" – к дочери) и пр. [Кукушкина, 1989, 96–100; Капанадзе, 1989, 106–107].

Одним из наиболее существенных признаков трех парадигм (по числу

говорящих), выстроенных по фрагментам семейного дискурса, оказалось преобладание эмотивно окрашенных высказываний вне зависимости от их содержания. Даже бытовые вопросы и элементарные проходные замечания, т.е. обычные разговорные стереотипы, "мелкие слова" (Е.А. Земская) и т.д. выступили как отчетливо окрашенные личностью, свободной от регламентаций РП в официальных сферах общения, щедро эксплицирующей и постоянные черты характера, и настроение в момент речи (рассудительность, юмор, нетерпеливость, раздражительность, радостное возбуждение, мягкость и доброжелательность и пр.). Доминирующий стиль РП каждого из членов семьи – шутливо-иронический, причем пропорции литературно-нормативных и внелитературных средств у трех парадигм были разные: преобладанием последних (в повествовательных отрывках до 15–18%) характеризуется речь хозяйки дома (42 года, филолог), а не ее дочери (подросток, школьница).

Глобальная эмотивность, без всякого сомнения, явилась помимо прочих причин результатом спонтанного речевого обнаружения: "... давно замечено, что разговорная речь среднего обывателя гораздо богаче эмоциями, чем поэтическая. У него постоянно преобладает чувство над мыслью" [Ларин, 1923, 153]. Это качество возможно и в тех случаях, когда РП во всех его составляющих является результатом предварительного обдумывания (ср. термин "психология поступка" по модели М.М. Бахтина), например: при ответственном разговоре: принятии важных решений, выяснении отношений, шагов к примирению после ссоры или, наоборот, обвинительных выпадов и пр. Ср.: "... Аглая с наслаждением выговаривала эти слишком уж *поспешно выскакивавшие, но давно уже приготовленные и обдуманные слова* (курсив наш. – *Т.В.*), тогда еще обдуманные, когда и во сне не представлялось теперешнего свидания (...)" (Ф. Достоевский. "Идиот").

Разговорная речь интеллигенции наиболее оперативно фиксирует синхронные особенности стилистического узуса, определяющиеся временем, местом и образом действия [Винокур, 1980, 22–29] носителей данного языка данной эпохи, чем любая другая социально-психологически и функционально-стилистически ограниченная сфера речевого общения. Однако интересно отметить, что "отношение" к языку в социально-престижном смысле, т.е. оценка способов выражения, формирующая так называемые языковые вкусы общества, непосредственно зависит не от нее самой как вместилища информативно- и коммуникативно-первичного РП, способного оказывать благотворное влияние на сходное по ситуации РП других социальных групп, а от того, что она в других вариантах РП предложит обществу (через каналы массовой коммуникации и художественную литературу). Разговорная речь среднего носителя языка возвращает интеллигенции по бумеранговой траектории – и нередко с результатом, подобным игре в испорченный телефон, – уже внутренне нейтрализованную, преимущественно двухслойную, стилистическую

[9] Ср. мысль о закономерности "искаженных сообщений" внутри социальной группы в процессе распространения [Москва, 19[illegible], 176].

ИРЯ
Институт русского языка
www.ruslang.ru

смесь: разговорный стиль + канцелярско-деловой стиль (ср.: *продукты питания, кадры* дали согласие, *"осметить"* и пр.). Регулярно обнаруживаемые подвиды этого соединения – обиходно-разговорный + обиходно-деловой стиль, а спорадические всплески (в виде лежащих на поверхности соответствующей сферы общения стереотипов) – разговорный стиль + + газетно-публицистические штампы массовой коммуникации (радио, телевидение).

Содержание и тема высказывания

Если обращение к мотивировке действий языковой личности нарушило первую заповедь стилистики (изучать лишь вербальный результат в его коннотативном содержании: к а к, а не п о ч е м у), а обращение к самой личности (к т о) – вторую (см. с. 56), то обращение к содержанию высказываний, демонстрирующих взаимодействие говорящего и слушающего, которое формирует вариант РП, нарушает третью ее заповедь: изучать к а к, а не ч т о. Следует, правда, оговориться, что эта заповедь на эмпирическом уровне анализа стиля нарушалась достаточно регулярно, и это свидетельствует о неразрывности последнего с анализом РП. К.А. Долинин отмечает: "Информация, которую несет стиль, представляет собой (. . .) ответ на вопрос: что значит, что данное предметно-логическое содержание выражено так, а не иначе? Но такие же или подобные вопросы можно задать и по поводу других уровней сообщения: что значит, что в сообщении речь идет об этом, а не о чем-нибудь другом?. . Что значит, что о том, о чем говорится, сказано именно это, а не что-нибудь другое?. . " Из совокупности поставленных таким образом частных вопросов автор выводит общий вопрос: "что значит, что в данной ситуации данный субъект ведет себя так, а не иначе?" [Долинин, 1985, 47].

Следовательно, анализ средств выражения данного содержания, будучи направленным на говорящего, не может не коснуться и самого содержания, потому что оно в этом случае входит не только в номинативную, но и в коммуникативную структуру высказывания, указывающую на элементы, из которых составляется тот или иной вариант РП: "Если выбор референтной ситуации и ее истолкование (номинативное содержание) зависят от адресанта, от его потребностей, интересов, коммуникативных задач, от его представления о коммуникативной ситуации в целом, значит, номинативное содержание высказывания характеризует не только референтную ситуацию, но также самого адресанта и его представления о коммуникативной ситуации" [там же, 26][10]. В то же время, определяя стилистическое содержание как элемент коммуникативной ситуации, К.А. Долинин не может не признать: в парадоксальном на первый взгляд выводе о том, что номинативное содержание высказывания несет в себе какие-то элементы коммуникативного, нет ничего странного: "Мы судим о человеке по его поступкам, по тому, что и как он делает (или не делает), но также по тому, что и как он говорит" [там же]. Прово-

[10] См. о связи акта референции с говорящим субъектом [Арутюнова, 1982, 14].

димое в словаре терминов французского структурализма различение понятий "лексис" – способа речи и "логос" – содержания речи [Структурализм: "за" и "против", 1975, 459] позволяет увидеть комбинации взаимодействия двух компонентов высказывания как значимых для составляющих РП.

Комбинации эти в общем плане основываются на том, как говорящий осознает необходимость (или отсутствие ее) адаптации содержательно-тематической стороны высказывания к апперцепционным возможностям слушающего, т.е. на соотношении референтно-денотативного и коннотативного уровней высказывания. Ю.М. Скребнев отмечает, что "стилистическое нерелевантно предметно-логическому и независимо от него только в плане идеального принципа, только согласно конструкту (модели) стилистики" [Скребнев, 1975, 26].

Содержательно-тематическая предопределенность стилевых различий, которые актуальны для формирования вариантов РП, основана в общих чертах на двух закономерностях использования языка людьми: а) теоретической возможности говорить об одном и том же в разных условиях речи и б) практической ненужности осуществлять эту возможность, учитывая избирательность тематических нужд, определяющих коммуникативно-речевую деятельность в разных сферах общения. Понимая под "одним и тем же" сходное разбиение имплицируемой в языке картины мира на содержательно-оценочные представления, мы должны констатировать непременный сдвиг в информативном объеме участка РП соответственно разных стилистических результатов языкового отбора.

Эту мысль удобно проиллюстрировать такими случаями, когда говорящие в разных ситуациях используют разные языковые средства при обсуждении "одной и той же" темы. Ср. три диалогических фрагмента (текст аутентичный – диктофонная запись): 1. (домашняя разговорная речь): **А.** А не помнишь / такие же самые / тогда / сколько стоили? // **Б.** Тогда? / Тогда по двадцатке... / но большие // (смеются, так как последние слова – шутливая цитата из известного эстрадного номера). 2. (разговорная речь, но в магазинных условиях – магазинные стереотипы): **А.** Скажите / сколько надо за грейпфруты / за килограмм платить? // **Б.** Взвесить сначала надо! // **А.** Ну все равно / килограмм / сколько стоит? // **Б.** Двадцать семь // **А.** Вот эти / мелкие такие / двадцать семь?! // **В.** А чего удивляться // Завтра тридцать семь заплатите и не заметите //. **А.** Я не удивляюсь // Я просто не могу понять... //. 3. (беседа за круглым столом по ТВ): **А.** Те цены / которые были в январе / сегодня уже не кажутся невероятными // Люди перестали пугаться... // **Б.** Перестали пугаться / потому что устали / а не потому что цена приемлемая / или хотя бы стабильная // **А.** Во-первых / она не стабильная // В феврале все же / опять наблюдается рост цен / правда незначительный //.

На этих элементарных примерах достаточно ясно прослеживается, во-первых, условность "одной и той же" темы и, во-вторых, призрачность ее возможного обсуждения в "одних и тех же" словесных способах: разный невербальный и пресуппозиционный объем информации в первом и во

втором фрагментах дает возможность имплицировать или эксплицировать центральные номинации – предмет и время, о которых идет речь; разные аллюзии (и, следовательно, разные лексико-семантические и лексико-тематические поля) могут оказаться причиной разного развития дискурса; в первом случае разговор может перейти практически на любую другую тему, ближайшая ассоциация – эстрада, ТВ, театр, развлечения и пр.; во втором – круг обсуждаемых проблем, скорее всего, замкнется на стоимости продуктов или на чем-нибудь в этом роде, не дающем импульса к перемене темы; в первом случае возможно сниженное средство *(двадцатка),* несущее определенную коннотацию – стилистическое значение. Оно имплицирует отношение к факту траты, значимость/незначимость денежной суммы для говорящих; во втором случае *(двадцать семь)* нейтральное средство сопровождается коннотативной экспликацией отношения к факту при помощи других средств, которые ведут к дальнейшему развитию дискурса в ином ключе. Наконец, в третьем (оппозиционном к первым двум) случае появляются новые стилистические значения, новые сигнификаты (цена, стабильность и пр.), новая модальность (эмотивная окраска исчезает). Сумма этих показателей говорит, следовательно, о другом коммуникативно-прагматическом типе дискурса и характерном для него объеме информации, т.е. "значения говорящих" модифицируют номинативную ситуацию.

В этой связи особое значение при анализе РП приобретает фактор "темы" высказывания, который выступает здесь не только как не экстралингвистический, поскольку "не всякая тема существует вне языковой оболочки" [Пименов, 1978, 55], но и как лингвосемиотический, опознавательный: мое РП таково, что его варианты способны отразить любую тему любыми языковыми средствами, или такую-то тему такими-то языковыми средствами, или для такой-то темы у меня нет соответствующих языковых средств.

В зависимости от РП людей в их социальном взаимодействии, т.е. от сферы и задач общения, формирующихся в данном говорящем коллективе, связь между информативным содержанием речи и его вербализацией предстает как более или менее опосредованная. Если в так называемом специальном языке (по Д.Н. Шмелеву) фактор темы выступает как стилеобразующий, то в разговорном языке он независим и потому дает возможность денотативно-содержательных вариаций, которые находят выражение в коннотативных явлениях стиля. Ср. иронический прием, построенный на самом простом примере разных способов номинации: в литературно-критической статье 30-х годов отмечается появление на страницах художественной прозы характерного типажа – ≪"оголтелой" хищницы с изрядной примесью истерии≫. О ней, пишет автор статьи, метко сказал Олеша устами Бабичева: "Да, она *стерва. Раньше это называлось демоническая женщина".*

Чем более разнообразен стилевой диапазон РП говорящего, тем больше у него возможностей сопоставить свой опыт со стилевым диапазоном слушающего, что приводит к ситуативной вариативности стиля, вместе с которой варьируется содержательно-тематический аспект высказывания.

Когда говорящий выступает в какой-либо ситуативно-стилевой роли, он, делая выбор между разной стилистической принадлежностью средств наименования одних и тех же реалий, в любом случае оставляет лазейку для денотативных различий внутри одной и той же, им самим конструируемой, номинативной ситуации. Ср. такого типа квазисинонимические ряды, как "принять ванну/душ – вымыться – помыться – умыться"; "выкупаться – искупаться – (ис)купнуться"; "оплатить счета – заплатить по счетам – оплатить/заплатить" (без распространителя); "принимать на работу (в штат) – поступать на работу – оформляться" и пр.

Умение приспособить для выражения денотата нужный информативно-смысловой объем обозначаемого состоит в выборе соответствующей коннотации (стилистического значения). Это непременное свойство РП тех, для кого язык является элементом профессиональной деятельности. Ср., например, такое явление, как клише и штампы в руках публициста и вообще адресанта массовой коммуникации. Они составляют для него тот слой означающих, которыми можно покрыть разномасштабное содержание – от терминологических до семантически пустых и неопределенных штампов. Ср. пример из повести Л.К. Чуковской "Спуск под воду": «Читаю (газеты. – *Т.В.*) и вижу один только шрифт. Или стенографически слитные формы. "Всенародное значение" – два слова очень удобно сливаются в одно. Слитная форма "Великий план преобразования природы" – эти четыре слова тоже можно изобразить одним значком. Сколько уже лет я стенографисткой не работаю, но все еще невольно черчу в уме или на колене слитные слова и предложения. . . Рука машинально чертила слитные формы: "неотъемлемый элемент" и "средство культурного воспитания"».

Так, например, создается и "узуальная образность" [Винокур, 1980, 140–150] на основе деловых, научно-профессиональных, обиходно-разговорных и прочих формул (типа "получить прописку", "с подлинным верно", "выйти на орбиту", "набрать скорость", "Давайте не будем!", "А что, мне больше всех надо?" и пр.). Ср. также публицистический прием формирования контекстуально-оценочной коннотации у слов, денотативное значение которых лишено оценочной семы, используемый как своего рода социальный (национально-исторический и этнокультурный) символ: *"бизнес* – у нас слово ругательное" (пример начала 80-х годов); «слово *"аппарат"* у нас *теперь* ругательное» (1992 г.); «слово "карьера" у нас *почему-то* скомпрометировано»; «надо *возродить истинное значение* слова "купец"» (1992); "есть писатели серьезные, талантливые, маститые, есть беллетристы и вовсе третьестепенные"; "стихотворцев много, а поэтов мало" и пр. (из совр. газет).

Невозможность изучения стилистических свойств РП без учета содержания речи в его функционально-дифференцированном аспекте[11] обусловливается, следовательно, тем, что именно оно нарушает строгость противопоставления номинативной, референтной и коммуникативной

[11] Ср. замечание Е. Куриловича о том, что языковое содержание обусловлено сферой употребления, а не наоборот [Курилович, 1965, 430].

сторон дискурса, в котором должна состоять лингвистическая интерпретация текста (т.е. если отвлечь ее от говорящей и воспринимающей личности). Но сам выбор содержательных импликатур в отношении к действительности, во-первых, и словесных импликатур в отношении к содержательным, во-вторых, целесообразно целиком отнести к плану социально-психологически детерминированной речевой деятельности, не только конечный результат которой адекватен стилистическому анализу. И результат, и процесс отбора означающих входят в последний, согласно функциям участников речевого общения, как вербальное выражение составляющих РП. Оно попадает в поле зрения стилистического анализа, который обязан способствовать определению информативного объема коннотаций в их отношении к говорящим и слушающим, т.е. (по Ю.М. Скребневу) изучению вторичной, второстепенной информации о тексте. Эта обязанность является для стилистики специфической, почему и можно ее воспринимать как ближайшую и наиболее очевидную инстанцию на пути к соединению человека и языка в РП – манере использования языка как выражения коммуникативных потребностей и способностей личности, зависящих от социально-психологических установок говорящего коллектива.

Перевод

В специальных сферах общения, где особенно актуальна проблема выбора означающего и где мы выходим за пределы личной контактной непосредственной связи коммуникантов, способность к поправке на адресата является ключом к стилистическому переключению в масштабах подсистемы языка. Она олицетворяет собой начальный этап "перевода" на другой язык (с позиций функционально-подсистемной диглоссии), в другой стиль, в другую сферу общения. Ср. полифонический пример из газетного очерка, где публицистическая экспрессия как норма "переводится" на официально-деловой стиль милицейского протокола, параллельно чему роль человека, находящегося "при исполнении обязанностей", раздваивается настолько, что одновременно создаются два варианта отражения одной и той же референтной ситуации – перевод "затребован" адресатом, ожидание которого нельзя обмануть: ≪Катя уже в полной горячке обрушилась на инспектора ("обвинила работников милиции в равнодушии и жестокости"). И, боясь не выдержать и расплакаться, вскочила и убежала. ("Разъяснительную работу провести не удалось ввиду крайней недисциплинированности девочки") ⟨. . .⟩ Значит, говоришь, оскорбили они девочку? – задумчиво произносит женщина-инспектор, перечитывая свою бумагу. – Ну что ж, этого им никто не позволял – словами кидаться. За это, между прочим, и ответить можно. – Она вымарывает несколько строк. – Ладно, слушай дальше: "Я осознала свою неправильность и обещаю вести себя без нарушений"≫.

Коль скоро система языка организована так, что в ней наблюдается стилистическая дифференциация – а эта стилистическая дифференциация в той или иной мере связана с наличием синонимических средств, и

изучение ее не может не иметь сопоставительного характера, – мы сталкиваемся здесь с проблемой выбора, который, вербализуясь, проходит в РП коннотативную стадию, благодаря чему референт (денотат) становится коммуникатом.

Но, с одной стороны, известно, что стилистическая подсистемная организация далека от симметрии и что, переводимая в план употребления, т.е. в номинативные нужды ("по-разному называть одно и то же"), она вовсе не всегда дает возможность и вызывает необходимость выбора, поскольку в разных сферах общения объективно существует тематико-содержательная специфика, ограничивающая приток синонимических, а вернее, параллельных способов номинации. Также известно, что ситуация речи корректирует процедуру языкового выбора, приближая или отдаляя от него осознанные смысловые интенции говорящего в его опоре на восприятие слушающего.

Путем приспосабливания к адресату как к олицетворению подсистемной коммуникативной нормы адресант проявляет готовность стилистически адаптировать в принципе любую референтную ситуацию[12], поскольку в его ведении находится тот объем и репертуар коннотаций, который определяет возможность преодоления разных расстояний между ролевыми и ситуативными факторами общения. Так, например, обычно вводится в неспециальный текст специальная терминология, что характерно для коммуникативной ситуации, образуемой таким функциональным вариантом РП, в котором сталкивается речь как профессия и речь как потребление. Ср. массовую коммуникацию газетно-публицистического типа, в которой автор текста может позволить себе лишь определенный порог вторжения в сугубо специальный язык, предугадывая широкую амплитуду социально-психологических особенностей восприятия текста. Здесь обычно используются квазисинонимические ряды – от термина и, наоборот, к термину, от "перевода" прямой денотативной номинации до функционально-стилевых вариантов, имитирующих подобный перевод: "Ничего не поделаешь. Это ⟨. . .⟩ закон *энтропии.* Или, если это латинское слово почему-то не нравится, – *естественный ход событий*"; "Информация и совесть. Можно ответить на этот вопрос на привычном для всех языке, сказать о чувстве ответственности супругов, совести, долге. Но есть и другой язык, на котором тот же ответ прозвучит так: *энтропия отступила* под ударами своего самого страшного врага" (из газет); ≪В Воркуту *выехал* самый настоящий *строительный отряд,* 120 человек. *Если бы я писал сейчас не уголовную хронику, а героический репортаж,* я сказал бы: "На выручку городу Воркуте *брошен* был большой *трудовой десант*"≫ (А. Борин. Короткая память // Лит. газ. 1987. 20 авг.).

В варианте РП, названном нами "перевод", могут возникать и нетипи-

---

[12]Ср. мысль Л.Б. Никольского о том, что социолингвистика рассматривает совокупность актов переименования, при котором языковая единица соотносится не непосредственно с денотатом, а с константной единицей плана содержания (по определению Ф. Вардуля – с "идеальным референтом") [Никольский, 1976, 60].

ческие, окказиональные ситуации, например речевое взаимодействие профессионалов более широкой и более узкой специализации, когда соответственно узкий терминологический ряд должен быть расширен говорящим путем адаптации к опыту коллег-слушающих.

Ср. примеры из лекции о применении ЭВМ в лингвистике, которая в 1985 г. представляла собой своего рода ликбез, но проходящий в рамках "равных" отношений, с попыткой говорить на общем профессиональном языке о его эксклюзивной области. Установка лектора была такая: "Мы еще плохо говорим!" (т.е. плохо владеем нужной терминологией).

Эта установка породила своеобразный вариант РП, при котором образовался как бы двухрядовый дискурс: один ряд изобиловал узкопрофессиональными навыками, и не только с точки зрения терминологии, но и с точки зрения так называемого околопрофессионального жаргона; последний также включал в себя, будучи принадлежностью нового для того времени и для того круга участников общения начинания, непривычные для их уха выражения. Так воспринималось, например, даже высказывание типа: *"На рынке* сейчас *имеются* такие-то и такие-то компьютеры". В литературно-нейтральной публичной речи тех лет слово *рынок* до периода нашего сегодняшнего "вхождения в рынок" или регулярно выступало в словосочетаниях *международный рынок, общий рынок,* или все еще несло лишь бытовую коннотацию и не считалось калькой с английского. Поэтому определенный тип слушателей воспринял элементарную и уже вошедшую в мировой опыт фразеологию как особое цеховое щегольство, повергнув этим в некоторое недоумение говорящего, не сразу осознавшего, что он в известном смысле терпит коммуникативную неудачу. Вследствие этого второй ряд дискурса был им пополнен регулярными синонимическими ситуациями. Слово *вычислять* не значит 'вычислять'. Оно получает здесь новое значение. Это не 'вычислять', а 'перерабатывать информацию'. В эти ситуации он спорадически вводил (в дополнение к переводу с узкопрофессионального языка на более широкий, но тоже профессиональный) третью, а вернее, нулевую, т.е. нейтральную, фазу. Например: А это *телевизор,* по-научному "дисплей", а еще более научно: "устройство отображения информации на электронно-лучевой трубке".

Одновременно этот двухрядовый дискурс членился и по другому принципу. Так как современное языковое сознание легко оперирует терминами-метафорами или вообще словами, которые узуально не имеют терминологического выхода (ср. специальные значения слов *строка, запись, слово* в информатике), то лектору приходилось давать их "перевод" в обратном направлении: от термина – к общему. К тому же принятый вариант РП предопределил необходимость прибегать к постоянному употреблению окказионализмов и потенциальных слов, отражающих процесс поиска нужного способа выражения (лексиса), исключающего в данной ситуации коммуникативную неудачу ("отехничивание", "компьютерство", "поколенческий").

Перевод осуществляется как вариант РП в разных функциональных сферах общения со своей специфической нагрузкой. Обычные составляющие этого приема (билингвистического или диглоссного происхожде-

ния) – оппозиция, имеющая стилистическое, стилехарактерологическое, профессионально-терминологическое, возрастное, психологическое и прочее содержание, – действуют как социальный катализатор, ускоряющий процесс межгрупповой интеграции многослойного говорящего коллектива. Однако если его регулярная текстовая основа – синонимическая ситуация – имеет, как мы видели, нетипические варианты и в официальных, книжных коммуникативных областях языкового употребления, то и в поэтическом, и в разговорном языке этот вариант РП, естественно, получает более субъективную и более сложную в плане выражения функцию.

Ср. перевод семейного кода, направленный на "чужое" ухо (обстановка "гости"): **А.** *Муж* мой / который *объелся груш*. . . (муж безудержно хохочет) // **Б.** Фу ты / Господи / и ты после Рощина (драматурга, в пьесе которого удачно употреблено это выражение. – *Т.В.)* / с этими *грушами* / надоели вы мне! // **А.** То есть как надоели / когда он фунта два / уж точно / за один присест / не успели сесть за стол целая ваза была / и все потом на него уставились / как на голодающего совка. . . // **В.** (муж) А кузиночка мне стала после этого зато та-а-кие *груши* покупать! // Каждый день! // **А.** Я потому тебе и объясняю / что он сейчас все твои яблоки съест // . . . А ты *"Рощин / Рощин"* // **Б.** Ну / я-то / положим / ему больше не куплю. . . // **А.** Не Рощин / а мы его зовем / профессор Грушин // **В.** Придется опять в Америку ехать! //.

Ср.: "Когда находила на него такая *дрянь* (так называл он *вдохновение),* Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи" (Пушкин, Египетские ночи); "Когда *комнату* называют *жилплощадью*, в ней становится неуютно, как на улице"; «когда он говорит "зеленые насаждения" – это что значит? Что перевести на нормальный человеческий язык слово, означающее *деревья,* этот чиновничек уже не в состоянии" (из фельетона).

Подобные переводные приемы, построенные на характерологической цитации речи другого говорящего, всегда входят в инвариантное русло "поиска общего языка" и, как правило, свидетельствуют о неограниченных возможностях соотнесения своего и чужого опыта, типизирующего стилистические варианты РП, к иным видам которых мы обратимся ниже, в связи с их коммуникативной функцией.

Выводы

1. РП, варьируясь в разных условиях речи и в зависимости от того, какие возможности проявления социально-психологических связей эти условия предоставляют, стремится соответственно своему категориальному назначению обеспечить взаимопонимание говорящего/ слушающего.

2. Инвариантом РП говорящих и слушающих в разных условиях речи, в разных коммуникативных и содержательно-тематических сферах является, таким образом, поиск общего языка, получающий удовлетворительное решение благодаря ряду вариантов (стилевых приемов), основанных на специфике отношений (коммуникативных функций) между участниками речевого общения.

3. Все те варианты коммуникативной функции слушающего, которые содействуют формированию равных/неравных, контактных/дистантных, официальных/неофициальных отношений между участниками речевого акта [Винокур, 1972, 64–70] и, следовательно, определяют их РП, можно условно разделить на конфликтное и бесконфликтное текстовое взаимодействие, имеющее двустороннюю классификацию: а) содержательно-тематические подтипы – согласие/несогласие, утверждение/возражение, принятие/непринятие и б) коммуникативно-стилистические подтипы – нейтрализация или обострение стилевых контрастов, гомогенность или гетерогенность стиля отдельного высказывания в восприятии говорящего и слушающего.

4. В определенных случаях мы являемся свидетелями "антиномии говорящего и слушающего", которая часто приводит к конфликту в информативно-коммуникативном и в стилистическом отношении. Например, "в интересах" говорящего пользоваться всем привычным для него словарем, независимо от его общеупотребительности, а слушающий "не принимает" некоторых слишком индивидуальных словоупотреблений; для говорящего актуально внелитературное или узкопрофессиональное словоупотребление, а для слушателя важно оставаться в рамках литературного языка и др. [Русский язык и советское общество, 1968, 24–25]. Однако прежде всего участникам общения свойственно стремление к сотрудничеству, и это выражается в готовности приспособиться к чужому речевому опыту в той же мере, как желание реализовать свой собственный.

5. Понимая функцию как целенаправленность речевых действий говорящего в соответствии с той задачей, которая должна быть достигнута их завершением, мы включаем в анализ не только сам завершающий результат, но и всю сумму социально-психологических мотивировок данного речевого действия так же, как и его восприятие адресатом. Ср. упомянутые в гл. I определения высказывания как приема и как результата у В.Г. Гака и в Словаре французского структурализма. Ср. также мысль Ц. Тодорова о том, что высказывание как результат "несет на себе отпечаток того конкретного акта речи, продуктом которого оно является", как подтверждение баланса между объективностью речепроизводства и объективностью манифестируемой речи [Тодоров, 1975, 61].

Таким образом, функциональные варианты РП, которые в определенном смысле могут "быть формой существования общественного опыта" [Леонтьев, 1974в, 243], непосредственно формируются коммуникативными действиями говорящих и слушающих. Их содержательная основа есть выражение психологического стремления к социальному взаимодействию, определяющемуся интенцией говорящего и реакцией слушающего.

Функции (коммуникативные роли) участников общения обеспечивают "социально-символическую регуляцию" [Тарасов, Школьник, 1977, 174] речевого поведения относительно друг друга, вовлекающую в активное взаимодействие средства разных подсистем языка. Благодаря им и осуществляются генеральные функции самих подсистем языка, квалифицируемые традиционной стилистикой как стилеобразующие.

Глава II

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ РП

Коммуникативное соавторство

Как коммуникативно-деятельностная единица, т.е. единица, формирующая участок, на котором получают характеристику составляющие РП, носитель языка равен двучлену "говорящий/слушающий". Если (по Бюлеру) коммуникативная модель речевого акта показывает взаимодействие говорящего и слушающего по отношению к высказыванию, то для РП прежде всего следует трактовать ее как отношение соавторства.

Ориентация: а) на другое лицо вообще; б) на другое лицо как конкретную социально-детерминированную языковую личность; в) на конкретную личность в отношении ее признаков с признаками говорящего – показывает меру стилистической определенности в содержании коммуникативной роли обоих участников речевого взаимодействия и характер его стилистической направленности.

Для определения функций (коммуникативных ролей) участников речевого общения существенным оказывается выделение трех признаковых групп: 1. Социальные "образы" говорящего и слушающего: а) сходство и различие, б) вид пересечения в данном речевом акте. 2. Форма связи в данном речевом акте. 3. "Количественный" облик собеседников. Но, без сомнения, можно сказать, что именно в элементарной диалогической ситуации, т.е. в разговоре двоих при непосредственной словесной реакции на только что сказанное, первично реализуется воссоединение коммуникативных ролей говорящего и слушающего, которое легло в основу бахтинской теории "вечного диалога". Действительно, кому приписать, например, авторство (инициативу) и кому – реактивную роль в разговоре, составляющем шутливый обмен окказионализмами, рождающимися по мере диалогического развития дискурса, направляемого обоими участниками диалога? Ведь мы видим, что их потенции в этом способе РП со всей очевидностью равны независимо от того, кто "первый начал" (потому что в следующий момент начнет другой). Ср.: **А.** *Закрой* за мной // ... (запри дверь. – *Т.В.)* **Б.** А Лена на что? // Пусть *закрывает* и будет *закрывщица* // **В.** Ага / *закрывщица* и *открывщица*. **Б.** *Закрывательница* и *открывательница*... // **А.** Ну / давайте / давайте! //; **А.** Мы теперь с Леной *купщики* / *купальщики* / *купалисты* / вот мы кто // (о том, что все лето, даже в холодную погоду, купались. – *Т.В.*) **Б.** А я... / мне быстро надо в *покупальщики* / пока открыто / хлеба... //; **А.** Тань / ты знаешь / такой спорт? // *"Велосипедизм"* называется? **Б.** Я *хулиганизм* знаю / это да.

Такие игровые окказиональности – наиболее яркий пример того, что диалог воплощает взаимодействие в качестве нормы речевой жизни общества. И потому следует по достоинству оценить проницательное замечание писателя о том, как трансформируется эта норма в его профессионально-речевом опыте: ≪Не надо быть ученым, чтобы понимать:

монолог – прерогатива сумасшедшего. Речь родилась из необходимости общения. Диалог – нормальная форма литературного произведения. Даже когда народ безмолвствует, он ведет диалог с историей. Отсюда весьма подозрительно выглядит "поток сознания"≫ (В. Конецкий. Никто пути пройденного у нас не отберет). Большинство исследователей склоняется в пользу первичности диалогической формы общения (Л.П. Якубинский, Я. Мукаржовский, Б.А. Ларин), несмотря на существование противоположных мнений. Так, Мукаржовский, цитируя знаменитую работу Г. Тарда "Мнение и толпа"[Tarde, 1921], в которой естественный диалог (разговор) не отделяется от "культивированной конверсации" (беседы), почему автор полагает первичной формой словесного выражения человеческой личности монолог, замечает, что противопоставление диалога монологу вообще не является корректным, так как все зависит от типов диалога. И если рассматривать их как отражение коммуникативных вариантов РП, то, безусловно, только естественный диалог (диалог běžnego života) демонстрирует "напряженность" и истинность противопоставления "я" и "ты", формирующего психологическую ситуацию равного партнерства и мены ролей [Mukařovsky, 1941, 149–150].

В идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи. Языковой отбор для них в известной мере несвободен: он структурно, содержательно и экспрессивно определен составом каждой предыдущей реплики. Возможно, что для точного исчисления меры свободы и принуждения необходимо отталкиваться в каждом диалогическом фрагменте (речевой сцене) от его абсолютного начала. Но абсолютное начало влечет за собой понятие апперцепционной базы, пресуппозиции и пр., что в данный момент не представляет для нас специального интереса. Достаточно говорить о взаимозависимости парных реплик, когда инициативная реплика (назовем ее условно самостоятельной) частично предопределяет словесный состав реактивной (ответной) реплики [Леонтьев, 1969а, 136]. Взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между говорящим и слушающим. То есть не только реплика, но и сам момент ее восприятия, имеющего непосредственный характер (контактный/дистантный, зрительный/слуховой), подготавливает состав следующей (ответной) реплики.

Спонтанная речь реагирует на момент восприятия свободой самокорректирующих, рекурентных, синонимических структурных возможностей, направляемых слушателем в нужную сторону. С коммуникативной точки зрения здесь существуют следующие соотношения РП: а) мера активного воздействия слушающего и соответственно мера адаптации словесного отбора, предоставляемая ему говорящим; б) характер воздействия слушающего (экспрессивный, побудительный, когнитивный) и соответственно либо адаптирующий, либо независимый характер словесного отбора говорящего. Каждое из этих соотношений характерно для РП, формирующегося при определенных социальных связях говорящего и

слушающего (о которых мы говорим в упоминавшихся нами терминах "равные" и "неравные" отношения), обусловливающих, в свою очередь, содержательно-тематический и целевой тип диалога, в то время как безадресную сущность монолога [Винокур, 1990, 217–220] вставная реактивная реплика разрушить не способна. "В сущности, все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем, в чем дело" [Поливанов, 1919, 27–28]. Ср.: "Гости приходили вечером (...) Продолжая возиться и перебирать бумаги, А.М. здоровался так, *точно он только что расстался с вами:* – Ну, рассказывайте! – Или сам сообщал что-то о чем-то или о ком-то, *как будто бы вам все известно* и он продолжает прерванный разговор" (В. Сосинский. Домовой на рю Буало – очерк об А. Ремизове в ж. "Родина". 1991).

Монолог как речь "в никуда" может состояться лишь в качестве искусственного порождения или специального эстетического задания, в котором должно быть отражено общение с миром через собственное восприятие говорящего (ср. известное мнение о монологе Л.В. Щербы).

Разные роли коммуникантов в структурировании диалога

Можно в то же время показать, что "отталкивание от слова собеседника" как основа диалогического взаимодействия своеобразным способом трансформируется в некоторых специальных жанрах: ≪Это были не "вопросы по сценарию" и не "чистая импровизация" (...) Госпожа Тэтчер продемонстрировала нечто другое – высшую, отшлифованную веками, оправленную в седые традиции оксфордскую школу ораторского искусства (...) Внимательный зритель мог заметить, что премьер, по сути, не отвечала на наши вопросы (...) Отталкиваясь от какой-то полуфразы, а часто от одного даже слова, она адресовала слушателю произнесенные на одном дыхании, без пауз, информационные блоки (...)≫ (Моск. новости. 1987. 12 мар.).

И здесь как будто бы реализуется соучастие слушающего в образовании предназначенного ему сообщения. Однако эта реализация имеет чисто формальный характер и потому представляет собой стерильный случай именно коммуникативного варианта РП, в котором должно прежде всего играть роль само наличие говорящих и слушающих, располагающее к стилевым и содержательным вариациям. В частности, это может быть, как в данном случае, содержательная аномалия коммуникативного процесса, варианты которой составляют своего рода семиотическую систему, включающую разные градации "антииллокутивной силы" реактивной речи, вплоть до формулы ухода от прямого ответа (ср. специфику дипломатического РП как профессии), нежелания вступать в контакт, психологических помех к его осуществлению[1] и ряда экспрес-

[1] Ср.: "Графиня имела обыкновение поминутно делать в карете вопросы (...) Лизавета Ивановна на сей раз отвечала наобум и невпопад (...)"; "Что с тобою сделалось, мать моя? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?.. (...) Лизавета

сивно-отрицательных оценок коммуникативных намерений потенциального или актуального собеседника: "С ним невозможно разговаривать"; "она никогда прямо не отвечает"; "вразумительного ответа от тебя не дождешься" и т.п.

Приведем теперь пример, показывающий влияние коммуникативной роли одного из участников полилога (который был построен благодаря отказу говорящего вступать в какое бы то ни было общение с непосредственными адресатами) на перемещение ролей слушающего (адресата) и слушателя, разрывающее диалогические связи, подобно чеховскому диалогу "по касательной": ≪Когда я сейчас вспоминаю подробности, то испытываю сожаление, что не было магнитофона, который единственный мог бы зафиксировать четыре текста. Четыре, потому что мне тоже пришлось отвечать на вопросы Юдиной. Она упорно обращалась ко мне. Сказанное проректором и деканом как бы текло мимо ее сознания. Существовала некая полифония в новейшем стиле, когда голоса ведут каждый свою линию, не вступая в контакты. Мне казалось, что я присутствую на спектакле абсурда. Если попытаться хотя бы примерно восстановить ход высказываний каждого из четырех в этой странной полифонической конструкции, то можно изобразить нечто в таком роде: "Мы пригласили вас, – начал бесстрастным голосом проректор, – чтобы согласовать тематику лекций-концертов. Хотелось бы, чтобы они касались только музыкальных произведений. – Да, только о музыке! – горячо поддержал декан. – Ничего лишнего, понимаете? – Я всегда говорила вашему Генриху Густавовичу, – грозно сказала Юдина, – что Томас Манн – лжеучитель. Жалко, Нейгауза уже нет в живых. Я бы его убедила. – В каком смысле лжеучитель? – изумилась я. – Любое ваше отклонение от намеченных тем может иметь ненужные последствия, – вежливо продолжал проректор. – Я полагаю, что в выборе программы разумнее всего следовать этапам истории музыки. – Главное не растекаться, – настаивал декан, – о конкретной музыкальной форме, о проблемах стиля. – Томас Манн – антихрист! – гремела в ответ Юдина. – Вспомните "Фауста", "Волшебную гору"... Да он сам, как Адриан Леверкюн, душу черту продал! Учитель, проповедник, а концепция демоническая! И недаром мальчик-эхо Непомук умирает. – Как у Малера? – предположила я. – У того тоже "Песни об умерших детях" (...) – Было бы хорошо, – вставил декан, – чтобы Вы, скажем, проанализировали сочинения, которые войдут в вашу программу. Музыкальный анализ очень развивает мышление исполнителя. – Да, конечно, как у Малера! – обрадовалась Юдина. – Перечитайте "Смерть в Венеции", вот квинтэссенция манновской темы. У него порок и красота неразрывны: это же гармония гения! – Не знаю, что сказать, Мария Вениаминовна. Я очень люблю эту вещь. – Тем страшнее, – негодовала Юдина. – Говорю вам, он лжеучитель! – Я надеюсь, вы поняли наши требования, – мягко улыбнулся про-

---

Ивановна ее не слушала" (Пушкин. Пиковая дама); "Олеся поздоровалась со мной, как и всегда, ласково, но разговор у нас не вязался. По-видимому, она слушала меня рассеянно и отвечала невпопад" (А. Куприн. Олеся).

ректор, – и не отступите в своих лекциях от обозначенных границ. Не сомневаюсь, что польза для наших студентов будет очень значительной, – подытожил он. Мария Вениаминовна встала, давая понять, что беседа окончена. – А "Иосиф и его братья", – воскликнула она, идя со мной к двери. – Какой терпкий напиток! Почти что "Тристан и Изольда". – Мария Вениаминовна, а Вагнер тоже "лже"? – Вот-вот! С Вагнера все это разложение и началось! – Тут все мы обменялись учтивыми рукопожатиями и покинули гостеприимный кабинет проректора. График концертов (раз в две недели) был намечен, и мы расстались"≫ (В. Горностаева. Этюд об одной прожитой жизни).

Признак равной речевой активности – это инвариант полилогической формы. Он предусматривает варианты, в которых реактивная роль собеседников градуируется – от позиции адресата до позиции слушателя/наблюдателя – и может, оставаясь невербализованной, влиять на развитие текста ответным неречевым действием: "Мать обращается к одному из трех просыпающихся утром детей: – Петя! (Петя поворачивается на другой бок). Ваня: Сейчас я его! (Лена щекочет Петю). Мать: Оставьте его! Петя: Отстаньте от меня! Лена: Вставай, соня!" (круговой полилог).

Отсутствие же реакции на сообщение не является нормой в кругообороте человеческих отношений [Harris, 1983, 865], хотя исследователи специально различают степень активности роли слушателя [Кларк, Карлсон, 1986, 270 и след.], отделяя непосредственного адресата, на которого направлено сообщение, от присутствующих при совершении акта речевой коммуникации сторонних слушателей (что, впрочем, само собой всегда разумелось при изучении разговорных полилогов). В зависимости от обстановки это могут быть случайные, незнакомые люди, слушатели поневоле, и их роль в организации высказывания минимальна. Кроме того, существует такой круг слушателей, на которых говорящий также распространяет коммуникативную интенцию, хотя и не выражает это формально. Ср. следующие примеры: "Что-то в его наступательной развязной любезности мне не совсем приятно. Я еще в машине жалась от нее в угол, прислушиваясь к низкому, красивому актерскому голосу. *Он тогда все разговаривал с шофером, но я слышала, что он говорит для меня* (курсив наш. – *Т.В.*). И потому не отзывалась"; "...в соседней кабине, отделенной от моей зыблющимся суровым полотном, я услышала голос темноглазой дамы – Валентины Николаевны. Не голос, а голосок. – Долго мне еще? – Она шлепнула ладошками по воде. – А если я больше не хочу? – Мне стало смешно. *Я сразу услышала по ее голосу, что она говорит не для меня* (курсив наш. – *Т.В.*). И не для Гали – дежурной по ванной. Иначе зачем бы ей было быть такой хрупкой, ребячливой, плескающейся? И в самом деле где-то неподалеку от нас кашлянул кто-то баском. Кажется, кинорежиссер"(Л. Чуковская. Спуск под воду).

Приведенный выше пример аномалии является иллюстрацией "антинормы" РП с точки зрения восприятия, понимания и реакции как ответного коммуникативного действия только потому, что перестановка ролей слушающего и слушателя была намеренной подменой коммуникантов, превратившей задуманный полилог в двухрядовый монолог.

Само же наличие второго (мнимого или истинного) адресата есть норма РП. Ее можно сравнить с фактором двойного адресата как постоянно действующей закономерности в определенных вариантах публичного РП (см. гл. III).

Стили слушания

Коммуникативные нормы РП позволяют говорить о "стилях" (т.е. манере) слушания, так же как о стилях говорения, потому что полюса "активность/пассивность", "внимание/невнимание" соотносятся с разным вербальным содержанием коммуникативного процесса. Напомним процитированную в работе С. Эрвин-Трипп мысль У. Лабова о том, что стили могут быть ранжированы по степени внимания говорящих к своей речи [Лабов, 1975, 120] и что наиболее одностильный говорящий (хотя в чистом виде их не существует) – это тот, кто вступает в речевое общение с подобным себе носителем родного языка (диалекта – vernacular), когда выбору языковых средств уделяется минимальное внимание (он в полной мере автоматизирован) [Эрвин-Трипп, 1976, 188].

В том или ином виде стили слушания свидетельствуют о психологических особенностях участников речевого общения, которые, безусловно имея индивидуальную амплитуду колебаний, с точки зрения РП легко группируются в два макрообъединения: умеющих (желающих) и не умеющих (не желающих) слушать/слышать, так же как умеющих и не умеющих, желающих и не желающих говорить.

"Когда я разумею, что говорит другой, когда я наслаждаюсь произведением искусства, когда я чувствую свою судьбу в деснице божьей, когда меня кто-нибудь любит, то все это – переживания", – приводит Г.О. Винокур цитату из книги Э. Шпрангера "Формы жизни" ("Lebensformen") [Винокур, 1927, 38] для того, чтобы подчеркнуть, что духовный опыт (т.е. "переживание") окрашивает личную жизнь людей творческим началом. Нам важно подчеркнуть, что сюда включено и "разумение" слова, обращенного человеком к человеку, так как истинное понимание одним человеком другого имеет что-то от искусства, от типа личности, способной проявить себя в этом роде искусства, особенно если речь идет о стиле, т.е. о том, как творческая личность это делает и как ей помогает тот, кто обращается к ней. Говоря иными словами, в этом смысле типология РП достаточно элементарна. Тип людей, речевая жизнь которых сплошной монолог ("словечка не даст вставить"), т.е. тех, кто не только слушает лишь самих себя, но и делает это с наслаждением, любуется своей речью, – эгоцентрический. Это тип людей, занятых лишь своим "переживанием", и поэтому слова другого лица могут восприниматься ими на уровне звучания (если речь идет об устном диалоге) речи, но не на уровне постижения смысла сказанного в той степени, которая обеспечивает осознанную словесную реакцию.

Ср. из "Героя нашего времени" Лермонтова: *"Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами,* как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. *Он не отвечает на возражения, он вас не слушает* (везде курсив

наш. – *Т.В.).* Только что вы остановились, он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи".

Так же психологически достоверен и не менее регулярен противоположный тип людей ("я весь внимание"), реагирующий на чужой способ выражения и умеющий его критически (отрицательно или положительно) оценить: "А скажите, если позволите, *почему вы не так правильно говорите по-русски* (курсив наш. – *Т.В.)?* Неужели за границей в пять лет разучились? – Разве я неправильно? Не знаю ⟨...⟩" (диалог г-на Г., хроникера, с Кирилловым из "Бесов" Достоевского). В частности, это свойственно людям, которые склонны к поучениям вообще, а ярко выраженная дидактическая тенденция стимулирует и внимание к речи поучаемых. Ср. у Достоевского же гротескный пример из "Села Степанчикова": ≪– Знаете ли вы, что он сегодня сделал? ⟨...⟩ Сегодня он сожрал кусок пирога, который вы ему дали за столом, и, знаете ли, *что он сказал после этого?* ⟨...⟩ *Что ты сказал,* когда ты сожрал свой пирог? *Повтори при всех!* ⟨...⟩ Ты сказал, треснув себя по своему набитому и неприличному брюху: "натрескался пирога, как Мартын мыла!" Помилуйте, полковник, *разве говорят такими фразами в образованном обществе,* тем более в высшем! Сказал ты это иль нет? Говори! – Ска-зал! – подтверждает Фалалей, всхлипывая. – Ну, так скажи мне теперь: разве Мартын ест мыло? Где именно ты видел такого Мартына, который ест мыло? *Говори же* (везде курсив наш. – *Т.В.),* дай мне понятие об этом феноменальном Мартыне! – Молчание. – Я тебя спрашиваю, – пристает Фома, – кто именно этот Мартын? Я хочу его видеть ⟨...⟩≫.

Характерологические цитаты подобного рода, если бросить непредвзятый взгляд на то, как живет человеческое общество, делая необходимые для этой жизни речевые поступки, подтверждают право РП (в качестве особого аспекта лингвистики) выступать в аксиологической роли, поскольку лингвистика "говорит человеку о нем самом" [Bréal, 1924, 2].

Говорящий/слушающий: интенция и реакция

Коммуникативная роль слушающего, в которую входит восприятие чужой речи и реакции на нее, имеет глобальное значение, уходя корнями в философский аспект гносеологии как знак того, что через восприятие осуществляется процесс познания. Исследователи сетуют на слабую разработанность этого вопроса в лингвистике [Вежбицка, 1986, 336]. Но можно, наверное, без особого риска сказать, что в использовании языка знание отождествляется со способностью интерпретировать речь другого лица [Петров, 1986, 21] (слушать и читать, понимая). Собственно коммуникативная роль слушающего/читающего заключается в словесной реакции – ответном речевом действии, замысел и исполнение которого, как считают исследователи, возникает на высшем (реализующем) уровне процесса восприятия и понимания [Караулов, 1987, 51–52], также имеющего иерархическую структуру (от понимания смысла слов и словосочетаний до понимания замысла автора дискурса). И, таким образом, между коммуникативными ролями отправителя речи и ее реципиента возникает

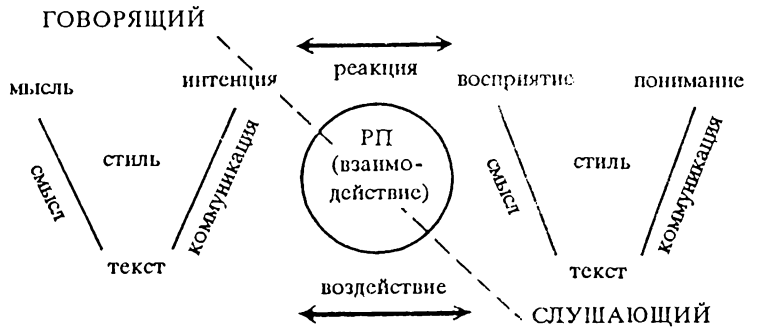

Схема 3. Интенциально-реактивная последовательность в РП говорящего и слушающего

двойная взаимозависимость, с одной стороны, параллельная уровням производства и восприятия речи, а с другой – параллельная мене субъектов речи. По отношению к собственной речи говорящий выступает как реципиент в фазе "реакция", которая одновременно является следствием воздействия на него пассивной роли коммуникативного ожидания слушателя[2]. По отношению к чужой речи слушатель, проходя все стадии рецепции, одновременно выступает как инстанция, воздействующая на активную роль коммуникативного действия говорящего (схема 3).

Результат речевого взаимодействия в его конечной фазе зависит от адресата (реципиента), так как осуществление его коммуникативной роли и есть подтверждение готовности к общению, т.е. к взаимодействию. И начальная фаза коммуникативного процесса не предусматривает участия в нем другого лица, так как она совершается в рамках этого двучлена, когда реакция сливается с интенцией. Реакция на свою собственную речь предшествует тому, для чего реально говорящий выполняет речевое задание. Он выполняет его в надежде на соответствующий эффект, который приведет к восприятию и пониманию другими лицами. Но сам расчет на эффект, предощущение восприятия, понимания и реакции, угадывание ее конкретного содержания – это такое же выполнение коммуникативной роли слушающего, как и говорящего, если они совмещены в одном лице: "Совершенно очевидно, что наше собственное языковое выражение оказывает на нас самих не меньшее воздействие, чем на других. Потому что мы слышим и читаем то, что пишем и говорим" [Gabelentz, 1891, 86]. Поэтому с точки зрения целостного коммуникативно действующего образа говорящей личности ее интенция окажется направленной прежде всего на свое же (обманутое или необманутое) ожидание: "Всякая речь содержит нечто, относящееся *как к говорящему* (курсив наш. – *Т.В.),* так и к слушающему, причем последнему говорящий припи-

[2]Эта роль и в массовой коммуникации может быть определяющей для построения высказывания. Западные исследователи считают, что в ней есть области, которые целиком подчинены установке на воздействие, управляют "импрессивной" функцией, например реклама [Hausser, 1968, 117–118].

сывает те или иные свои свойства, находящиеся в нем самом" [Гумилев, 1921, 69]. Говорящий есть всегда первый приемный пункт собственных коммуникативных усилий. Он вслушивается в себя, познает свою речь, и такое самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интраперсональные проблемы коммуникации, о которых принято говорить лишь в связи с феноменом внутренней речи (в типичной для нее диалогической структуре – разговор с самим собой) [Якобсон, 1985, 319–320].

Если для нас точкой отсчета на шкале коммуникативных вариантов служит "разговор с самим собой", то уже по одному этому обстоятельству становится очевидным, что обычная оппозиция коллективное/индивидуальное (которая для лингвистической стилистики, изучающей языковые привычки и формы употребления, являющиеся действительно узуальными для РП как сложного составного целого) недостаточна. Здесь необходима процедура, которая устанавливает по крайней мере четыре пункта наблюдения: а) интракоммуникацию; б) межличностную коммуникацию персонального характера; в) групповую коммуникацию; г) массовую коммуникацию. Ср. утверждение Д.Х. Хаймза о недостаточности для лингвистических исследований двухчастной модели: "индивидуальное поведение–общие правила" [Хаймз, 1975, 55–56][3].

Сам факт необходимости вербальной манифестации трактуется социологами как порог общественного принуждения, утрата свободы личности, так как человек обязан пользоваться не своими собственными средствами познания мира, а коммуникативно-конвенционализированным, социально значимым кодом. Как следствие этого существует и отношение к интраперсональной функции как антикоммуникативной и элементарной (неразложимой), лишь неправомерно осложняющейся появлением второго лица [Barnlund, 1970, 51–52]. Герой романа В. Дудинцева "Белые одежды", например, так формулирует свое "онтолого-гносеологическое" (как это определила современная критика) кредо: "...наша внутренняя свобода более защищена, чем внешняя. Здесь никто в спину не ударит. Мысли не звучат для чужого уха".

Если первый же порог общественного принуждения преследует цель взаимопонимания, то по мере чисто количественного увеличения возможных его вариантов возникает их коммуникативная, стилистическая и социально-психологическая множественность, которая структурирует типологию РП говорящего/слушающего в их отношении друг к другу.

---

[3] В современной социологии о "группе" говорится в терминах, определяющих количество индивидуумов и отношения (постоянные), в которых они находятся друг с другом. Оба этих признака в совокупности обусловливают набор нормативных ценностей, регулирующих поведение людей (см., например: [Giffin, 1970, 139–140; Крысин, 1989, 78–86]).

"Разговор с самим собой", таким образом, демонстрирует прежде всего фазу коммуникативного бесконфликтного, но формально неоднородного РП в отношении того, кто произвел высказывание на свет, и того, кто его принял. Этот тип мы назовем "возвратной речью": 1. Вербальная "самопроверка" со вставным интракоммуникативным сигналом. Часто он имеет квазивопросительную сему: Я вчера пошла / да? / в этот музей / выбралась наконец / *да?* // Ну / и что ты думаешь? // Конечно! // Ведь туда целый час ехать / *да?* // До половины пятого! // Суббота / воскресенье // Понедельник / музеи все закрыты / *да?* // Вот так... // (адресат не задавал никаких вопросов). Или же это, наоборот, квазиподтверждение: Необходимо принять / в конце концов / *так* // Решение такое // Оно / оно должно / *так* / исключить возможность любых всяких этих / *так* / злоупотреблений / *так* //. 2. Бормотание "про себя", "себе под нос" (содержание разное): эмоции (ворчание), самодирективы и напоминания – "значит, то-то, потом это самое, взять-не-забыть то и то..." (неотчетливая артикуляция, скороговорка, проходная интонация). 3. Приговаривание: ну вот / сейчас мы это быстренько все / все это быстренько / раз-раз / и все; Вот дура-то я дура / что же это я дура наделала // (те же мелодические артикуляционные признаки). 4. Сопроводительный разговор с предметами: Это что же ты / мыло / а еще английское / плохо так мылишься / это что же такое... // Вот так / давай залезай / миленький-хорошенький / залезай / мы тебя сейчас вот в духовочку / и порядок // (о пироге). 5. Оценка происходящего: (у телевизора) Вот красотка у нас какая / Светочка (о любимой дикторше) / лучше всех / красоточка какая... //; Господи / ну что вы там чепуху говорите / слушать тошно //; Ну да / как же / так тебе и дали / умник какой (по поводу выступающего, который с экрана требует повышения зарплаты); Во! // Ну-ну-ну / давайте / скорее / раз! / раз! // Назад / так... (переживания бегства героев от преследования по сюжету кинофильма) и пр. 6 Разговор с животными: Этот последний [Ермакова, 1988] также имеет разновидности: а) для себя (с животными низкой организации, не понимающими языка человека как системы знаков, и б) для адресата с надеждой на взаимопонимание, ограниченное конвенционализированным кругом стимулов-реакций. А далее мы уже имеем дело с интеркоммуникацией обычного типа (нормативное РП).

Подобные наблюдения показывают, что типы реакций могут зависеть от силы интенций и вида целенаправленного коммуникативного задания, характерного в целом для той или иной функциональной языковой сферы. Н. Гумилев, например, писал: "О своей любви мы можем рассказать любимой женщине, другу, на суде, в пьяной компании, цветам, Богу" [Гумилев, 1921, 69]. В этом перечне заключена классификация адресатов речи: два последних соотносятся с экстенсивной реакцией говорящего на свое собственное высказывание (интравысказывание).

Чем слабее расчет говорящего на сиюминутную, активную, персонифицированную реакцию слушающего, тем слабее и его потребность в оценке собственной речи. Это явление можно сравнить с поведением человека,

находящегося наедине с собой и на людях. Ср. не только устную спонтанную речь, но, например, такой коммуникативный вариант РП, как необусловленный, профессионально-письменный дискурс двух видов – дневник и письмо. В этом случае более показательны, конечно, тексты рядовых носителей языка, а не знаменитостей, потому что тексты последних, за редким исключением, несут на себе отпечаток готовности к тому, чтобы стать достоянием общественности, т.е. быть обращенными к "двойному адресату". ≪В известном замечании Лермонтова, – писал Г.О. Винокур, – ≪"Исповедь Руссо" имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям≫, – необыкновенный ум поэта сказался с поразительной силой≫ [Винокур, 1927, 51]. Первые же действительно противопоставлены: как текст, обращенный к самому адресанту ("возвратный") или предназначенный для другого лица как адресата. Конечно, и в них может найти отражение подсознательный расчет автора дневника на восприятие другого лица. Но, во-первых, этот расчет психологически должен быть завуалирован, и, во-вторых, таким лицом (потенциально) должен в любом случае явиться индивидуальный, а не массовый адресат. Отсутствие в дневнике любого типа (эмоциональное отражение переживаний и событий – дневник школьницы – или близкое к записям домашних расходов, минус-экспрессивное изложение скупых событий жизни человека с педантичными наклонностями: "был там-то, купил то-то, заплатил столько-то") "самопроверочных" сигналов готовности мгновенно увеличить экспликационную часть высказывания[4] противостоит обилию оценочных, рекурентных, объяснительных модальностей, свойственных частному письму: "Простите за сумбурность; пишу коротко, очень тороплюсь; надеюсь, что я все точно объяснила? Первый поезд в 6 утра: это я подчеркиваю" и пр.

В большинстве же своем эти варианты РП являют собой антитезу организованному равномерным распределением ролей диалогу[5] и тем самым указывают на глубинный социопсихологический смысл самого феномена речевого взаимодействия в причинно-следственных связях как основы бытия. Содержательная (когнитивная) роль адресата здесь сводится к нулю и трансформируется в чисто коммуникативную – намерение вступить в общение.

Коммуникативное намерение

Категории "намерение" современные психологи, социо- и психолингвисты (ср. у Т.А. ван Дейка) придают первостепенное значение в понимании коммуникативного процесса. Оно трактуется как "известное психологическое состояние" [Сёрль, Вандервекен, 1986, 243], стимулирующее социально значимую – коммуникативную – интенцию (намерение

[4]Если такие части и возможны, то преимущественно в виде предложений, выраженных косвенной речью или пересказом прямой речи в условном наклонении ("что бы мама подумала, если бы прочла!").

[5]Исследователи разделяют "коммуникативное сознание говорящего" с внутренней точки зрения участников речевого акта и с внешней, называя последнюю unobservable, а первую undisplayed [Schourup, 1985, VI].

выпить чаю и намерение предложить выпить чаю различаются наличием или отсутствием коммуникативной ценности). И в этой связи важно следующее замечание: "Существует неопределенность между пониманием самого сообщения и пониманием того, почему данное высказывание было произведено. Когда мы рассматриваем речевой акт как действие, нас должен интересовать именно этот вопрос" [Фоллесдаль, 1986, 144][6].

Это именно тот вопрос, который, по сути дела, является необходимым для понимания РП, и ответом на него служит существование в обществе людей коммуникативного импульса как намерения, как желания вступить в общение при помощи языка. "Желание" предлагается считать элементарной (неразложимой) семантической единицей (А. Богуславский), которая коммуникативно самодостаточна. Например, регулярно поддаются наблюдению неопределенные звуковые комплексы (растяжка *а-аа* или *э-ээ-, э-йе-йе, э-(ʰ)е э(ʰ)е-*, а иногда и других произвольных дифтонгических сочетаний) в детском РП: ребенок, прибежав откуда-нибудь, т.е. оказавшись в поле зрения адресата или просто сменив наскучившее ему занятие, разминаясь (прыгая, кружась), "подает голос" (без специальной функции обращения к кому-либо): "Вот он я, и я хочу вступить в общение" (Appel, или конативная функция по Якобсону).

Также регулярно можно наблюдать ведущую роль невербальной части поведения (кинем) в экспликации коммуникативных устремлений по сравнению со словом. Ср. следующий фрагмент из уже цитированного рассказа: ≪...Он ⟨...⟩ выглянул (из машины. – *Т.В.*) поздороваться ⟨...⟩ Лицо его было полно закоулков, в которых таились всевозможные оттенки чувств, оттенки эти складывались по-разному, переливаясь как сизое оперенье, читать с его лица эту повесть, наверное, не наскучило бы долго. Вместе с приветствием на его лице прочитывалось: "Смотри, а у меня машина, а ты не знала?" – совершенно мальчишеское, детское. И: "Что это на цепочке у тебя – талисман, да?" – любопытное, и: "Сразу видно, что ты молодец!" – ухажорское, на всякий случай, и: "Уважаю таких!" – одобрительно-бюргерское≫ (Т. Набатникова. Домохозяйка). Примечательно, что саму формулу приветствия автор не считает нужным воспроизводить отрезком прямой речи, настолько важнее все то, что ее обрамляет.

Жажда общения и желание проявить себя в РП как личность, как мы уже упоминали в другой связи, актуализуются в разных функционально-речевых сферах по-разному с чисто коммуникативной точки зрения.

---

[6]Ср.: "Фундаментальный социолингвистический вопрос ставится уже самой необходимостью понять, почему человек сказал нечто" [Лабов, 1975, 119]. В глобальном смысле и в применении к личности (поэта, творца) этот вопрос был поставлен Г.О. Винокуром [Винокур, 1927].

Коммуникативные регламентации и свобода личности

Официальные условия общения отличаются тем, что регламентируют не только обнаружение личностного начала и соответственное качество вербального отбора, но и его количественный стандарт: а) меру речевого обнаружения в разных типовых и окказиональных обстоятельствах, сталкивающих участников речевого акта, которые находятся в официальных отношениях; б) облигаторность/необлигаторность речевого обнаружения, т.е. необходимость наличия или отсутствия речевого компонента в поведении человека вообще. Так, например, нарушение речевого этикета в устоявшихся официальных отношениях (в учреждении, на предприятии) вызывает определенные осложнения психологического свойства, меняющие интенции говорящего и реакции слушающего. Ср. эксперимент Ч. Фергюсона, который в течение нескольких дней отвечал на приветствие своей секретарши лишь жестом и мимикой (улыбался, кивал головой и пр.), не произнося при этом ни слова. Реакция на необычность такого поведения была высокоэкспрессивной ("Что это с ним случилось?!") и соответственно вызвала изменения РП испытуемой.

Коммуникативная способность человека при отсутствии стилистической альтернативы сказывается в преодолении других альтернатив РП: а) прежде всего самой коммуникативной (почему говорящий сказал что-либо, а не промолчал); б) денотативной (почему он сказал это); в) денотативно-коннотативной (почему данный говорящий и в данных условиях сказал об этом именно то, а не другое).

Результатом преодоления этих альтернатив и явится определенная коммуникативная манера говорящего (как индивида, как члена микро- или макрогруппы, как члена языкового коллектива в целом). Но в дальнейшем эта манера может получить стилистическую характеристику как со стороны общего понятия о поведении человека, так и со стороны его речевой части. В данном смысле характеристикой стиля поведения в равной мере явятся, например, приглашение "пойдем в кино" и "смотаемся в киношку"; приглашение в кино, выраженное косвенным речевым актом ("хорошо бы нам сегодня сходить в кино"); реплика, содержащая приглашение в кино, как реактивная по отношению к инициативной реплике, в которой собеседник сообщает о том, что очень занят (болен и пр.), т.е. содержательно-нетипическая, и отсутствие какой бы то ни было реакции на приглашение пойти в кино.

И если для официального варианта РП молчание в той ситуации, когда оно обманывает коммуникативное ожидание, связано лишь с нарушением социального конвента – делового этикета, то регулярная эмотивность неофициального варианта, как правило, выводит на первый план мотивировки другого ряда (хотя какая-то доля этикетного момента обязана присутствовать здесь также) и постулирует их множественность – вплоть до таких серьезных последствий, как разрыв отношений между людьми и пр. Это подтверждает известные идеи о семиотике и семантике молчания, о разных их функциях в разных обстоятельствах [Якобсон, 1985, 320], так как точкой отсчета следует считать положение,

что "язык задает самый эксплицитный тип коммуникативного поведения (Э. Сепир – цит. по: [Якобсон, 1985, 377]).

В то же время, подразумевая два значения категории "говорящий" – ситуативное и сущностное, надо иметь в виду и соответствие им двух оппозиций: "говорящий/слушающий" и "говорящий/молчащий". Согласно общей теории действий второй член второй пары лишается коммуникативного содержания и должен проходить только по социально-психологическому ведомству изучения человека. В неофициальном же варианте РП, благодаря условиям максимального обнаружения свободы личности, две указанные категории могут выступать как интерферентные (молчаливый от природы человек соответственно ведет себя в условиях, для которых желательно коммуникативное речевое действие), тогда как в связи с официальными условиями нужно говорить о сознательном и намеренном нарушении норм РП независимо от психологических свойств личности.

Можно говорить и о том, что присущая этим психологическим свойствам коммуникативная эксплицитность неофициального варианта РП, не связанная с какого бы то ни было рода облигаторностью, тяготеет к избыточности, делая речевую манеру как бы "антирефлективной", стимулирующей специфический вид повторяемости, лишенный временно́й, содержательной и логической последовательности. По словам психологов, изучающих коммуникацию, ей приписывают такие качества, как "неповторяемость" и "необратимость" [Barnlund, 1970, 51–52], которые в РП модифицируются, будучи зависимыми от сферы и целей общения. Выше была приведена отрывочная запись семейного РП за несколько часов одного дня, и самым характерным свойством записанного отрезка оказалось то, что около 80% высказываний составили неоднократные повторения уже сказанного. Некоторые из них (точные или модифицированные) образовали как бы лейтмотив каждого из участников общения, звучавший на протяжении записи в вечернее время от 10 до 14 раз: 1. Не надо / я сама сделаю! // Ты устал! // 2. Так Жюль Верна хочется почитать! // 3. Ну / что же ты / не рассказываешь ничего? // – к дочери, несмотря на то что она уже рассказывала (и не один раз) обо всем, о чем просили. При информативно-смысловой и структурной полноценности этих высказываний их коммуникативная значимость была нулевой, так как, вызвав один или два первых раза реакцию, они перестали играть роль сообщений, превратившись в своего рода приговаривания. Ср. эту иллюстрацию синтагматического характера с типологически сходным явлением парадигматики РП, упоминавшимся выше (излюбленные выражения характерологического свойства, цитаты, шаблоны и пр., которые человек регулярно употребляет в течение жизни).

Даже этой краткой и общей характеристики семейного РП достаточно для того, чтобы увидеть, насколько безответственно оно выглядит по сравнению со стандартизованными ролями общественного официального обихода. "Любой тип отношений между людьми требует от них каких-то затрат времени" [Моль, 1973, 171]. В этом свете плеонастичность семейного РП (отчасти и дружеского, с той только разницей, что последнее труд-

нее хронометрировать в рамках одного дня и в разных микроситуациях) представляет собой одну из самых нерасчетливых затрат, имеющую сугубо избыточный характер. Ее масштабы свидетельствуют о существовании антиномии между универсальным принципом речевой экономии, на котором построена структура языка (Д.Х. Хаймз), и коммуникативной избыточностью, на которой строятся социально и психологически значимые способы языкового употребления.

Напоминая антиномию кода и текста [Русский язык и советское общество, 1968, 25], антиномия направлена и на внутренние свойства РП как участка коммуникативного взаимодействия говорящих и слушающих; понимание близкими людьми друг друга "с полуслова", очевидно, не находится в прямой зависимости от объема производимого ими конечного речевого продукта. Возможно, что такое понимание не сокращает, а увеличивает жажду общения, которое, являясь (как утверждают психологи и социологи) на три четверти общением речевым, может оказаться столь же малоинформативным и, значит, бессодержательным, сколь многословным и, значит, избыточным.

Значимым в этой связи является способ эстетического преобразования рекурентных свойств дискурса как признака определенного варианта РП, например при стилизации прямой речи персонажа под разговорную речь в художественном тексте, где, как правило, плеонастичная повторяемость высказываний диалогического типа редуцируется. А если нет, то это вызывает критическую оценку адресата. Приведем лишь два любопытных примера, касающихся Чехова (у которого, как известно, висящее в первом акте на стене ружье должно непременно выстрелить), из рецензии "Скучная классика" З. Паперного на кинофильм "Черный монах": ≪У чеховской повести – огромное внутреннее напряжение. "Душевный" ковринский сюжет развивается стремительно. А в фильме, наоборот, все невероятно замедленно, если можно так сказать, творчески размагничено. Таня говорит: "У нас только сад, сад, сад..." Потом в фильме она эти слова произносит опять и опять, и такое повторение одних и тех же реплик проводится с непонятной последовательностью. Как-то это не по-чеховски. Ведь писатель говорил: лучше недосказать, чем пересказать. А здесь герои почему-то "бисируют" собственные реплики≫ (Лит. газ. 1989. 6 янв.).

Здесь типический признак естественной разговорной речи воспринимается как недостойный эстетического осмысления. А во втором примере – оценка противоположная: ≪"Три сестры" Эфроса – комедия отчаяния. Три сестры Погребниченко – шутовство обреченных ⟨...⟩ Дивизион уходит. Офицеры зашли попрощаться. Четырежды подряд повторяют актеры сцену прощания! С теми же объятиями, с теми же репликами. Но это типичное для Погребниченко театральное хулиганство не ощущается ни как телевизионный повтор, ни как кинодубли. Это не четырехкратный повтор одной сцены. Это просто одна сцена, нелепые люди, обнявшись, поцеловавшись, простившись, заплакав, начинают, произнося те же слова, прощаться и плакать снова. И снова. И снова ⟨...⟩ Никогда прежде не замечал (замечали ли чеховеды?), сколько раз звучит в "Трех сестрах"

усталое, обреченное "Все равно!" Больше двадцати – слишком много для случайного повторения (...) Будь бесчисленные "Все равно!" случайными, профессионал Чехов их, конечно, заметил бы и сократил. Оставил» (А. Минкин. Не судьба!... // Огонек. 1991. № 27).

Какая оценка более правильна, удачны ли в обоих случаях режиссерские приемы – судить не нам. Но деформация текста с целью придать ему большее типологическое сходство с естественным РП в предлагаемых обстоятельствах налицо, а это говорит о коммуникативной аутентичности явления.

Вторичная коммуникация

Существует еще один коммуникативный вариант РП, вызываемый к жизни той самой жаждой общения (и в этом смысле он особенно показателен), которая определяет разнообразие ее речевой экспликации. С коммуникативной точки зрения его можно определить как вторичное или удвоенное высказывание, т.е. отправленное двумя адресантами (ср. рассмотренные выше условия двойного адресата). С содержательной точки зрения это пересказ чужой речи, имеющий определенные лексико-грамматические и стилистические особенности, которые с некоторых пор привлекают внимание исследователей (М.В. Китайгородская). Ср. три речевые сцены, записанные в ситуациях "прием у врачей в поликлинике" (1, "а" и "б") и "гости" (2). Тема – одна и та же, поскольку разговор во второй ситуации является пересказом разговоров в первой ситуации. И таким образом, адресант одной из них имитирует (цитирует) не только речь других адресантов, но и свою собственную, осуществленную в соответствии с другой коммуникативной ролью и в других условиях речи:

1. а) (у терапевта): **А.** Вот что // Сердце у вас больное, кисленькое / кардиограммы нужно делать регулярно // Вам надо вообще / за собою следить // А вы все так наскоком... // Лечитесь или не лечитесь все еще у вашего кардиолога?.. // **Б.** Да / я тогда в кардиоцентр ездила // Я ведь вам кардиограмму привозила.. // **А.** Ну да / а к нам / раз в год //; б) (у хирурга): **А.** Сейчас я вас принимаю по диспансеризации // А с ногой / приходите на очередной прием // Будем лечить //.

2. (апперцепционная база – две подруги знают, что третья должна была накануне быть на приеме у врача, и идут разговоры о результатах визита): **А.** Была // Вчера // Толку / скажем прямо / мало // **Б.** Ну / хоть она сказала / как она считает?.. // **А.** А она считает... / дает четыре анализа... / и вот рецептов... // А что / ...как... // Говорит: "Если вы будете наскоком... / что такое диспансеризация... / раз в год" // Кисленькое / видишь / сердце // А сама давление даже забыла // Я говорю: "Может / давление померим / а то дома у меня / аппарат / он мне не внушает доверия..." // Ах-ах / померила. **В.** Ну / это еще что // **А.** Так мне бог с ней... / но хирург там уникальный у нас / этот (называет фамилию) // Он знаете / как сказал? // Я / это / хромаю буквально... // А это вы не на диспансеризацию / это вы приходите лечиться! //.

Сравнив словесно совпадающие участки развития темы, подвергшиеся

воспроизведению, мы можем отметить разный объем и качество информации. Информационный сдвиг влияет на вербальный состав высказывания, который колеблется в границах официальности/неофициальности общения, вводя или выводя из него специфический элемент снижения экспрессии, эмоциональную оценку, логическую последовательность развития текста; меняя местами логический центр высказывания, тему и рему; расширяя или сужая рамки референтной ситуации[7].

Характерное явление для пересказа – эллиптизация отрезка воспроизводимой прямой речи за счет расширения комментирующего ее контекста – подчеркивает удвоенную коннотативную нагрузку крайних стилистических звеньев: такие звенья, как правило, передаются дословно, потому что обладают наивысшей степенью импрессии. И в чужой речи и в своей пересказчик выделяет как цитату "так, наскоком", "мой аппарат не внушает доверия" и "кисленькое сердце", находящиеся по разные стороны от нейтрально-стилевой линии РП. В то же время эмоциональная реакция, которой было отмечено поведение изображаемого лица и которая непременно была вербализована в аутентичном высказывании, имплицируется восклицанием, не отнесенным структурой воспроизводящего высказывания к определенному субъекту речи и потому выступающим как общая оценка ситуации дискурса, а не самого дискурса. Это также сдвигает информативный объем участка отражения действительности[8] ("логос"). И наконец, разговорно-стилистический нажим, с которым передана речь хирурга, способствует спекулятивной подмене смысловой оппозиции понятий "диспансеризация" и "лечить/лечиться" (лечение). Общим фоном этих перемещений служит нарушение симметрии плана выражения в паре "сказанное–пересказанное", что связано с психологической избирательностью и субъективностью памяти говорящего, вольно или невольно исключающего из рассказа нежелательные, "невыгодные" ему элементы развития дискурса, коль скоро они не влияют на указанную общую оценку его ситуации.

Коммуникативная инверсия

I. Престиж и мода. Говорить о квазикоммуникации и квазиинформации – не значит отрицать социальную природу языка и ее коммуникативную (общение и сообщение) функцию. Но когда для ее анализа требуется значительное увеличение числа экстралингвистических мотиви-

[7] См. о влиянии на информативный характер коннотаций "сигматического" (т.е. отнесенного к действительности) аспекта плана содержания языковой единицы и текста [Язык и идеология, 1981, 141].

[8] См. о том, что эмоциональное отражение действительности корректирует результаты познавательной деятельности [Язык и идеология, 1981, 141]. Социально-психологические мотивы речевой коммуникации формируют РП говорящих и слушающих как совмещение или разобщение индивидуально-личностных и коллективно-стандартизованных навыков, которые с точки зрения языкового репертуара ограничиваются рамками стилистического узуса, а с точки зрения речевой деятельности выходят за их пределы благодаря асимметрии применения языка как системы знаков в квазиинформативных и квазикоммуникативных целях.

ровок по сравнению с теми, к которым обычно прибегает внешняя лингвистика, мы обнаруживаем среди вариантов РП своеобразные инверсии, как бы антифункции (антикоммуникативные роли), т.е. функции, насыщенные не частными антиномиями, о которых только что упоминалось, а антиномиями более общего в социально-психологическом смысле масштаба, когда инверсия может составить функциональную особенность коммуникативной роли говорящего в целом. См., например, такие понятия, как "эталон", "образец", "норма употребления языка", с одной стороны, а с другой – "престиж", "подражательность", "мода". Эти понятия соотносятся между собой так же, как, например, стандарт и стереотип со штампом и шаблоном.

Но в то время как шаблон и штамп (т.е. плохой стереотип и плохой стандарт) возникают по объективным причинам не только внеязыкового, но и внутриязыкового порядка – как следствие перехода количества в качество там, где его не должно быть (в образном словоупотреблении), – и потому являются не только неизбежной, но и информативно необходимой принадлежностью специфических жанров и сфер речевого общения, движущая сила языкового престижа лишена собственно лингвистических оснований. Она представляет собой типическую коммуникативную черту социально-психологической мотивации РП. Поэтому вопрос престижного языкового употребления остается для интралингвистики чуждым и как бы вненаучным. Создается положение, когда объект (а им тем не менее является употребление языка), который должен находиться в ведении лингвистики, не получает лингвистической интерпретации, пусть даже в соединении с другими интерпретационными методиками, из-за чего он воспринимается как дефектный, нарушающий в каком-то отношении общие закономерности языкового употребления. Именно так и происходит с престижными особенностями РП в их отношении к коммуникативным ролям говорящего/слушающего, если речь идет об особенностях не только массовой, но и личной коммуникации. Инвертивная роль престижа и моды по отношению к образцу и норме узуальна. И, наверное, поэтому ей регулярно посвящаются и в лингвистике, и в других гуманитарных областях не только научные исследования, но и сатирические или юмористические эссе, как будто бы иллюстрирующие мысль о том, что инверсия и должна изучаться в инвертированном виде. Справедливости ради следует сказать, что такие работы приоткрывают иногда, может быть независимо от желания их авторов, глубинные свойства "языка и стиля в человеке" не менее проницательно.

Выполняя престижную функцию, говорящий стремится либо объединить, либо размежевать коммуникативные роли "от себя" и "как все" таким образом, чтобы найти место для добавочной интенции: "говорить от себя, но так, как полагается говорить всем в его группе, задавать тон". И парадокс состоит в том, что именно эта интенция обретает антикоммуникативный пафос. По свидетельству исследователей, речевое поведение, обусловленное не истинной коммуникативной интенцией – сообщить информацию и вступить в общение, – а прежде всего желанием "произвести впечатление", не достигает желаемого эффекта. "Еще на заре

нашей истории мы нашли способ общаться между собой – рычанием и жестами; прошло совсем немного времени, и мы пришли к попытке произвести впечатление друг на друга изяществом словесных оборотов < ... > Создается впечатление, что людьми всех рангов и положений двигает иерархический инстинкт, заставляющий прибегать ко все более внушительному языку. В результате на смену языку как средству общения быстро пришел язык как носитель престижа", – пишет П. Лоуренс [Лоуренс, 1987].

В чем выражается престижная интенция РП? Очевидно, в нарушении основного принципа коммуникативности как психологического состояния: расчета на адекватную реакцию. "Престижные" цели вызывают к жизни языковые средства, действующие окольным путем. Поэтому их источник – периферийные области стилистического узуса: групповые коды, узкоограниченные в социальном смысле привычки к повышению или понижению стилистического значения, эвфемизмы. Лоуренс приводит общеизвестные примеры эвфемизмов из различных речевых сфер: "Наших любимых комнатных животных, надоевших или заболевших, усыпляют...[9] Проблема общения и впрямь встает во весь рост, когда с помощью языка действительное положение вещей утаивают от тех, кто вправе его знать..." [там же].

Рисуя такую же картину языкового употребления в современном французском языке, Р. Бовэ подчеркивает, что наивысшая степень антикоммуникативности "престижного" РП проявляется в разговорной речи. "Говорить просто, – пишет он, – это значит предать свой класс, свой профессиональный круг", который пользуется не обычным французским языком, а "шестиугольным" французским. "Шестиугольный французский" – это язык, которым пользуются "интеллигентствующие" обыватели, называющие свою страну не Францией, а "шестиугольником". Причем этот язык, будучи излишне многосложным, изысканным и манерным, насыщенным новомодной терминологией и интеллектуальной лексикой, не приближает, как это ни странно, общество к культуре, а отдаляет его от нее. Одна из догм, прочно засевших в голове современного добропорядочного мещанина, который хочет казаться просвещенным, – это необходимость идти в ногу со временем, или, как говорят на шестиугольнике, ≪одерживать над ним победу в прямой схватке≫... Вы хотите сказать: ≪идет дождь≫? Лучше скажите: ≪наблюдаются осадки≫; ≪дайте мне ваши координаты≫, а не ≪адрес≫; не ≪идите по центральной улице≫, а ≪направляйтесь в сторону главной артерии≫; не ≪хороший художник≫, а ≪у него богатый пластический язык≫; не ≪полезный продукт≫, а ≪богатый протеином≫; ≪послание≫ лучше, чем ≪письмо≫; ≪наследник≫ и ≪родитель≫ – чем ≪отец≫ и ≪сын≫ и пр.

Престижная функция разговорного РП универсальна для многих современных языков, обслуживающих высокоразвитые общества. Она иллюстрирует характерную черту самих таких обществ: языковая пре-

[9] В наших ветеринарных пунктах предлагают "оставить" заболевшее животное.

стижность выступает как паллиатив традиционно поддерживаемой социальной престижности в обществе, где "большинство сословных барьеров уже устранено" (так характеризует Лоуренс, например, и американскую демократию)[10].

II. Престиж и профессиональные навыки. "Престижное" РП выступает главным образом в том функциональном варианте, который размежевывает коммуникативные роли "от себя" и "как все" и заполняет, как мы говорили выше, расстояние между ними добавочной интенцией утверждения группового эталона. Этот вариант можно охарактеризовать как оппозицию "свое/чужое", имеющую два ракурса, так или иначе взаимодействующие: а) говорить со своими не так, как с чужими, и б) говорить о своих предметах не так, как о чужих.

Ср.: а) В машине суровая молодая сестра сделала мне укол. ≪"Промедол?" – спросила я. "Спокойно. Что надо, то и вкололи". И тут я впервые стукнулась о преграду, отделяющую врача-специалиста и праздно любопытствующего профана. В данном случае отвечала мне сестра, а не врач, но тон был тот же, жреческий: "Что надо, то и вкололи. Что надо, то и сделаем" ⟨...⟩ Сознание все время двоилось. То я была по ту сторону преграды, то по эту. Кентавр врача и пациента. Какой-то перелом происходил во мне мучительный. Была хозяйкой, стала зависимой ⟨....⟩ Отворилась дверь. Вошел Михаил Михайлович, "автор сустава", который меня оперировал. Осведомился о самочувствии ⟨...⟩ Как-то усиленно-бодро он говорил. Вспомнила свои собственные усиленно-бодрые речи у постели больных, когда была человеком, а не "историей болезни номер такой-то" ⟨...⟩≫; ≪Иногда, в особых случаях, рядом шествует приглашенный для консультации профессор. Светило. С ним говоришь предельно уважительно. Короткие, только посвященным понятные латинские термины. Предполагаемый онкологический диагноз скрывается особенно тщательно. Даже латинское чересчур известное "канцер" заменяется каким-нибудь дежурным эвфемизмом...≫ (И. Грекова. Перелом).

Коммуникативная интимизация

Наиболее элементарный случай этого ряда – профессиональные диминутивы, осложненные ксеноденотативным перераспределением сем (В. Девкин) (т.е. профессиональная интимизация, когда коммуникативное намерение направлено на адресата, интимизирует означающее предмета речи: "У вас поясничка?" (массажистка очередному больному); "физзарядочку – каждый день"; ср. из газетного очерка: ≪...образовался особый, колюче-телеграфный язык приема: "Сон? Аппетит? Голова? Липома – к хирургу!.. Встали, ручки вытянули, пальчики развели... квартира ваша двенадцатая?"≫ (Э. Максимова. В поликлинике // Изв. 1987. 25 мар.).

Приведем пример из романа В. Дудинцева "Белые одежды", приме-

[10]Как пример отсутствия подлинных классовых различий и соответственных речевых приводятся ситуации в больших американских городах [Макдевид-мл., 1975, 365].

чательный тем, что, во-первых, относится к словоупотреблению, характеризующему реальные причины объединения профессионального и тайного языка в РП ученых-генетиков, вынужденных скрывать свои опыты от посторонних, и, во-вторых, тем, что это словоупотребление, сформированное присвоением узкому кругу интимно-бытовой, разговорной (т.е. безусловно общеколлективной) номинации *картошка* по сравнению с официальным *картофель*, усиливает ее интимизацию лишением данной формы грамматического значения собирательности. Отсутствие этого значения позволяет ввести мн. число, которое в разговорной речи имеет лишь словообразовательная форма *картофелина*, не принимаемая героями романа ввиду сниженности его стилистического значения: ≪Там был и "Солянум Контумакс". Он уже цвел ⟨...⟩ кремовые цветочки с оранжевым центром. И вокруг были грядки, и на них сплошь – его перспективные *картошки*. Все поле обсыпано цветами. И все – *картошки* ... Если и можно выручить всех – только через вашу деятельность. Через ваши *картошки*. Если появится прекрасный сорт, известный на весь мир ⟨..⟩ Стригалев опылял все цветки пыльцой с наших *картошек* (курсив наш. – *Т.В.*)≫. Ср. ед. число: "Сначала к нему подступила давняя и нерешенная проблема – как опылять *картошку*, если пыльцевые трубки короче пестика и не достигают завязи" (им положено начало приема интимизации по сравнению с *картофель*).

Данная оппозиция имеет в основном два назначения: профессиональное (инвариант, насыщенный разнообразием индивидуально-групповых вариантов) и арготическое – в широком смысле, – включающее разные неформальные объединения внутри членов данного общества, которым свойственно вербализовать типический круг референтных ситуаций, взаимодействующих с типическими же коммуникативными ситуациями (К.А. Долинин). Эти объединения возникают по разным причинам и находятся между собой в разных отношениях. Так, например, говоря о социометрических концепциях, способствующих выделению понятия социального поля, А. Моль подводит под последнее такие группы, как семья, работа, а также "завсегдатаи чаепития в салоне г-жи З., открытом по четвергам и пятницам с 5-ти до 7-ми вечера" и т.п. [Моль, 1973, 165]. М. Халлидей характеризовал РП таких объединений как антиязыковое [Halliday, 1978, 165], имея в виду свободу индивидуально-языковых проявлений, в то же время закрытых от постороннего взгляда.

Давно замечено, что при изучении жаргонного языкового употребления целесообразно отправляться от обратных по отношению к массовой коммуникации позиций говорящего [Копыленко, 1976, 81 и след.] (т.е. "языка и стиля в человеке"), которые обнаруживают ограниченность референтно-речевых, а следовательно, сигнификативных полей. Составляющее их концептуальное содержание лексических единиц можно вербализовать неодинаковыми способами, отчего сам стиль (жаргонизированный, сниженный, фамильярный и пр.) не меняется. Эта мысль подтверждает положение о связанности референтных и коммуникативных ситуаций (ч т о говорят и к а к говорят), через которые себя характеризует говорящее лицо (к т о говорит), т.е. создается речевая манера РП.

Сталкивание "своего" и "чужого" есть прежде всего плод не номинативно необходимой, а психологически обусловленной интенции выделения близкой денотативной сущности, о чем свидетельствует принятие коммуникативной роли "как все" (предположим, употребление стяженной модели в качестве интимизирующего приема) при исполнении ее на своей территории, "у себя", и в привычной аудитории. Критик пишет: ≪Лишите "Трилогию о Максиме" интонации городского романса, заберите у молодого героя гитару, и вы превратите прекрасную картину о революции в "глобалку"≫.Ученые и научные фантасты говорят о "нобелевке"; продавщицы – об "отечке" (товары отечественного производства); работники мясного комбината – о "ливерке"; врачи психиатрической больницы – о "надзорке" (палата с постоянным медицинским постом-надзором). Ср. пример, показывающий само рождение интимизирующего ("своего") стяжения из очерка, разоблачающего махинации бюрократических руководителей райкома ВЛКСМ в Подмосковье в "застойный период":≪Мы же статотчет посылаем каждый месяц. Должников не должно быть много, неужели не понимаете? (тех, кто не платит взносы. – *Т.В.*) А так пусть хоть пять человек заплатят, мы их деньги в "разноске" на всех распишем". Чем, вы думаете, занимается строгий контролер, облеченный доверием райкома? Она помогала девушке делать те самые "разноски" (...) подделывать подписи (...) И они снова склонились над "разносками". Ишь ты, даже термин возник. Как давно? Кто знает. У "липы" своя механика. В исторические обзоры она не попадает≫ (В. Хромаков. Письма из райкома // Юность. 1987. № 2).

≪Вчера слушал "Бориса"≫ или ≪сегодня передавали "пятую"≫ свидетельствуют о РП меломана в "своем" кругу. Общность апперцепционной массы (Л. Якубинский) легко преодолевает референтную неполноценность (чья "пятая" – Бетховена, Чайковского, Дворжака, Шостаковича) даже в таких построениях, не говоря уже о ситуативно связанном "поставить пятую"; ≪иду на "Лебединое"≫ в разговоре балетоманов и т.д.

Здесь следует подчеркнуть особенно активную интенцию отчуждения от непосвященных, располагающую по одну сторону баррикады и профессионалов и любителей (таланты и поклонники), что нехарактерно для чисто профессионального обихода и преимущественно отличает сферы искусства и спорта. Но и в этих областях цеховая принадлежность способна обострить эффект "причастности": "Нам не дают петь металл", – говорит исполнитель "тяжелого рока" (ТВ, передача "Музыка и мы". 1987. 3 апр.). Ср.: "Лед у нас от 13^{45} до 15^{30}" (тренер по фигурному катанию). Апперцепционная база таких структур, например, как "петь металл", следующая: мы исполняем музыку, которую называют "металлический рок"; тот, кто поет и играет ее сам, говорит просто "металл" и называет себя металлистом; наши поклонники стали называть себя так же, и тогда это слово получило иной смысл; теперь "металлисты" – это особый стиль поведения, одежды и пр.[11]

[11]≪ Всякое жаргонное слово начинает свою жизнь как слово, предназначенное для узкого круга употребления в пределах определенной группы (...) Поскольку

Вопрос о противопоставлении своего и чужого естественным образом связан с противопоставлениями "привычное/непривычное", "частотное/нечастотное", "регулярное/нерегулярное". Р.М. Фрумкина указывает на попытку французских ученых проанализировать соотношение таких параметров, как частотность и привычность. Частотность оказывается параметром, более пригодным (чем привычность) в качестве оснований для описания РП [Фрумкина, 1971, 15]. Этот вывод непосредственно связан с детерминированностью лексико-семантических и референтных полей РП, образуемых психологией обособления речевого опыта любой социально значимой группы. Джордж Бернард Шоу писал: "Всякая профессия есть заговор против непосвященного". "Стремление к престижу предполагает усвоение языка за счет сокращения возможностей взаимопонимания (...) Проблема с этим престижным языком состоит в том, что его редко способен понять читающий и лишь приблизительно понимает пишущий, но это не мешает нам все выше громоздить иерархию взаиморазобщения" [Лоуренс, 1987].

Приходится, следовательно, признать, что коммуникативная инверсия неизбежно входит в РП говорящих как функциональный вариант, подтверждающий бесспорную узуальность экспрессии раритетов, и что эта закономерность также лежит в основе вариативности РП говорящих и слушающих. Ср.: ≪Анна Ивановна не имела никакого медицинского образования, отсутствие которого компенсировала богатым жизненным опытом, и потому писала свои обследования просто и живо, без всякой наукообразности. Люда любила говорить, что Анна Ивановна пишет "обывательским языком" и что такие документы позорят больницу, а Виталию как раз нравилось, что она записывает все, как ей рассказывают (больные. – *Т.В.*), а записала бы она про ту же Бородулину "бред преследования", "бред ущерба" – и потерялась бы всякая индивидуальность≫ (М. Чулаки. Прощай, Зеленая Пряжка!).

Выводы

Коммуникативная природа РП дает возможность увидеть принципиальное различие между языком и тем, как и зачем им пользуется человек, – различие, которое в современном отечественном языкознании часто стирается, отчего возникает эклектизм методологического и онтологического характера. Так, именно свобода человека в сфере личной неофициальной коммуникации, какой является, например, разговорная речь, наблюдаемая с давних пор (А. Мартине) антиномия между свободой и принуждением, заключается именно в том, что человек свободен в своем поведении и несвободен в выборе языковых стереотипов, которые и помогают в известной степени ему эту свободу обрести (минимальное внимание к языковому отбору и минимальная забота о стилевом эффекте). В речи всех других, более официальных, порядков именно по-

члены этой группы общаются с посторонними, со временем "их" слово или кодовое выражение утрачивает свое особое назначение и включается в общий язык, образуя еще одну ступеньку на лестнице взаимонепонимания≫ [Лоуренс, 1987].

ведение человека более сковано общественными условностями, но зато в тех коммуникативных сферах, которые связаны (а здесь их большинство) с креативными языковыми потенциями, возникает большая свобода и вариативность языкового отбора.

2. Сама коммуникация, в любом своем виде имеющая диалогический генезис, с одной стороны, объективирует полярность понятий "я" (говорящий) и "ты" (слушающий), показывает, с другой стороны, что поведение человека, который в коммуникативном смысле представляет собой две стороны одной медали, основано на постоянной мене актуальной и потенциальной роли, на возможности совмещать их в одном реальном лице даже в рамках отдельно взятого коммуникативного акта. Градация отношений между "я" и "ты" идет от интраспективной (внутренней) речи, которая, однако, имеет выход на поверхность в виде речевой самокоррекции текста высказывания, к личной (межличностной), групповой и массовой коммуникации.

3. Сама коммуникативная сущность человеческой жизни имеет начальным социопсихологическим звеном намерение, желание вступить в общение с другим лицом. С точки зрения РП последствия этого желания суть самостоятельный объект изучения, которое в качестве дополнительных звеньев может (но не обязательно) включать само содержание коммуникации, так как информация и контакт – две истинно коммуникативные категории – имеют самостоятельную ценность по отношению к семиотической (прагматической и семантической) природе высказывания, в то время как стилевые категории – неотъемлемая часть коммуникативно значимого РП, как манера, стиль поведения человека вообще.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ РП В КОММУНИКАЦИИ

Глава I

ИНФОРМАТИВНАЯ РЕЧЬ

Общение/сообщение

Выше были названы коммуникативные роли-функции, которые выполняются участниками речевого акта в разных вариантах РП и объединяются в оппозиционных группах "свое/чужое", "индивидуальное/коллективное". Эта оппозиция восходит к основной коммуникативной оппозиции "общение/сообщение" как инварианту. Несмотря на то что к ней принято относиться как к двуединому функциональному целому, она, так же как и частные функции языка (по Якобсону), имеет иерархическое строение, оказывающее влияние на "запуск в действие" языкового опыта, осознанного как свой, собственный или как чужой, коллективный. В зависимости от того, выходит ли на первый план информация или контакт, в каких сферах общения одно подчиняется другому или одно берет верх над другим, строится коммуникативная роль говорящих и слушающих, т.е. манера их РП.

Если со смысловой точки зрения высказывание есть некоторое дискретное семантическое целое, то с коммуникативной точки зрения высказывание есть единица информационного континуума, который поддерживается варьирующейся связью двух переменных величин указанного свойства (собственно информативного и социально-контактного). Вследствие этого функциональные варианты РП, образующиеся коммуникативными отношениями говорящих и слушающих, противопоставляются друг другу в двух основных видах: информативное РП (сообщение) и фатическое РП (общение).

Речевая жизнь общества помещается в рамках названных полюсов: РП людей, когда они пользуются языком, чтобы послать или получить некоторое (информативное или квазиинформативное) сообщение, и РП людей, когда они пользуются языком для того, чтобы вступить в общение. Информативное и фатическое РП, вследствие разности первоочередной интенции и разных типов взаимодействия обеих задач – если таковое имеет место, – психологически устроены по-разному.

Говоря о РП людей, выполняющих информативную задачу высказывания, мы подразумеваем речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сообщение, содержащее: а) разные частные цели (от дидак-

тической до эстетической)[1] и б) разные когнитивные и экспрессивные коннотации, в) сопровождающееся или не сопровождающееся контактно-фатическим элементом.

Говоря о РП людей, выполняющих фатическую задачу высказывания, мы подразумеваем речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный в высокоразвитом обществе способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом РП всегда подчинены основной интенции контакта; б) информативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступить как абсолютная ценность.

Информативный и фатический варианты РП, будучи центральной оппозицией коммуникативных намерений говорящих и слушающих, суть одновременно члены более фундаментального противопоставления. Оно, не выходя за те же рамки речевой жизни коллектива, показывает другую сторону общественного назначения языка как средства коммуникации, основанного на универсальном понятии речевой деятельности, а не на конкретизирующем понятии речевого поведения.

Как можно было бы отразить использование языка человеком, представленное данной фундаментальной оппозицией? Совершенно очевидно, что здесь мы должны иметь в виду две далеко не равные социально-психологические категории: а) речевое действие как вид человеческой деятельности в целом (т.е. как условие социального бытия) и б) речевое действие как вид специальной деятельности, которая использует язык в двойном качестве: как инструмент и как материал для создания профессионального речевого произведения, тогда как в другом виде специальной деятельности инструмент (топор) и материал (дерево) не совпадают.

Эта категория включает применение языка во всех тех областях, даже резко противопоставленных в других отношениях, жизни, где "материальная часть" (креативная деятельность) состоит из речи. Например, административно-деловая деятельность воплощается в речи так же, как и словесно-художественная: "Поэт не человек поступка, он человек слова. Слово и есть поступок поэта. И не только слово-глагол, слово-действие, но любое слово, его фактура, его полный внутренний смысл и весь объем связанных с ним ощущений" (Ю. Карабчиевский. Воскрешение Маяковского). Другие же области человеческой деятельности в качестве такой "материальной части" имеют или осязаемую вещественную оболочку (результат деятельности плотника – табуретка), или акт деформации этой оболочки (результат деятельности лесоруба – поваленное и распиленное дерево), или межличностную трансакцию (результат деятельности кассира в кино – перемещение из рук в руки свидетельства на право увидеть фильм) и пр. Все эти области делятся на такие, которые не требуют речевого сопровождения (плотник, лесоруб), но могут его

[1] С культурологической точки зрения основное противопоставление составляет семаническая информация и эстетическая информация [Моль, 1973, 15].

иметь или не иметь в зависимости от обстоятельств, и на такие, которые требуют речевого сопровождения в качестве нормы социального поведения, но могут его и не иметь (получить из рук кассира билет в кино при условии, что вы протянули в окошко ровно такую сумму, которую стоит один билет, можно и без словесного сопровождения). Подобные виды речевой деятельности многообразны, и общество использует их в целях, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции к другим жизненным целям. Выполняя последние, человек с помощью языка оптимизирует социальное взаимодействие вступлением в его особый вид – речевое взаимодействие.

Специальная и неспециальная речь

Речевое взаимодействие включает в себя информативный вариант РП, имеющий место во всех областях социального существования и несущий тот вид информации, который определен данной коммуникативно-речевой сферой. Обратив на него особое внимание, мы, во-первых, оставляем вне поля зрения специальную речь (речь как специальность или необходимый атрибут специальности), а во-вторых, не рассматриваем речь как имманентный вид деятельности, который не имеет ни профессионального характера, ни предопределенной связи с какими-либо другими видами деятельности (креативной, манипулирующей и пр.). Речь как специальность, как профессиональное занятие не может являться центральной темой работы, посвященной РП, так как этот термин не покрывает ее полностью и требует риторического подхода. Ср., например, элементы, входящие в характеристику речи лектора: "Лекции его, читавшиеся в самой большой из академических аудиторий, привлекали большое число слушателей – как своим богатым и глубоким содержанием, так и завлекающею манерою изложения. *Произносил* свои лекции М.И-ч *без тетрадки,* всецело погружаясь в процесс воссоздавания и выяснения излагаемого философского учения и *постепенно воодушевляясь.* Метода трактации его состояла в том, чтобы войти в круг мыслей известного философа, установить его особую точку зрения и, исходя из последней, воспроизвести систематически учение этого философа (...) *Речь профессора выдавалась своею выразительностью и стильностью: в веских и содержательных, точных и ясных положениях как будто вычеканивались со всею рельефностью специфические пункты излагаемой системы, а довольно большие периоды,* которые так характерны вообще для слога М.И. Каринского, отличаясь внешней и внутренней соразмерностью, *придавали этой речи своеобразную красоту* (курсив наш. – *Т.В.*). Лекции М.И-ча обычно записывались, а потом издавались в литографированном виде студентами и благодаря особенностям лекций профессора записывались с надлежащей точностью и полнотой" [Миртов, 1918, 9].

Какие интенциональные свойства коммуникативной роли говорящего оптимально соединяются в лекционном жанре? Принадлежа устной разновидности научной речи, лекция в своем узуальном качестве определяется адекватным исполнением дидактической экспрессии, сопровождающей интенцию информативного сообщения. Последняя совпадает с

первичной коммуникативной интенцией говорящего – вступить в речевое общение, имея целью "сообщить нечто", поделиться знаниями. Профессиональная речь, составляющая особый вариант РП, выводит на первый план информативно-познавательную задачу. Следовательно, в этом варианте говорящий выступает как носитель коммуникативно-информативной функции, осуществляемой при помощи дидактической экспрессии (*всецело погружаясь... систематически воспроизводя... точные и ясные положения... пункты излагаемой системы вычеканивались... довольно большие периоды... постепенно воодушевляясь*). Дидактическая экспрессия – мост к ораторской роли, так как информативно-познавательная задача оптимизируется привнесением в высказывание элементов риторического искусства. Последнее же не существует без использования возможностей эстетической функции слова (завлекающая манера изложения, выразительность и стильность, своеобразная красота, внешняя и внутренняя соразмерность). Таким образом, профессиональный вариант РП позволяет человеку осуществлять информативно-познавательную задачу в качестве ритора, автора-профессионала и художника слова.

Границы инвариантной оппозиции

Оппозиция "информатика/фатика", разграничивающая варианты РП, не выходит за границы бытового (в смысле и "неофициального" и "официального" быта) общения, а речь имманентная (фатическая) должна быть рассмотрена, следовательно, в двух измерениях: а) как противопоставленная информативной речи, но со сложными переплетениями бытовой и художественной фатики; б) как часть неспециальной речи, концентрирующая социальные потенции языковой личности.

Оставляя в стороне речь как атрибут специальной деятельности, мы тем самым отсекаем от наблюдаемых речевых ситуаций, формирующих тот или иной вариант РП, внушительный корпус стандартных социально-речевых ролей: а) профессионально пишущие и их аудитория (писатель, публицист, ученый, юрист); б) профессионально говорящие и их аудитория (те же минус роль писателя плюс роль наставника – учитель, лектор, воспитатель, руководитель). Эти речевые роли в большем объеме соотносятся с массовой коммуникацией и в меньшем объеме – с личной коммуникацией официального типа.

По какому классификационному пути следует идти, чтобы не пропустить тот или иной вариант РП, характеризующий социально значимые речевые ситуации, которые либо определяют сферу общения, либо доминируют в ней, либо свойственны ей наряду с другими?

Во-первых, мы можем, в противовес названным только что типам коммуникации, поставить вопрос о неофициальном варианте информативной речи. Такая речь представлена в обществе главным образом элементарными видами бытового диалога: вопрос, утверждение, оценка, сообщение – как инициативные интенции; ответ, подтверждение/отрицание, согласие/несогласие – как реактивные интенции; уверенность/сомнение и оценка – как интенции, принадлежащие и тому и другому типу реплик.

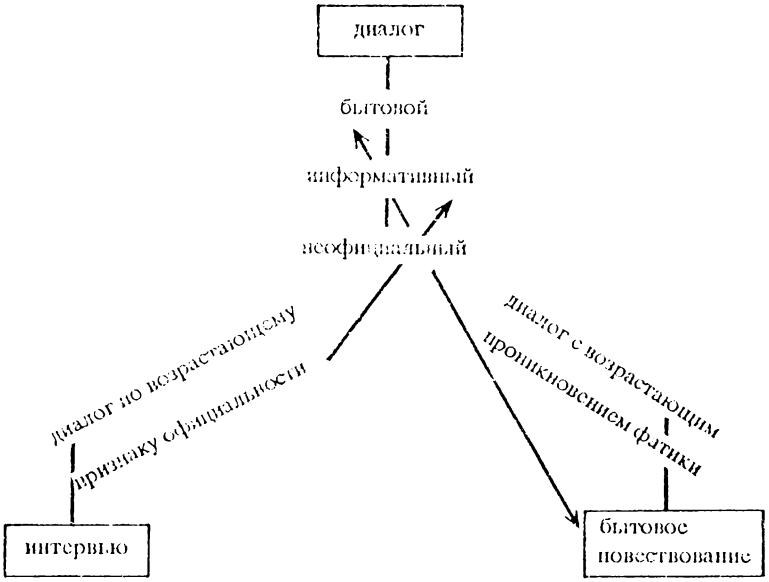

Схема 4. Диалогическая форма в соотношении с взаимопроникающими коммуникативно-содержательными типами РП

По мере ослабления параметра "неофициальность" и включения в него разных дозировок не собственно домашнего, интимного, дружеского РП (например, служебного РП при общении с постоянно сотрудничающими в течение длительного времени коллегами) происходят колебания в пропорциональном соотношении двух функциональных вариантов РП – информативного и фатического, сосуществование которых есть непременное условие личностного общения в тех речевых сферах, где оно имеет место. И тем не менее чисто информативное назначение вопросо-ответного бытового диалога ("Который час? – Семь") несомненно определяет одну из первично-необходимых и естественных форм РП, поставленных на службу информации настолько прямо, что компонент "речевое" в составе понятия РП отчасти десемантизируется, не получая альтернативы в виде любого другого, но непременно неречевого способа передачи информации (т.е. "информативная коммуникация" = "речевая коммуникация"). Однако с точки зрения РП чрезвычайно показательно, что и здесь живые социопсихологические черты участников коммуникации дают себя знать; например, ср. факты "заражения", коррекции с оглядкой на собеседника; ср. записанные в бытовых условиях диалоги: **А.** А когда они назначили? // **Б.** В *семь* // **А.** В *семь?* / С ума сошли // **Б.** Я и говорю / в *семь* поздно // **А.** Да я / не то что / в *семь* / Мне уже в полседьмого / надо дома быть! / Какое там *семь!* // **Б.** Ну / и мне-то / думаешь / надо очень / в *семь*? //; **А.** Мне сдается / ты не все понял // **Б.** Да понял я все / все сделаю / понял // **А.** Ну / понял / так ты / это / не опаздывай только.

Во-вторых, мы можем, отталкиваясь от этой точки, поставить вопрос о проникновении в неофициальный информативный диалог фатического слоя. И следовательно, забегая вперед, отразить двойное развитие, осложняющее простейшую начальную точку РП (схема 4).

Однако и это двойное развитие является лишь одной из сторон осложнения начального вида РП, несмотря на градационную структуру и неоднородность его признаков. Значительно более многообразными окажутся модификации собственно информативного РП, формирующегося неспециальной речью в специальных условиях. Такой, например, является публичная речь людей, которые не имеют профессиональных навыков в области массовой коммуникации, или речь людей, которые в данном речевом акте (фрагменте, сцене) выступают не как представители своей стандартной речевой роли, имеющей общественное назначение. Если бы, например, учить брался только учитель, выступать по радио или телевидению с оценкой литературно-художественного произведения только литературный критик, а составлять деловую бумагу только специально обученный этому администратор, то роль языка как универсального средства информации была бы ощутимо редуцирована, тем более что эту свою роль язык осуществляет только тогда, когда пользующиеся им люди вступают во взаимодействие.

Поэтому с точки зрения анализа РП людей, принадлежащих конкретному обществу конкретной эпохи, гораздо показательнее разного рода промежуточные типы, варьирующие стандартные речевые роли в стандартных ситуациях так, как это обусловлено структурой данного социума.

Непрофессиональная речь в официальных условиях

Легко обозримым примером такого промежуточного типа, весьма характерного для нашего времени, может служить непрофессиональная речь, которая звучит по телевидению и имеет то преимущество для исследователя РП, что не отрывается от автора, а, наоборот, позволяет (так же, как при записях РР, и даже в большей степени, чем при записях других видов публичной непрофессиональной речи, благодаря крупному зрительному плану) наблюдать самый процесс формирования высказывания, вопрос о значении которого для анализа РП был поставлен в настоящей работе как заслуживающий особого внимания. Кроме того, телевизионная речь непрофессионалов дает возможность наглядно использовать и рассмотреть вопрос о неоднородности понятия адресата, т.е. о составе и роли массового адресата, качестве его "массовости", а следовательно, увидеть и его роль в образовании промежуточных типов РП.

Диалогическая форма телевизионной речи создает специфический тип взаимодействия говорящего и слушающего. Это диалог "неравных". Положения о стилистической неоднородности дискурса человека и стилистической неоднородности произведенного в результате этой речевой деятельности высказывания в настоящий момент уже являются тривиальными

альными, если каждое из них рассматривается изолированно, вне связи с РП. Однако стиль или манера речи человека и стилистический состав высказывания (одного, совокупности, целого речевого произведения) взаимообусловлены. И если коснуться взаимообусловленных принципов формирования того и другого, то окажется, что в нестандартных условиях они имеют обратную связь. Чем однороднее и чем ограниченнее стилевой опыт человека в целом, тем резче обозначиваются стилевые стыки в созданном им в принудительных условиях высказывании (речевом произведении), являющиеся попыткой примирить коммуникативные роли "от себя" и "как все", которые совпадали в его регулярном РП и которые должны, чего не может не чувствовать человек, принадлежащий обществу, вступить в напряженное столкновение при изменении привычных условий речи. Именно поэтому исследователи обнаруживают наибольшее количество стилистических колебаний в таком жанре, как спонтанное интервью (не обязательно телевизионное, а любое, но на практике – и на Западе, и у нас – преимущественно связанное с ТВ) [Wolfson, 1976, 202].

Однако если речь идет о диалоге, то в исследуемых условиях перед нами предстанет главным образом не диалог "равных" – непрофессионалов в области телевизионной речи, а диалог "неравных" – профессионально говорящего на ТВ интервьюера и не владеющего телевизионной речью как профессией интервьюируемого. К тому же это будет тот идеальный случай, когда неравная социально-речевая роль по ситуации совпадает со структурным неравенством по диалогической стратегии, которая определяется специалистом и в которой непрофессионалу отводится зависимая реактивная роль. С этой стороны принудительные условия, поставленные перед интервьюируемым, оказываются более жесткими, чем если бы ему было дано монологическое поле деятельности, на просторе которого он мог постепенно "забыть" о необычности обстановки и полностью войти в роль "от себя", не заботясь о том, совпадает ли она с коллективными установками языкового употребления в массовой коммуникации или нет.

Следовательно, спрашивающий отчасти диктует свои условия отвечающему, а отчасти является актуализатором его потенций.

В одной из телепередач из цикла "До и после полуночи" шла речь о французском телекомментаторе Бернаре Биво, который говорил не языком тех, кого он приглашал на экран, а языком тех, кто их слушает, и тем самым брал на себя роль посредника между говорящим (одним) и слушателем (массой). Профессионал добивается этого, зная, что ощущение миллионной аудитории не может не сковывать непрофессионала. Отсутствие учета двойного адресата: а) непосредственного собеседника и б) стоящей за ним массы зрителей-слушателей – приводит к сложным последствиям, во всяком случае с точки зрения стилистической структуры высказывания, неадекватной ситуации речи[2].

Говорящие учитывают фактор двойного адресата неодинаково, и это

[2]Ср. положение о "скрытой обратной связи" [Леонтьев, 1974б, 45].

также зависит от двух факторов: а) от интенционала интервьюирующего; в нашем ТВ он направлен на профессиональное отправление высказывания двум адресатам и не преследует в качестве главной цель актуализировать потенции говорящего за счет выравнивания его манеры с собственной. Стиль профессионала и стиль непрофессионала, как правило, остается разным в разных типах интервью и бесед, но это вовсе не выражается в каких-либо оценочных категориях, которые (если говорить не о научных – лингвистических или социально-психологических – критериях, а об общественных вкусах) могут формироваться не в пользу того, кто берет интервью; б) от социального статуса говорящего, обусловливающего навыки языкового употребления, в свою очередь зависящие от константных характеристик владения языком.

Обе эти причины вызывают "несимметричное" строение телевизионного диалога-интервью, потому что РП говорящего № 1 (спрашивающего) и РП говорящего № 2 (спрашиваемого) покоятся на разных основаниях. У первого – на выполнении нормативно-речевых установок профессионального типа, которые в случае ТВ-интервью включают и мелодическую стилизацию. Это означает усиление экспрессии с помощью присущих устной форме речи экспрессивно-стилистических средств интонации, темпа, ритма, тембра, и, следовательно, формирование на этой почве разномасштабных стилевых оппозиций, всякий раз имеющих особое выразительное задание, рассчитанное на особый же экспрессивный эффект, согласно закономерностям действия узуально-стилистического комплекса [Винокур, 1980, 87–94]. У второго – на интуитивном снятии и интуитивном обострении напряжения между противодействующими в его опыте коммуникативными ролями "от себя" и "как все" и, следовательно, на объективном изменении стиля, который генетически присущ данному говорящему, согласно тем речевым ролям, которые он проигрывает регулярно. Если в эти роли не входит публичная речь, то стилевой облик говорящего в целом (схематически) завышается; если он регулярно выполняет роль публично говорящего в каких-либо других сферах (например, научной), то занижается.

Отсутствие ориентации на двойного адресата

Каковы градации учета/неучета фактора двойного адресата; как они соотносятся с социально-речевым обликом говорящего и в каких речевых актах выражаются?

Первое деление – абсолютное отсутствие учета фактора двойного адресата. Ему сопутствуют: неравное положение интервьюируемого (редуцированный опыт стилевого разнообразия в построении высказывания) и стремление к его выравниванию. Эти признаки характерны для говорящих, не имеющих опыта публичной речи и подменяющих РП оратора, РП участника межличностного диалога. Такие интервью отличаются низкой способностью к развернутой ответной реплике, что заставляет спрашивающего прибегать к откровенной подсказке, которая модифицирует структуру диалогического дискурса: ответ плеонастически

повторяет вопрос (или инициативную реплику интервьюера). Ср. диалог корреспондента ТВ с водителем рейсового транспорта междугородных перевозок: "Николай Иванович / Вот в этом году / у вас было значительно больше / ночных выездов? // – Да / у меня в этом году / было / больше / ночных выездов. – И это / в то время / когда количество водителей / резко сократилось? // – Да / когда количество / сократилось" (программа "Добрый вечер, Москва!"). Или вопрос к театральному зрителю: ≪– Значит / спектакль вам понравился / и было весело? – Да / очень весело / очень весело // – Очень живой спектакль? // – Да / очень живой спектакль / очень живой //≫ ("Муз. киоск"). Здесь напрашивается сопоставление с неполным владением речью у людей, обученных русскому языку как второму (неродному). Ср. диалог, приведенный в романе М. Алданова "Самоубийство": ≪– *Видел Пацию?* – *Видел Пацию,* – ответил Камо, предпочитавший отвечать, когда было можно, словами вопроса. – Анету тоже видел. – *Обе следят за кассиром?* – *Обе следят за кассиром.* – Кто повезет деньги? – Повезет деньги два. Кассир и счетчик (...) – *Едут в фаэтоне?* – *Едут в фаэтоне* (...) – *Много казаков?* – *Много казаков* (курсив наш. – *Т.В.*) (...)" и т.д.

Готовность отвечающего приспособиться к непривычным условиям на ТВ заключается в осознании им неуместности однословного ответа, который с информативной стороны явился бы здесь нормой, так же как и в бытовом диалоге, когда нет различия между тем, как ты говоришь, и тем, как ты должен говорить. Однако в этой готовности говорящий остается пленником вопроса, словесный состав которого он способен лишь повторить или полностью, или с частичными изменениями и опущениями. Заметим также, что аналогичное развитие диалога может быть характерно не для стилистической, а для внутренней, психологической ситуации, предположим – нежелания отвечать по существу. Ср. ответы корреспонденту ТВ зам. министра путей сообщения (программа "Время". 1986. 24 дек.): "Что же, получается, что меньше людей – больше порядка? – Это точно. Меньше людей – больше порядка. – И дисциплина более четкая? – И дисциплина более четкая. – И нет распыления ответственности? – И нет распыления ответственности". В этом случае имеет место эффект "обманутого ожидания", экспрессия которого подчеркнута точным повтором ответной репликой вопроса, что, как правило, осуществляется со специальным эмотивным заданием.

Прямым следствием редукции стилевого опыта является ослабленная способность к ситуативно-ролевому переключению. Это свойственно главным образом неотчетливо дифференцированным в речевом отношении слоям городского населения, основным средством для общения которых является пограничная область литературной и обиходной речи, не чуждая просторечных и диалектных вкраплений. Данный вид РП, заключающийся в психологической готовности к замене "своего" на "общее", но при отсутствии для этого реальной речевой базы, естественным образом порождает высказывания, насыщенные наиболее резкими стилистическими стыками, сила которых обратно пропорциональна способ-

ности к эффективным ролевым переключениям[3]. Эта группа говорящих более других склонна к непреднамеренному соединению в условиях интервью разностильных элементов, потому что из общих выразительных средств она усваивает (как цитатные) лишь те, которые лежат как бы на поверхности языкового сознания. Такими средствами служат прежде всего единицы лексико-фразеологического уровня и клишированного типа (газетно-публицистические, официально-деловые, иногда профессиональные шаблоны). На фоне подобных элементов, свидетельствующих о попытках приспособиться к официальной ситуации речи, более стабильными для РП оказываются те участники высказывания, которые демонстрируют противоположную тенденцию: сохранить свой постоянный речевой облик в чуждых условиях ввиду отсутствия стилистической альтернативы, доступной для спонтанного речепроизводства.

Ср. ответные реплики в интервью программы "Время" (о визите М. Тэтчер): Да / можно застабилизировать такую ситуацию / что тогда уж / никакой психопат не сможет погубить мир // (инженер, возраст средний); (об эстраде): ...наша / самодеятельная песня ...она несет человечность // Она ... / это... / может задеть / самые струны // (молодой электромонтер); Мы говорили однозначно / пахать... / за это / под землей / (...) (речь шахтера). Заметим, что подобные построения в равной мере определяют РП этой группы и при формулировке вопросов в смежных телевизионных жанрах. Ср. вопрос слушательницы к участнику передачи об авторской песне: "У вас проскальзывают очень малохудожественные образы. Как вы к этому относитесь?" Это примеры спонтанных соединений стилистически полярных единиц, указывающие на определенную дистанцию между цитатным и нецитатным овладением шаблона[4]. Первый пример дает шаблон как "свой" (приставочная форма двухвидового глагола на *-ировать*). И в то же время все три примера отражают типическое интонирование цитатного участка как нечленимой синтагмы с малым количеством хезитационных пауз, т.е. как готового блока[5], требующего минимальных интенционально-мыслительных усилий.

Построение подобных ответов в ряде случаев дает некоторые дополнительные свидетельства их тонкой психологической нюансировки: это, например, РП, при котором отвечающий употребляет шаблон более осознанно, как бы идя навстречу создавшейся ситуации с открытым забралом: говорю так, потому что чувствую, что это нужно сделать в данных условиях. Здесь говорящий более решительно отдает себя во власть официально-публичной стихии, стараясь преодолеть личный, неофици-

---

[3] О психологических мотивах употребления штампов и клише и о различии последних см.: [Дридзе, 1980, 138–140].

[4] О цитации как узуально-стилевом приеме см.: [Винокур, 1980, 173–189]. Ср. положение А. Вежбицкой о "чужеродных телах", "цитациях" [Вежбицка, 1982, 237].

[5] Ср.: ≪ Иногда он пытался – все реже и реже – поговорить с Борькой, но вопросы, задаваемые сыну, звучали так, словно в программе "Время" репортер интервьюирует юношу. И Борис отвечал такими же телевизионными блоками... ≫ (И. Меттер. Покой).

альный опыт, а преодолев или полагая, что ему это удалось, вернуться к своей обычной речевой манере с видимым облегчением. Такое РП иногда стимулирует начатки рассмотренного выше приема синонимической ситуации и "перевода" одного стиля в другой. Ср.: Цех / уже второй год / лихорадит по двум вопросам / ...понимаете? // Тоже / надо / войти / в положение" (мастер цеха пластмассового литья, средний возраст); "Я / будучи на переднем крае / мне пишлось / ...довелось / с ними еще раз встретиться //" (ветеран войны). Ср. случай коммуникативной неудачи: воспроизводство газетной формулы заводит развитие текста в тупик: (вопрос о приватизации) "Ну / конечно / я понял / что это / ну / надо конечно / надо / э-э-э приватизацию делать / Это... э-э-э..."

Ориентация на двойного адресата

Второе деление соответствует РП, ориентированному на фактор двойного адресата в той степени, в которой занятия говорящих предполагают постоянное речевое взаимодействие с людьми не только бытового, но и общественно значимого характера. Процесс ролевого переключения для них регулярен и потому облегчается в данных условиях. "Говорить как все" для этой группы говорящих ввиду речевого опыта в условиях неоднородной в количественном и качественном отношении аудитории может означать приспосабливание к реакции не только слушающего, но и возможных слушателей. Особенности их РП в условиях ТВ-интервью целесообразно анализировать на примерах, тематически ограниченных, т.е. в тех профессиональных для данного круга говорящих положениях, благодаря которым они оказались в роли интервьюируемых. Это широкий круг носителей языка, к которому мы отнесем и более и менее образованных людей (например, и врача и медсестру) самых разных специальностей и занятий – руководителей предприятий и учреждений, работников торговли, органов правосудия и милиции, хозяйственных работников и пр.

Переключение на официальную речь и здесь главным образом затрагивает лексический уровень высказывания, оставляя за синтаксической организацией возможности разговорного построения, так как жанр интервью предполагает спонтанное речевое обнаружение. Более того, расчет интервьюирующего иногда состоит именно в неожиданности, которая влияет на искренность ответа и на меру ее экспликации. Разговорный синтаксис не способен в условиях устной спонтанной речи адекватно отреагировать на "повышение" обстановки в сторону официальности [Земская, Ширяев, 1980], особенно если в намерение корреспондента входит интимизация общения, т.е. стилизация под неофициальную речь как прием.

Однако приспосабливание к телевизионным условиям на лексико-фразеологическом уровне в РП этой группы более регулярно проявляется в профессиональных (терминологических и обиходных) пластах, нежели в официально-газетных шаблонах массовой коммуникации, или, во всяком случае, соединяется с ними. И это частично предопределяет упорядочение синтаксиса в сторону книжности – в той степени, в какой он способ-

ствует отбору и включению в текст разного рода специальных наименований, обслуживающих референтные ситуации, несовместимые с цитатным характером языкового употребления. Ср. пример такого монтажа передачи, когда интервьюируемый, показанный при исполнении служебных обязанностей в пределах одной речевой сцены, отвечает на вопросы корреспондента ТВ и задает вопросы другому участнику этой же сцены: инспектор треста общественного питания (обращаясь к заведующей кафе): Какие сосиски вы реализуете по такой цене? // Ведь сырье? // В целлофане? // Почему? // (обращаясь к корреспонденту) Всё прекрасно понимают / и тем не менее / реализуют! // (к заведующей кафе) А почему у вас на раздаче / не было масла? // (к корреспонденту) Я хотела ознакомиться с ассортиментом блюд / здесь / на раздаче / а у них / нет масла! //. Профессиональное РП сдерживает синтаксические "разговорности" благодаря престижному сохранению "своих" наименований, определяющих строение высказывания.

В речь такого интервьюируемого, или несмотря на условия непосредственного спонтанного общения, или, наоборот, благодаря им, профессиональное РП может быть перенесено целиком или фрагментарно в двух его вариантах: в качестве престижно-группового и в качестве официально-делового. В первом случае его целесообразно квалифицировать как воспроизведение отдельных элементов регулярно проигрываемой роли, в основе которого лежат две причины: а) отсутствие речевых навыков, стимулирующих ситуативную мобильность; б) осознанное нежелание отказаться от "своего" слова в пользу "чужого" или "общего", хотя обстоятельства этого и требуют. Словесные сигналы группового престижа в их профессионально-жаргонном варианте выступают, таким образом, как единичные вкрапления в ткань дискурса, обычно тематически релевантные (означающие то означаемое, которое находится в центре лексико-семантического поля, соответствующего данной референтной группе). Например, охотник, занимающийся уникальным промыслом – поиском редкой породы барсов в горных вершинах Тянь-Шаня, отвечает корреспонденту, придерживаясь усредненных лексических и синтаксических норм РП, возможно лишь чуть стесненных обстановкой интервью, на все житейские вопросы. Но в кульминационной точке высказывания на сцену выходит профессионализм: "Моя цель / в основном / отловить живьем и нетравмированных" //. Ср. речь художницы-прикладницы: "Я вырабатываю матрешки // По десятку отрабатываю (отделываю. – *Т.В.*) окончательно"; речь вязальщицы: "Я работаю надомницей уже 28 лет. – А что вы делаете? – Я вяжу шапочку. Моя шапочка идет хорошо"[6]; речь тренера фигурного катания: "Основную линию поведения они знали // Но меня интересовало / как они сегодня / откатаются". Стремление вербализовать тематически центральный референт адекватно профессиональному престижу иногда целиком поглощает коммуникативную интенцию говорящего. В условиях неподготовленной устной речи это еще одна из причин

[6] Ср. это профессиональное ед. число с профессиональным мн. числом в речи дипломата: "Была озабоченность по Азии. Сели, выясняем, учитываем эти озабоченности" ("Междунар. панорама").

формирования стилевого стыка: профессионализм соединяется с разговорно-бытовой, семантически и стилистически неполноценной номинацией. Ср.: (в речи прокурора) "Я тогда курировал эту штуку //"; (в речи механика) "Пришлось размонтировать это дело / на форсированном режиме //".

Во втором случае профессиональное РП выступает как совмещенное с другими элементами "повышения" стиля высказывания, иллюстрируя процесс осознания коллективности нормативных обязательств, уместных на ТВ. В этом варианте профессиональная (специальная) референтная группа наименований приобретает общеделовые, канцелярские вербальные коннотации. Ср. ответ начальника порта в Туапсе на вопрос о положении дел: "В настоящий момент ситуация в принципе не изменилась. Причина – неподача тоннажа под уголь. Скопилось порядка около 430 вагонов"; рассказ милиционера: "Я предпринял преследование и переезжал по раздельной полосе. Ему деваться некуда, он неоднократно превышал скорость"; объяснение работника швейной промышленности: "Для этого пиджака используются ткани двух структур и наполнения. Он прошивается в серии 200–300 единиц" (из телерепортажа).

Социальные причины стилевых переключений

Два данных варианта РП достаточно четко различаются не только по роду занятий людей, но и в зависимости от того, сопутствует ли этим занятиям облечение административной властью (в любом масштабе). РП от имени власти, как правило повышаясь стилистически, отражается именно в канцелярски-деловом стиле, вне прямой связи с тем, какая специальность лежит в основе административной деятельности говорящего. То есть бюрократические навыки, удобные приверженностью к эвфемизмам, берут верх над профессиональными. Причем если должностное лицо занимает достаточно высокое положение, то, выступая на ТВ в качестве интервьюируемого, оно не ощущает себя в роли "ответчика", что сказывается (независимо от его желания) в стилевой манере большинства редко говорящих публично людей, как бы не до конца уверенных в ситуативной корректности словесного отбора.

Тем более это очевидно в ситуациях, когда профессиональный статус говорящего совпадает с той ролью, которую отвел ему телевизионный сценарий. Так, в жанре интервью проходили недавно многие передачи из цикла "Человек и закон". Корреспондент ТВ опрашивает троих: потерпевшую, ее сына и следователя (подполковника милиции); обсуждается поступок мальчика, укравшего у деда ценную коллекцию марок. Речь бабушки укравшего: ...в шифоньере-то / ничего-ничегошеньки / не было / особо ценного-то / не было // ... Господи / я себя теперь казню / что я его / приобщила / к этим маркам // Хотела /чтобы он больше дома был//. Речь отца укравшего (в ответ на вопрос, какие причины привели сына к краже): Причин сильных нет // Я не вижу причин // Причин нет // Она правильно говорит / грит / приобщить / а так / причин нет //. Речь следователя: Вы знаете конечно / что / применяется / к совершающему операции / по поводу ценностей // ...приобретая на средства родителей... // Ув-

леченность / чисто познавательного характера / перерастает в стяжательство // ... Когда он (руководитель кружка филателистов. – *Т.В.*) видит их нездоровый интерес / он отчисляет их из Дома пионеров // Но это не решает проблемы //.

Этот фрагмент иллюстрирует два существенных момента. Один из них ведет нас к следующему делению на шкале непрофессиональной телевизионной речи; другой дает ответвление, разделяющее стилизованную и нестилизованную телевизионную речь, что связано с выполнением особой коммуникативно-психологической роли, которая способна удвоить стилевой эффект: следователь играет перед массовым адресатом речевую роль следователя, т.е. специально не допускает отступлений от престижно-групповой, охранительной традиции РП "посвященных" для того, чтобы предать ее гласности, используя ситуацию интервью. Коммуникативная интенция при этом несет отрицательный заряд, так как держится на противопоставлении "своего" и "чужого". Прохождение же ею обязательного культурного цикла (о котором говорится в не раз цитированной нами книге А. Моля) осуществляется в противовес данному РП, приоткрывающему тайны ремесла вербальным отбором, формально рассчитанным на квазиадресата – и только через него на массового слушателя. Следователь называет золотые часы "желтым металлом" (как это принято у профессионалов при обыске); искусствовед говорит об "авангардном решении дизайна", а режиссер – о "решении спектакля в двух плоскостях"; торговый работник одушевляет референтную импликатуру центрального тематического ядра: "торговля купила, закупила", "торговля знает, учтет, понимает"; балерина утверждает, что "спина дает апломб" (рассказ И. Колпаковой о В.Я. Вагановой).

И таким образом, мы видим, что информативная речь имеет особые отношения с речевой характерологией, не выдвигая ее на первый план, но пропуская через нее требуемые способы вербализации, направленные на восприятие массового адресата. Эти способы показывают, что, зависимо или независимо от воли автора информативного высказывания, оно может оказаться индивидуализированным, стать способом самовыражения личности. Одни и те же языковые факты и речевые структуры могут выступать как характерологические и как ситуативные, совмещая признаки того и другого рода на разных основаниях. Так, совпадение профессионального и канцелярско-делового начал в речи административных работников, будучи, казалось бы, достаточно очевидной ситуативной чертой, становится и характерологическим признаком, как только выходит за стены служебных кабинетов и вступает в коммуникативное единоборство с массовой аудиторией.

Ситуативные причины стилевых переключений

В то же время в условиях спонтанного интервью канцеляризмы употреблялись писателями, актерами, художниками, студентами и др. как дань обратной, чисто ситуативной мотивировке. Они включались в речь людей, неофициальное РП которых заведомо должно было бы быть лишено этого слоя книжной речи: У нас / очень большая посещаемость / в

театре //; Наш театр поменял прописку //; Картина / вызвала большой / зрительский интерес// (из передачи "В гостях у Н.Н. Озерова"; интервью с К. Райкиным, Б. Окуджавой, Д. Банионисом и др.).

Неподготовленность отбора выявляет стойкий характер подобного словоупотребления, что позволяет оценивать его и как регулярную составляющую РП творческой интеллигенции в известных условиях, но, вероятно, лишенную, если говорить о ней в терминах прагматики, связи с постулатом релевантности ("не отклоняйся от темы"), который влияет на цитатный способ присвоения штампов неспециальным публичным дискурсом в целом.

Еще одной разновидностью отношения к употребляемому штампу является отклик на предполагаемые требования жанра (т.е. "Нате вам штамп!"). Эту разновидность можно оценить как полностью цитатную, если ее контекстное окружение свидетельствует о контрастных навыках говорящего, обнаруживаемых спонтанной речью в качестве "своих". Часто подобное отношение также характеризует людей творческой профессии или людей, совмещающих свою основную профессию с каким-либо творческим увлечением, не определяющим речевой специализации. В условиях ТВ-интервью как жанра, таящего известные стилевые затруднения, для них характерна попытка облегчить свою задачу стандартным, формальным ответом. Ср. ответ лесничего-пейзажиста, помещенный в обширный контекст информативно неполноценных эллиптических конструкций разговорного стиля, которые не удовлетворяли интервьюера до тех пор, пока он не получил требуемого штампа: Ну / как еще сказать / чтобы выразить / свою мысль / хочу передать / буйство красок / гомон птиц / аромат травы / так что ли? Но / это действительно так //; высказывание работника железной дороги – изобретателя: Да / да / да/ люди работали / то/ что называется / самоотверженно//; речь академика Академии медицинских наук: Сейчас есть решение / чтобы мы / как говорится / начали / э-э... / активно / лихорадочно / готовить молодые кадры / для центра / научно-сосудистой хирургии//.

И обратное явление: стилевая контаминация ответной реплики, не выдерживающей высоты, на которую ее поднимает коммуникативная роль публично-официального характера, и потому спускающей ее на тормозах: – Ну / а еще какие проблемы у вас / первоочередные? // – А такие у нас проблемы, что нужен транспорт // Лошадь / прямо говорю / нужна // Чтоб я быстро мог добраться до места // ... А лошадь кормить нужно... / Не хватает // (ответ егеря, работающего в приокском заповеднике". – Программа "Время". 1987. 15 июля); – Скажите / а по какому принципу / Вы строите свою программу? // – Ну / по принципу / я смотрю так.../ вот приехал в город / и он хочет / послушать Баха // (передача "Каунасские колокола". 1987. 21 февр.). Надо заметить, что такая же контаминация может быть следствием внутреннего импульса "сказать высоко, официально, книжно", спровоцированного ситуацией, а не словесным составом вопроса (интервью с рабочим в программе "Время". 1987. 22 мар.: Мы оказываемся в той роли / что заходим в магазин / а купить / ничего не можем//).

От этой разновидности можно перейти непосредственно к ситуации "перевода", которая объединяет в рамках инварианта "поиск общего языка" варианты РП, основанные на контрасте личной манеры с требованиями жанра. В социолингвистическом подходе к проблемам лексикологии существует понятие "дигеста" [Принципы и методы лексикологии..., 1971, 69–73], касающееся переложения, транспозиции литературного произведения с целью довести его содержание до малоподготовленной аудитории. Непрофессиональная публичная речь в спонтанном исполнении часто ставит говорящего перед необходимостью производить дигесту собственного речевого произведения в пределах участка, обнаруживающего признаки его РП. Однако в этом случае имеет место интенционально-реактивная поправка, характерная для развития спонтанного дискурса и не прямо направленная на адресата. Ср. выступления директора завода в программе "Время": "Следует сказать, что здесь мы имеем недостаток... / финансирования... Ну / короче говоря / нет денег / чтобы купить / оборудование". Такая дигеста является не "поправкой на ситуацию", а поправкой на личные навыки и характерна для коммуникативных ролей, выравнивающих ситуативную разобщенность говорящего и слушающего в том случае, когда образ последнего неотчетлив. Для авторов непрофессиональной речи на ТВ он не может быть иным, потому что такая стилевая стратегия обеспечивает развитие от повышенного к сниженному как к наиболее верному способу взаимодействия с получателем речи, если его реакция непредсказуема ввиду дистантной связи и неодинакового количественного облика говорящих и слушающих.

Обратная же линия развития есть поправка на ситуацию, которая в условиях телевизионного интервью ведет к повышению сниженного. Эта линия в высшей степени характерна для первой группы говорящих, а среди них – для молодежи, которая или еще не владеет, или вообще не владеет навыками публичной речи в ее стереотипно-шаблонном качестве. Ср. уличное интервью с молодежью из общества "Мемориал": Мы же / мы хотим / чтобы не забывали / о погибших // Да / надо восстанавливать судьбы тех / кто был несправедливо забыт // У нас / (...) 307 человек / и мы все / участвуем // В общем / весь наш коллектив принимает участие в восстановлении имен погибших//.

Такой самоперевод, определяющий развитие текста в двух противоположных стилевых направлениях, есть один из вариантов РП в данной разновидности. Второй – это межличностная дигеста, стандартная с точки зрения взаимоотношений говорящего и слушающего (корреспондент "доводит" речь опрашиваемого до нужной кондиции), но нестандартная с точки зрения качества переводимой и переводящей речи, т.е. это не упрощение информативно сложного текста в целях его лучшего усвоения, а "усложнение" информативно неполноценного текста. Наиболее регулярные примеры такого типа дают опять-таки интервью с молодежью, или не владеющей коммуникативной ролью, "как все", или намеренно не желающей вводить свою коммуникативную роль в общее

официальное русло. Ср. следующие диалоги интервьюирующего и интервьюируемого из той же передачи, а также из уличных интервью (вопрос о прошлом семьи): " – Не / не знаю/ ... кто там... / вообще... / Не / свое отчество я знаю //. – Значит / кроме родителей / ты никого уже не помнишь? // – Не / ...ну / лично я / какое-то / его имя Иван / отчество я не помню / там много... / танков... было / и он погиб // – Значит это / был твой дед / Иван / отчества ты не помнишь / и он погиб в Великую Отечественную войну? // – Да-аа //"; или (вопрос о дискотеке):" – Нравится / конечно / музыка / такая / всё вообще там // – Музыка нравится или обстановка? // – Ну / и обстановка / так / помелькаешь / мы только не часто / иногда – ходим //".

Следует отметить, что специфика ТВ ограничивает наличие "переводных" ситуаций только таким взаимодействием говорящего и слушающего, которое не включает в себя информативных средств других (неречевых) каналов связи. Так, например, специалисты, демонстрирующие телезрителям знания и навыки своих профессий, "переводят" только то, что не подкрепляется "зрительным рядом". Ср. объяснение врача из передачи цикла "Здоровье", который переводит все названия лекарств ("бриллиантовая зелень" – "зелёнка" и т.п.), но не переводит термины, обозначающие те действия, которые он показывает: "Вот так / фиксируем / вязочками / на суставе / закруточку / так... //"; или объяснение переплетчицы: "...берем / тряпочкой / ...видите / головку... / здесь хвостик... / форзац протрем... //". То есть речь вторичная, сопровождающая основное действие, даже в нестандартных условиях делит информативную нагрузку с другими средствами коммуникации.

Стилизация

I. Стилизация как особая речевая роль адресанта. Указанные разновидности телевизионного РП сформировались, таким образом, в соответствии с тремя взаимосвязанными признаками: мерой непрофессионализма в этой разновидности официальной публичной речи; учетом/неучетом двойного адресата речи; психологической дистанцией по отношению к официальным клише публичной речи и массовой коммуникации в целом. Эти признаки можно квалифицировать как признаки социализации личности, выступающей на ТВ в качестве адресанта особого рода. И следующее деление на их шкале, продолжая основную линию классификации РП непрофессионалов в ТВ-интервью, одновременно должно обозначить новое ответвление – линию стилизованной ТВ-речи. Она образуется спецификой телевизионной коммуникации, т.е. полностью отвечает ее двухступенчатой адресованности, привлекающей индивидуальные и индивидуально-групповые свойства говорящих как личностные. Не только интервью, но и смежные с ним жанры ТВ-речи, существование которых обязано участию непрофессионалов, строятся как заведомо контрастные в стилистическом отношении. Функция профессионала и функция непрофессионала, столкновение которых должно обеспечить запланированную дозу раскованности РП, его инди-

видуализацию и отрыв от письменных норм массовой коммуникации, выступают здесь как функции социальные. Они создают промежуточное положение, и вызванные им особенности телевизионного общения с массовой аудиторией, следовательно, заранее наделяют говорящего усиленной "информационной миссией" независимо от того, какими языковыми средствами эта миссия будет выполнена.

Можно поэтому сказать, что стилистическая норма непрофессиональной ТВ-речи не складывается из узуальных свойств официального публичного общения, а пропускается через стилевую манеру РП ее участников, которые привносят в нее не только данный, ситуативно-определенный речевой опыт, но и опыт, интегрирующий и модифицирующий другие стороны стилевых закономерностей языкового употребления. Следовательно, как норма телевизионная речь непрофессионалов получает право на экспрессивное использование средств любых других сфер речевого общения. Но оно не всегда осуществляется полностью ни первой, ни второй группой интервьюируемых ввиду свойственной им неискушенности в выполнении спорадических, окказиональных коммуникативно-речевых ролей.

Эту неполноту с лихвой окупает РП третьей группы непрофессионалов, интервьюируемых корреспондентами ТВ, а также выступающих в смежных жанрах. Признак "профессиональный" в данном случае принимает более узкое значение: "говорить по ТВ, будучи автором текста, создаваемого в соответствии с определенной жанровой спецификой этого вида коммуникации". Если мы последовательно исключаем говорящих согласно этому признаку, то речь пойдет главным образом о научной и творческой интеллигенции, для которой регулярные ролевые переключения максимального диапазона являются составной частью ее постоянного речевого облика. Однако эта группа также имеет внутреннее деление по признаку "регулярное или нерегулярное профессионально креативное занятие словом" (см. о главных оппозициях в классификации функциональных вариантов РП в разделе "Общение / сообщение" данной главы). За пределами этого признака РП интервьюируемых выравнивается, например художник-баталист и актриса ведут себя типологически одинаково, т.е. приспосабливаются к ситуации речи осознанно: в расчет входит а) двуступенчатый процесс восприятия их речи; б) экспрессивная роль стилевых контрастов; в) коммуникативная выгода использования индивидуальных привычек ("от себя") в условиях, провоцирующих полное погружение в сферу официально-нормативных установок ("как все"). Таким образом, с этой группы начинается выполнение задач стилизации того типа РП, который принят в данном кругу по отношению к данной ситуации речи как эталон.

Обычно это стилизация разговорной речи, т.е. подмена официальных условий и многосоставного адресата неофициальными условиями непосредственных отношений с индивидуальным адресатом речи, что позволяет усилить, стилизовать естественные приемы конвергенции, свойственные устной речи вообще или отдельным структурным характеристикам РР (например, синтаксическим). Следовательно, этот вариант вклю-

чает в предлагаемых обстоятельствах игровое РП[7]: игру в свободную спонтанную устную речь, в сугубую индивидуализацию речи, в поиски (публичные, а потому чаще всего мнимые или форсированные) нужного слова как процесс рождения вербального отбора на глазах слушающего и слушателей с целью демонстрации реальных трудностей этого закадрового мыслительного процесса. Основные стилизующие средства: модальная избыточность, обострение интонационно-синтаксических свойств РР, включение в дискурс многочисленных синонимических ситуаций, которые в другой функционально-речевой разновидности и тем более в письменной форме не могут быть употреблены "непрочищенными". Ср. ответ актрисы на вопрос о том, что представляет собой ее героиня: Этот... / я бы сказала / ...сильный / ...ну / что ли / цельный / чистый / человек / она / ...э-ээ / оказывается / ...понимаете / ...не в однозначных / ...что ли... / обстоятельствах / ...когда / он / ну / должен / ...Э-ээ... убедить / доказать / что он / ...вы меня понимаете / ...показать ... / и вот это надо так / сыграть//[8].

Сгущая разговорную стилистику, говорящий подчеркивает свои индивидуальные черты в манере ее использования, т.е. играет самого себя, и это является законом стилизованного РП, неукоснительно соблюдаемые при помощи сдвоенной конвергенции сигнальных явлений стиля: собственная коммуникативная роль одновременно демонстрируется как индивидуализирующая общее (языковой узус) и как обобщающая частное (процесс формирования высказывания).

Мера и такт стилизации подобного рода, естественно, содержат образчики индивидуальных колебаний, столь же показательных, сколь показательна узуальность самого явления. Можно предположить, что меньшая необходимость сблизить коммуникативные роли "от себя" и "как все", разрыв между которыми определяет социально-речевой статус говорящего вне данной ситуации, вызывает большие стилизующие нажимы, в то время как бесконфликтное сосуществование богатого социально-психологического опыта коллектива с опытом многосторонней языковой личности не требует максимальной активизации стилизующих усилий при возникновении особых условий речи. Тем не менее факт стилизации всегда будет подтвержден составом и развитием дискурса, отрезок которого является репликой или интервьюируемого, или участника сходного по жанру выступления на ТВ.

Ср. речь певицы в программе "Романсы М.И. Глинки" (1987. 12 нояб.):

---

[7]Ср. языковую функцию "театрализации" как социальную функцию, действие которой исследователи усматривают в сгущенных чертах дискурса, или меняющих, или, наоборот, избыточно подчеркивающих коммуникативный облик говорящего с целью демонстрации личных (или групповых) возможностей выразительного использования языка [Penfield, 1983, 838].

[8]В связи с этим примером следует подчеркнуть типологическую, а не индивидуальную обусловленность данного варианта РП: не неумение актрисы, привыкшей произносить чужие слова, говорить "от себя", а осознание ею необходимости сыграть это неумение (ср. упомянутое выше проигрывание следователем своей профессиональной роли перед телевизионной камерой).

Самое сложное / быть предельно простым и искренним // Эта простота / отличает его... / от всех / может быть / композиторов... // Вот это здесь / *са-амое* важное // И потому / Святослав Теофилч / он/ находился в сфере совсем другой/музыки / он неохотно стал со мной / *работать Глинку* // И *где-то* / ему показалось скучно // Но потом! / ... он *абсолюю-ю-тно* вошел в это //. Мы с Святослав *Теофилчем* часто *давали программу* Глинки / романсы Глинки я пою с такой радостью... //. В этом фрагменте сконцентрирован и потому обострен профессионально-интеллектуальный тип речи, равно допускающий устарело- и новомодно-престижные групповые средства (*где-то* и *давали программу* Глинки), незначительно повышающий по отношению к нейтральной норме информативной речи эмоциональные элементы мелодики, стилизующий орфоэпию (произнесение слова *романс* с носовым гласным и слова *шедевр* с дифтонгом), а также сохраняющий сбалансированное соотношение книжных и разговорных элементов в лексике и синтаксисе. Совокупность этих явлений свидетельствует об осознанной специфике жанра, которая заставляет подтянуть характерологическую стихию в угоду ситуации. По всей вероятности, здесь приведена минимальная мера ситуативного приспособления, а судить о его направленности по одному речевому фрагменту невозможно, хотя в данном конкретном случае достаточно легко представить себе постоянный речевой облик говорящей. Однако сам факт стилизации, игры определенной роли, предписываемой условиями речи, несомненен.

II. Стилизация и шаблон. Гораздо более очевиден факт стилизации в другом случае, когда РП говорящего включает широкий диапазон профессионально-престижных клише, наслаивающихся на специфически разговорную фонетику ("буйт" – *будет*, "смореть" – *смотреть*, "чек" и "чечьское" – *человек* и *человеческое*, "скокъ те лет", "Ван Ванч", "цикъл"), иногда на грамматику (например, звательная форма "Марин" в речи ведущей программу о Высоцком при обращении к собеседнице, которая отвечает на ее вопросы; приведем здесь также пример двойной стилизации, т.е. нарушения грамматической нормы, являющейся игровым моментом и в естественной разговорной речи: "Это / умение выдавить / нечто / что потом / станет кином / твоим" – речь кинорежиссера), – и, конечно, на лексику, создающую, как и гипертрофия синтаксических особенностей РР, стилизацию вольных, интимных бесед между профессионалами в какой-либо творческой области или между ведущим и этими профессионалами. Ср., например, фрагменты бесед между двумя кинорежиссерами: – Мне надо было / ...снять свое / кино// – Вы знали / какое кино / ...ваше / или шли ощупью? // – Да / да... / ощупью... // – И это обжигало ваши души? // – Вот это / очень точное слово / ...Были обожжены // – Ну / и что у вас / будет? // – У меня что / тут / будет... / все будет / вплоть до всяких придумок //; между актером и режиссером: – Итак / вы прошли / проверку на прочность? // – Да / ...это / знаете / это была / настоящая... / э-ээ... проверка // – Но / вот / вы ничего ведь вас / не сдвинуло... Вы... / как бы / как утес / всмотреться в себя / ...это... знаете / это ведь условие / ... очень важное условие... // – Да / мое... / грубо говоря / ...отношение к миру / оно лирико-романтическое //.

На примере таких диалогов легко увидеть, что престижно-групповая манера РП в условиях телевизионного интервью или беседы также создает шаблон, но удвоенный, стилизованный. Казалось бы, вторая подгруппа говорящих этой среды (писатели, критики, публицисты) должна ему противостоять, так как владение словом, будучи основой творческой профессии, накладывает запрет на его непрофессиональное использование и в других целях. Однако эта подгруппа лишь усиливает стилизацию телевизионно-разговорной речи в условиях интервью или бесед профессионалов друг с другом. Ср. лишь один пример из беседы писателя с кинокритиком (обсуждение фильма "Пятно"): Что я / должен сказать / ну / может быть взрослые / ну / будут / недовольны / ...ну / скажут / ...будут сильно ругаться // Но / хотелось бы / ...чтобы они / поняли / ...А то / ...э-ээ ...скажут / А / какая-то шантрапа // Ничего не делают / от этого всё // – Да / это особый мир / у него какие-то ценности / в общем-то / ...ценно / э-ээ / что мир / увиден изнутри / этой самой молодежью... //.

Мера содержательной адаптации

Характер непрофессионального использования информативной речи в условиях спонтанного ТВ-интервью дал возможность построить шкалу, на которой обозначились разные степени и разные результаты умения приспособиться к этим условиям благодаря следующим факторам: варьирование соотношения речевых навыков, осознаваемых как индивидуальные и как коллективные; учет или неучет фактора двойного адресата; выравнивание способа вербального отбора относительно слушающего (интервьюера) или слушателей (массового адресата); наличие или отсутствие навыков к регулярному ролевому переключению стилевой манеры и масштабам этого процесса, отражающегося в РП.

Когда непрофессионально говорящий попадает в непривычные условия речи, он теряет "конативную опору", контакт, который в обычных условиях восстанавливается элементарно (обращение, вводная модальность, призыв).

Утрата говорящим реальной конативной почвы имеет определенные последствия для организации дискурса. В частности, вместе с конативной ослабляется и метаязыковая функция, что ведет, например, к некорректному отбору референтного участка, подлежащего вербализации. Это нарушает логическую последовательность развития дискурса, приводит к дисбалансу его частей, либо неоправданно ослабляющих, либо, наоборот, снимающих имплицитные свойства устной речи. Ср. высказывание тренера (передача "Вас приглашают мастера фигурного катания. 1989. 1 мар.): Я иногда думаю / когда фигуристы выбирают музыку? // Когда сидят и едят / или в театре / балетный спектакль / смотрят... //; интервьюируемого в программе "Музыкальный киоск": Это / самое ведь / раннее его сочинение / да / еще до первой симфонии // (О Шостаковиче. – *Т.В.*) ... Но / как-то / у меня / не возникло желания / унизить его / по музыке... //; юноши в передаче "До 16 и старше" (1987. 26 мая) в ответ на вопрос, испытывал ли он когда-нибудь страх и чувствовал ли себя тру-

сом: Я... / не знаю / ...как-то / если разобраться / на улице / с каким-то подонком / то нет // Когда в троллейбусе там / мальчик едет хорошо / ну / начинают / к нему / а все... / в газеты уткнулись / ... это все же / трусость где-то //.

Подобные явления, как кажется, говорят не о коннотативных, а именно денотативных затруднениях, вызываемых особой обстановкой речи, не корректирующей языковой код наличием привычного адресата. Между тем конативная поддержка, корректируя языковой код, служит одновременно и экспликатором типа отношений между говорящими, т.е. сигналом, предупреждающим об определенном варианте РП, который будет или должен иметь место в данном речевом акте. Такой сигнал является коммуникативной нормой устной речи в целом (как для контактных, так и для дистантных связей), тогда как в письменной речи он играет минимальную роль для точности вербального отбора. Достоевский, который отдавал предпочтение выразительным возможностям устной речи "с глазу на глаз", видел в этой точности уступку безыскусственности и искренности: "Извините за бессвязность письма. В письме никогда ничего не напишешь. Вот почему я терпеть не могу M-me de Sévigné. Она писала уж слишком хорошо письма" (письмо к А.Н. Майкову). Ср. анализ ее писем с точки зрения риторического искусства как эталона последнего и критику русского перевода начала века (сделанную переводчиком) за то, что он нарушил красоту "фигуры нагромождения" разговорным снижением эпистолярного стиля [Дюбуа и др., 1986, 141].

Для устной формы речи безыскусственность как отсутствие стилизаторской (профессионально ориентированной) интенции в РП прежде всего имеет условием психологическое ощущение надежного контакта. В случае отсутствия такового необходимы поиски, которым ситуация ТВ-интервью не благоприятствует. Говорящий редуцирует их даже за счет информативной полноценности высказывания, в то время как ситуация публичной официальной речи, не принадлежащей массовой коммуникации, регулярно допускает постепенное нащупывание контакта с аудиторией, характерное, например, для входа в дискурс и для выхода из него. Ср. начало доклада на заседании отдела: Ну / значит / сначала / ну... / значит / я прочту / или... вот / ну / я прочту? //; выступления на заседании Ученого совета: Я хочу / по этому / как раз / поводу / сказать / я / коротко скажу //; на профсоюзном собрании: Я не знаю / я не знаю / как мы будем / обсуждать / если всё сразу / не знаю / то... //.

На ТВ говорящий, ощущая одновременно и необходимость "быть релевантным" и недостаточность ситуативной поддержки для успешного выполнения этого постулата, компенсирует психологический дискомфорт желанием соответствовать образу той группы носителей языка, от имени которых он выступает. Тем самым регулируются пропорции информативного и фатического начал в данном варианте РП.

Письменная и устная формы речи: газеты и ТВ

Характеристику информативного варианта устного непрофессионального РП целесообразно снабдить иллюстрацией с письменной формой изложения того же содержания тем же автором, коль скоро такая возможность представилась в виде опубликованного текста выступления в студии "Останкино" Ю.П. Власова – спортсмена и писателя (Неделя. 1987. № 1). Власов сам подготовил к печати публикацию в газете, сопроводив ее следующим комментарием: «..."Неделя" обратилась с просьбой о публикации стенограммы. Давайте совместными усилиями подготовим ее к печати, *не изменяя* смысла и даже *стилистики вопросов и ответов*. Позволю себе лишь *уточнить недомолвки*, которые в зале восполнялись жестами, мимикой, *но некоторые фразы остались недосказанными, оборванными. Уберу слова-паразиты, выправлю оговорки* (курсив наш. – *Т.В.*), искажающие смысл беседы. В остальном – полинный текст стенограммы вечера в "Останкине", точнее, ее фрагменты...».

В настоящем случае письменное воспроизведение устного текста обозначает смену непрофессионального РП на профессиональное в рамках одной говорящей личности, так как Власов – профессиональный писатель ("Вот этой частью жизни я принадлежу к большому явлению по имени Спорт. Остальное отдано Литературе") и, возможно, помимо своей воли готовил письменный текст именно как писатель, заботясь о форме речевого произведения, ускользнувшей от его внимания при исполнении им непрофессиональной коммуникативной роли. Выступление Власова на ТВ – редкий образчик искреннего и нестилизованного РП (характерного, впрочем, для людей, имеющих две несмежные профессии, из которых одна – творческая). Следовательно, и перевод из устной в письменную форму, хотя и является плодом профессиональных усилий, лишен беллетристической стилизации, что позволяет отнестись к обоим текстам как аутентичным, с одной стороны, для характеристики личности и, с другой – для высвобождения абстрагируемых он нее узуальных свойств письменного и устного текста в его информативной роли как основы, формирующей данный вариант РП.

Достаточно сопоставить лишь три текстуально совпадающие части выступления, как кажется их автору нефрагментированные и тем не менее дающие повод для того, чтобы говорить о письменных импликатурах устного текста, меняющего объем и состав информации относительно говорящего. Ср.:

Устное выступление в Останкине	Текст в "Неделе"
–Юрий Петрович! Скажите/ что вы думаете о детском спорте?// (начальный фрагмент ответа опущен из-за помех при записи):... дети... не могут/ это не/ ... дети 12–14 лет/ ...дер.../ понимаете/ сражаться по закону взрослых/ не могут!// Бесспорно/ это не может идти/ ...проходить/ ...люди ломаются на этом/ огромные	– Что вы думаете о детском спорте? (опущен соответствующий фрагмент письменного текста): – Не могут дети в 10–12 лет сражаться по законам взрослой борьбы. Не могут! Бесспорно это не может

мужчины ломаются а тут дети[9]// И участвовать/ в тяжелейших поединках по многу часов/ так что/ чтобы он к этому вышел/ его начинают тренировать/ с 10–8 лет я/ считаю/ это преступлением (нрзбр.) ...детей/ дети должны тренироваться/ по своим/ законам/ никто не должен/ не торопить/ не растить из них/ там/ детей-тяжелоатлетов/ детей-футболистов/ детей-гимнастов у них огромная жизнь впереди/ ...зачем?// ...Когда он не может еще/ отдавать себе/ отчет/... его ставить/ ...определять/ его судьбу...// Это/ по-моему/ неправильно я считаю что/ ...такие победы/ не нужны//

для детей проходить, огромные мужчины ломаются на этом, а тут – дети, участвующие в тяжелейших поединках по многу часов. Нельзя растить детей-тяжелоатлетов, детей-гимнастов. У них огромная жизнь впереди. Ведь они не могут отдавать себе отчет, это мы определяем их судьбу – по-моему, это неправильно. Считаю, что детские победы в большом спорте не нужны.

– Юрий Петрович/ Скажите/ пожалуйста/ сколько вам было лет/ когда вы осознали себя человеком/ вполне отвечающим за свои слова и поступки? (усмешка): Я.../ и.../ за свои поступки/... я до сих еще не научился отвечать это я вам/ совершенно четко говорю/ потому что/ [и не/ для того/ чтобы вызвать улыбки...]// Вот/ потому что/ я не умею сдерживать/ и говорю только правду/ от и до/ для меня/ это самое большое мучение/ а это наша жизнь/...к сожалению/...всегда помнить/ и говорить/ где граница/ правды/ от и до/ я этого не умею делать// ...из-за этого/ всю жизнь стрр-ра-даю!//

– Когда вы осознали себя человеком, вполне отвечающим за свои слова и поступки?
– За свои поступки до сих пор не научился отвечать – это я совершенно четко говорю (и не для того, чтобы вызвать улыбку). Я не умею сдерживать себя, не умею говорить правду "от" и "до". Для меня это самое большое мучение: всегда помнить, где граница правды "от" и "до". Я этого не умею и от этого страдаю.

– Я преподаватель сороковой школы/ бывшая спортсменка...// Первый вопрос/ кого/ по вашему мнению/...мм-мм/...вы можете назвать/ из/ ...истинных героев// И второй вопрос/ ваши авторитеты в спорте и в литературе//.

– Кого из спортсменов настоящего и прошлого вы можете назвать истинным героем?

– Вы знаете/ ...в общем-то/ ...моим героем является/ ...сам спорт/ сама система/ силы и борьбы/ для меня/ ... вот это главное а если так/ ...о человеке/ так/ о личности говорить/ все-таки свести к этому/ не уходить от этого/ я знаю/ что у каждого/ свои герои/ свои-ии/ какие-то любимые рекордсмены чемпионы// ...А мне/ очень нравился/ всегда недостаточно воспитанный/ [несдержанный/ прямолинейный/ о б и д ч и в ы й / бывало и хмельной/ с множеством/ множеством/ ошибок/ ...Бобров//] ... Очень он мне нравился/ человечески// Я/ с ним.../ очень дружил/ до последнего дня жизни// Всеволод Бобров/ изорван-

– Вообще-то истинный герой – сам спорт, сама суть спортивной борьбы. А если о человеке, о личности... Мне очень нравился... недостаточно сдержанный, прямолинейный, обидчивый, с множеством ошибок – Бобров. Очень нравился. Я с ним дружил до последних дней. Изломан, больной, вместо колен крошево, сердца почти не было. В 1949 году его страшно ударили о хоккейный борт, и у него произошел ин-

[9] Форсирование ударного слога, сопровождаемое эмфазой; далее так же обозначены сходные случаи.

ный/ изломанный/ вместо колен/ крошево/ сердца/ не было (нрзбр.)// В самом еще/ сорок девятом/ сорок восьмом году/ играя в в хоккей/ ...его страшно/ ударили/ об борт// У него/ произошел ин/...инфаркт/ и он не знал/...на ногах его выносил// Бо́льшая часть сердечной мышцы/ отказала работать// И он/ всю жизнь/ на недостаточности сердечной на этой/ и жил/...на-на искалеченном (нрзбр.) никогда не думая/ не соразмеряя свою жизнь/ со здоровьем/ ни с чем/ но это был вот если говорить/ настоящий честный человек// Спорту он был предан/... вы знаете он/ ... я его увидел ...это просто я говорю так сбивчиво/... потому что у меня/ тысячу картин/ с ним связано/ разговоров/ встреч/ ...я увидел его/ за две недели до смерти/ ...я много/ ...я видел/ как умер Бобров// Я его много лет не видел/ ушел из спорта/ ...и пришел в спорт/ в наш армейский/ комитет// Иду по коридору/ и вдруг он идет навстречу и/ ... много лет мы не виделись/ но прижался так обнял// У меня аж даже слезы/ навернулись// И мы/ минут десять/ не говорили/ а так только/ мяли друг друга/ смотрели в глаза/ и вот/ ...все от сердца шло// И вдруг/ через две недели умер// Это было ужасно/ ...обнимать такого человека и/ ... я считаю/ что это... наше в общем как/ ...как спортсмен/ это один/ из самых великих/ русских советских спортсменов/ ...моя точка зрения//.

фаркт. Он этого не знал и перенес болезнь на ногах. Никогда не думая об этом, никогда не соразмеряя свою жизнь со здоровьем, ни с чем. Последний раз я его увидел за две недели до его смерти. Пришел в армейский спортклуб, и вдруг он навстречу. И уже много, лет десять не виделись. Он прижался и так обнял, у меня даже слезы навернулись. Несколько минут слов не могли произнести, а так друг друга мяли, смотрели в глаза, и все от сердца. Считаю, что Всеволод Бобров – наша гордость, один из самых великих русских советских спортсменов.

Выводы

1. Основные характеристики информативного варианта РП в зависимости от того, принадлежит ли оно профессионалу или непрофессионалу, относительно предлагаемых условий речи существенно различаются. Так как в высокоразвитом обществе профессиональная речевая продукция преимущественно реализуется в письменной форме, эти различия касаются одновременно различий между письменной и устной формой речи. С точки зрения РП последние можно определить не только как коммуникативно-стилистические, но и как социально-психологические, потому что они равным образом обнаруживаются и в тексте как результате речепроизводства, и в самом процессе речепроизводства, обусловленном помимо прочих причин активизацией разных участков языкового сознания говорящего и РД пишущего [Мучник, 1985, 23, 235]. В частности, идея самовыражения, речи "от себя" как от данного конкретного индивида безусловно является более непосредственным творческим импульсом в формировании устного высказывания любой функционально-речевой сферы, чем письменного (оставляем опять-таки в стороне эстетическую информацию, т.е. художественную речь). Уместно заметить, что письмен-

ная речь, находясь на порядок дальше от личности, чем устная, т.е. предполагающая более формальный, технический и потому неэлементарный способ осуществления, неизбежно объективируется в большей степени, чем устная [там же, 12–16]. Отправитель любого устного речевого акта, вольно или невольно, берет на себя и бóльшую личную ответственность за коммуникативную неудачу, чем отправитель письменного речевого акта, в распоряжении которого находится весь арсенал общественного опыта, так или иначе осваиваемый пишущим в разной временнóй и логической последовательности. Даже подготовленная, т.е. продуманная в основных, тематических или экспрессивных, моментах (но не заученная наизусть), устная речь предполагает больший личностно-психологический вклад – и это является социальной нормой поведения человека в обществе, – чем письменная, хотя бы потому, что в конечном (стилистическом) этапе вербального отбора она отдает себя во власть таких возможностей экспрессии, которые могут быть прямо связаны с физиологией говорящего человека, а не производимой им речью (например, тембр голоса).

2. Таким образом, когда мы говорим о стиле (манере) участников речевого акта как об обнаружении особенностей их РП, имея в виду стили языка, мы соотносим их с разновидностями письменной речи по преимуществу. Если же стилистическому анализу должна быть подвергнута именно манера пишущего, то такой анализ не может обойти проблемы мотивировки вербального отбора, его процессуальных этапов, т.е. РП в одном из функциональных вариантов. Именно от РП шел Ч. Осгуд в предпринятом им исследовании подлинности предсмертного письма самоубийцы, стараясь понять, какие стилевые факты (если они вообще существуют) могут непосредственно отражать мотивировку предпринятого акта коммуникации [Osgood, 1960, 293]. Признав, что решить эту задачу было крайне трудно, он главным образом ссылается на меру индивидуальных отклонений, которые не являются нормой в письменной речи (например, дополнительная сегментация синтаксически независимых, коротких частей высказывания, свидетельствующая о душевном смятении пишущего). Однако этот пример не убеждает потому, что мы знаем, насколько индивидуально может быть использован любой, даже самый общий и официальный,тип речи в самых необычных обстоятельствах. Именно стиль письма самоубийцы тонко комментирует Достоевский в "Подростке": ≪Это была записка – "Маменька, милая, простите меня за то, что я прекратила свой жизненный дебют. Огорчавшая Вас Оля". – Какая странная записка! – воскликнул я в удивлении. – Чем странная? – Разве можно в такую минуту писать юмористическими выражениями? – Васин поглядел вопросительно. – Да и юмор странный, продолжал я, – гимназический условный язык между товарищами... – Почему же нельзя написать? – все еще не понимал Васин. – Тут ровно нет и никакого юмора, – заметил, наконец, Версилов, – выражение, конечно, неподходящее, совсем не того тона, и, действительно, могло зародиться в гимназическом или там каком-нибудь условно товарищеском, как ты сказал, языке, или из фельетонов каких-нибудь, но покойница употре-

била его в этой ужасной записке совершенно простодушно и серьезно». Следовательно, штамп, элементы жаргона, заимствования из литературной, публицистической речи и пр. не являются достаточной мотивировкой психологического состояния пишущего, тогда как средства мелодики (не говоря уже о кинетических средствах) устраняют амбивалентные участки информации.

3. Именно поэтому устная спонтанная речь Власова в телепередаче (см. выше) несет на себе печать индивидуальности, характерной для незаурядного человека, в значительно большей степени, чем обработанная им же самим стенограмма его выступления, несмотря на то что письменный и устный варианты отличаются друг от друга минимально и что Власов профессионально стремился сохранить свое непрофессиональное РП. В устном тексте – 529 слов, в письменном – 306, причем содержательных потерь почти нет. Основные потери – индивидуально-экспрессивные, главным образом это интонационно-мелодическая коннотативная информация; за ней идет синтаксическая и потом – лексическая, состоящая более всего в резком сокращении количества служебных и других семантически ослабленных слов. Значительно сокращается количество употреблений местоимения 1-го лица ед. числа (даже против нормы). Ср. у Достоевского: "Он так заважничал, что даже личные местоимения перестал употреблять" ("Крокодил"); у Власова: "За свои поступки долго не научился отвечать". Но самый ощутимый источник сокращения – это повторы, которые являются следствием устного синтаксиса высокой экспрессивной нагруженности (на 529 слов – 235 слов семантически полноценных, 30 из них неоднократно повторяются; остальные – это служебные слова, оговорки и их повторы, в то время как все семантически полноценные слова, кроме пяти лексем, в письменном тексте сохраняются).

4. Таким образом, тавтологичность, при очень разнообразном и остром мелодическом рисунке речи (мена ритма и темпа, ненормативные интонационные рисунки и сегментация фразы, регулярное удвоение согласных и растяжка гласных, форсирование голоса), отразила общий высокоэмоциональный фон выступления. Он обусловил возникновение данного варианта РП как образчика коммуникативной роли, в которой сосредоточилась социально и психологически обоснованная мера индивидуализации информативной речи, сформированная особыми условиями.

Глава II

ФАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Фатическое высказывание и РП личности

Представляя оппозицию "информативная–фатическая" речь как основную (инвариантную) для включающихся в нее функциональных вариантов РП, основанных на социальной психологии коммуникативного процесса, мы исходим из: а) положения Р. Якобсона о том, что высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию; что его назначение осуществляется различным иерархическим соотношением элементов различных же функций; что словесный состав высказывания определяется доминирующей функцией [Якобсон, 1975, 198]; б) применения этого положения к функциям (коммуникативным ролям) говорящих. Доминирующей среди этих функций является интенция вступить в речевое общение. Эта интенция принадлежит РП и интегрирует содержательные функции высказывания согласно двум коммуникативным интенсионалам: о б щ е н и ю и с о о б щ е н и ю.

Информативная и фатическая интенции, определяющие РП, сосуществуют в качестве коммуникативной нормы социума в преобладающем большинстве бытовых жанров (как в малых, характерных для неофициальной повседневной речи, так и в тематически-ситуативных блоках стандартизованного официального быта). Захват ведущего положения одной из них и речевые последствия этого следует рассматривать соответственно принятому пониманию категориального значения фатики и информатики. Вступая в названную оппозицию, термин "фатическая речь" естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри него конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка), область речевого этикета в целом, бытовой диалог и бытовое повествование, а также художественное повествование, стилизованное под бытовое ("Повести Белкина", "Записки охотника", "Записки на манжетах" и т.п.). Художественное поле фатической речи, естественно, нуждается в особом подходе и специальном аппарате для исследования.

Такое понимание фатической речи, с одной стороны, как бы уже существует в научном обиходе, но, с другой стороны, оно еще не являлось стимулом для специального анализа предмета, большею частью отражаясь лишь в отдельных упоминаниях и характеристиках "неинформативной беседы", "символически информативной беседы" и т.п. [Тарасов, Школьник, 1977, 190–191]. Сам термин ("фатическая функция"), как известно, был впервые употреблен Б. Малиновским в книге "The Problem of Meaning in Primitive Languages" (1935) для обозначения контактно-ритуальных речевых формул и не давал до последнего времени импульса к активному лингвистическому осмыслению. Однако как только мы выходим на границы внешней лингвистики с ее социальной и психологической проблематикой и приближаемся к проблемам РП, оно напрашивается само собой.

С точки зрения коммуникативных ролей участников речевого акта высказывание, призванное использовать речь для передачи или обмена информацией при помощи семиотической ценности языковых элементов, из которых оно состоит[illegible]ся, и высказывание, призванное использовать [illegible] семиотической ценность самому речь, организуются по-разному. В первом случае [illegible] личности говорящего [illegible] семиотическое изъявления в большей степени ограничивается информативным объемом вербализуемой референтной ситуации. Во втором случае референтная ситуация является в известном смысле производной от коммуникативной ситуации, когда значение слова выполняет лишь роль социального символа коммуникации [Азнабаева, 1978, 9–10]. Это дает говорящему возможность более широкого обнаружения социально-психологической речевой характерологии (как в автоматических, так и в креативных навыках владения языком), а слушающему – возможность более свободной интерпретации речевой манеры, в которой исполнено обращенное к нему высказывание. Такой тип интерпретации как бы снимает напряжение, которое создается постулатом адекватной релевантности в действиях обоих участников речевого акта. Следовательно, можно сказать, что фатическая речь (если, как было условлено, мы не касаемся речевых действий, в которых язык используется профессионально) максимально приближает нас к личности говорящего.

Разновидности фатической речи принадлежат индивидуальной, а не массовой коммуникации и распространены по преимуществу в сфере неофициальных отношений говорящих и слушающих (исключение – полифункциональность, а следовательно, синонимическое многообразие этикетных клише). Тем не менее они составляют оппозицию как информативной неофициальной, так и информативной официальной коммуникации; такие, например, жанры, как беседа за "круглым столом" на ТВ и беседа в гостях (если говорить об искусстве, политике, науке и если стиль беседы не содержит интимизирующих крайностей), при содержательном и структурном сходстве более всего различаются изначальной интенцией – вступить в общение или сделать сообщение.

Это позволяет сделать вывод о психостилевом обособлении фатического РП, состоящего в наиболее свободном и раскованном обнаружении индивидуальной манеры говорящего, которое предоставляет право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций соответственно готовности слушающего воспринять их в таком же диапазоне – от "своего" до "чужого" (группового, коллективного).

К тому же существует житейская мудрость, согласно которой в беседе, не предполагающей различия прагматических последствий истинности или ложности высказывания, адресант должен говорить то, чего ожидает от него адресат, и говорить так, как хотелось бы адресату. Информативная речь ограничивает эти возможности. И потому именно в фатическом РП мы можем наблюдать психологический эквивалент прагматическому постулату сотрудничества (П. Грайс), который еще раз подчеркивает принципиальную двойственность социальной природы использования семиотической ценности языка. Там, где истинность или ложность

суждения имеют прагматическое значение, психологические причины второстепенны. Там, где истинность или ложность суждения являются следствием социальной ситуации речи, эти причины выступают на первый план. Таким образом, глубинная нравственно-психологическая амбивалентность речевого действия "второго" ряда с точки зрения осознанной необходимости и объединяет в фатическом РП столь разнородные явления – болтовню, сопровождающую какое-либо другое действие, речевой этикет и духовное общение.

Цель фатического общения

I. За пределами речевого этикета информативное и фатическое РП выступают в виде социально-психологических инвариантов, формирующих коммуникативно-стилистическую специфику широкого круга речевых поступков, в которых задача обмена информацией оказывается в подчиненном положении по отношению к социальному взаимодействию – желанию вступить в общение. Легко представить поэтому, что интенционалу подобного рода в высшей степени соответствует автоматизация процесса приспособления к условиям речи в том случае, когда последние сами являются генераторами соответствующего РП.

Мотивы, генерирующие фатическое РП, можно было бы назвать символикой социального бытия, требующего контакта ради контакта и устанавливающего речевой контакт как паллиатив неречевой деятельности. Следовательно, речевой контакт есть прежде всего контакт социально-психологический, и в этом качестве он является главной целью фатического РП. Говорить о последнем как о "свободном, бесцельном общении между людьми" (наиболее распространенная трактовка фатической функции по Малиновскому, Якобсону и др.) недостаточно корректно, потому что явная или неявная цель всегда присутствует в любой деятельностно-квалифицируемой категории. "Слово – та же деятельность, а у нас – более, чем где-нибудь" (Достоевский). И вопрос заключается лишь в том, насколько непосредственно или опосредованно она отражена в словесном составе высказывания. Для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной социопсихологической интенции (т.е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания. Однако содержательная ценность последнего как факультативная может быть при этом сведена к минимуму благодаря его нерелевантности: "Хотелось говорить все равно о чем – лишь бы сохранялась эта обстановка доверительности" (из автобиографической повести Б. Хазанова). Ср. типическую ситуацию фатики, когда конкретные сведения того или иного рода не считаются заслуживающими внимания или вовсе не воспринимаются в смысловом отношении: А. Ну/ а где они живут/ где они сейчас?/ снимают?// Б. Она говорила/ кажется/ что это там/ знаешь/ где/ недалеко от вашей дачи // Они теперь там снимают//Дом/ что ли/ по этой улице/ в начале/ может быть?// Я как-то не вслушивалась//. Иными словами, совершенно конкретные сведения, сообщаемые в процессе "болтовни", теряют свое истинное назначение. Ср. противоположный исход следующего за процитирован-

ным информативного фрагмента этого же полилога: А. Так как же к ним теперь проехать?// В. Поедем мы/ как всегда/ а потом на Успенку// Свернем/ это же как к больнице подъезжать/ на задах// Дом номер пять// Зеленый такой//.

Генеральная же интенция контакта, имея и в других, например в психологических, рамках свои частные варианты (ср. только что приведенный пример из Б. Хазанова), не отличает для них каких-либо специальных способов построения дискурса, кроме содержательной амбивалентности.

Когда же речь идет отдельно о мотивах социального плана, то целевые и содержательные варианты РП в большей степени подчиняются условиям общения, в которых, как и следует ожидать, ведущим фактором оказывается тип отношений между говорящими.

Чем выше интеллектуальный и общественный статус говорящих, тем сложнее оказываются составляющие фатического РП, сигнализирующие об интерференции коммуникативных значений, о типах их мимикрии, когда искусство беседы создает некий психологический сплав тем и мотивировок, с какими участники разговора вступают в общение. Ср. фрагмент из "Героя нашего времени" Лермонтова: «... Вернер вошел в мою комнату. Он сел в кресла: поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, – и мы оба замолчали. "Заметьте, любезный доктор, – сказал я, – что без дураков было бы на свете очень скучно <...> Посмотрите, вот нас двое умных людей; мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим; мы знаем все сокровенные мысли друг друга; одно слово – для нас целая история <...> Итак, размены чувств и мыслей между нами не может быть: мы знаем один о другом все, что хотим знать, и знать больше не хотим; остается одно средство: рассказывать новости. Скажите же мне какую-нибудь новость?" Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул. Он отвечал, подумавши: "В вашей галиматье однако ж есть идея". "Две!" – отвечал я. – "Скажите мне одну, я вам скажу другую". "Хорошо, начинайте! – сказал я, продолжая рассматривать потолок и внутренно улыбаясь. – Вам хочется знать какие-нибудь подробности насчет кого-нибудь из приехавших на воды, и я уж догадываюсь, о ком вы это заботитесь, потому что об вас там уже справливали". "Доктор! решительно нам нельзя разговаривать: мы читаем в душе друг друга". – "Теперь другая... Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь; во-первых, потому, что слушать менее утомительно; во-вторых, нельзя проговориться; в-третьих, можно узнать чужую тайну; в-четвертых, потому, что такие люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу <...>" ». Притом за фасадом этой светской беседы стоит явно обозначенная эристическая (поисковая) информативная цель, все развитие диалога в этом отрывке остается в фатических рамках, которые, несмотря на принадлежность к быту, дают возможность говорящему выразить себя как личность в творческом ракурсе ("он – интересный собеседник").

II. Общая ситуативно-целевая задача фатического РП – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание, – частично варьируется в зависимости от оппозиции "близкие–неблизкие отношения." Эту оппозицию можно представить в виде градуированной шкалы, определяющей ближайшие мотивы речевых действий фатического характера: а) между незнакомыми людьми – завязать знакомство, скоротать время в условиях вынужденного совместного пребывания (в транспорте, в очереди: "Сидя за баранкой, во время одной из поездок, под однообразное, утомительное жужжание мотора он болтнул это, скорее всего, для того, чтобы развлечь своего пассажира, клевавшего носом от долгого сидения в одном и том же положении" – рассказ Н. Короткова "Жалоба"); б) между малознакомыми – укрепить знакомство ("В мгновение все оживились... посыпались предложения – где собираться? по скольку с носа?.. Сразу поняли, что идея сулит немалые выгоды: еще более объединиться, узнать друг друга, замкнуть разговоры внутри системы" – повесть А. Житинского "Потерянный дом"); в) при случайном знакомстве – соблюсти правила вежливого поведения, когда молчать неловко. Так, в романе Б. Василевского "Конечная земля" описывается "ресторанная" ситуация, когда к двум ужинающим подсаживают случайного посетителя: "... соседки мои не обращали на меня никакого внимания... Я тоже занялся своим ужином. Но просидеть весь вечер молча, не общаясь, невозможно. Невольно начинаешь улавливать какие-то слова, внутренне реагировать, эта молчаливая реакция ощущается, и уже ловишь взгляд, эту реакцию проверяющий. Общая беседа завязывается непроизвольно"; г) между хорошо знакомыми людьми – сохранить сложившийся тип отношений, в то время как редукция фатической речи является знаком желания их изменить. Ср.: ≪Благополучно сошла и ее встреча с Татьяной Михайловной. Об интимных делах не говорили. Татьяна Михайловна отлично вела разговор, пока его еще нужно было "вести" <...> и Люде и Татьяне Михайловне очень хотелось поговорить <...> по душам, но обе боялись начать этот разговор≫ (М. Алданов. Самоубийство); д) между близкими друзьями или в семье – отдать дань привычке к обмену мнениями, эмотивной эксплицированности РП, в которой отсутствует информативная необходимость. Ср., например, регулярный набор "сообщений" (притом количество их прямых или модифицированных повторов представляет собой открытый ряд возможностей): – Так/ сейчас посуду помою/ помою/ и тогда уж/... засяду // за работу). Никто из членов семьи не спрашивает говорящего, что он собирается делать, и никто особенно не вникает в содержание сообщаемого. Но реакция на сам факт речевого действия при обычной нейтральной обстановке, как правило, осуществляется, так как ее отсутствие выходит за рамки норм этикетного РП в цивилизованном обществе (а молчание чаще всего, как мы упоминали выше, экспрессивно значимо). Вербальный состав подобных реактивных высказываний – элементарные фамильярно-бытовые стереотипы ("подлакивания"): "Ну-ну/ давай//"; "Садись/ садись/ работай//", имеющие характер пассивного автоматического отклика и не требующие креативных усилий. Однако минимум последних может войти в состав реплики-

реакции в том случае, если квазиадресат усматривает в фатической интенции адресанта маскировочный элемент (здесь, например, косвенную просьбу или выражение надежды, что кто-то за него выполнит надоевшие хозяйственные обязанности) и меняет тип реакции на более активную: "Давай/ я помою/ А ты садись скорее//."

Первичное и вторичное речевое действие фатического инварианта

Упомянутая выше возможность маскировки информативного намерения отличает рассмотренные в нем варианты от возвратной сопровождающей речи (см. гл. III второй части книги) наличием слушающего, как в целевом случае "г" , хотя речевое действие здесь вторично и его структурно-семантическое выражение целиком зависит от первичного действия. Ср. следующую ситуацию: отец и сын ремонтируют дачный забор. Работают молча. Сын ожидает одобрения или совета, задает вопросы взглядом и жестом, протягивает руку за нужным инструментом, получая его из рук отца, передвигается, поддерживает штакетник, приносит новый материал и т.п. Внимательное наблюдение за их работой показало, что между ними шел совершенно последовательный обмен дискретными невербальными сообщениями ("дай это"; "возьми то"; "вбей сюда"; "нет, этот гвоздь не годится"; "ну-ка, еще раз" и пр.).

Работа длилась в общей сложности около трех часов. Время чистого наблюдения составило 35 минут подряд. За этот временной отрезок словесно реализовалась лишь одна коммуникативная интенция, связанная непосредственно не с основными действиями, а с желанием обменяться впечатлениями по поводу сделанного. Такую интенцию также можно квалифицировать как фатическую: она присутствует в том или ином виде в подавляющем большинстве интеракций и чаще всего содержит аксиологический смысл. Это косвенная оценка чего-то, что касается событий, происходящих в момент речи, или кого-то, кто имеет к ним отношение; английские психологи называют оценку одним из пяти наиболее регулярно осуществляющихся коммуникативных побудителей (как реакция на речевое сообщение она составляет около 80%) [Атватер, 1984, 26].

Вербальная часть обмена впечатлениями заключалась только в частице *вот*, употребленной сначала сыном, а затем отцом с некоторым временны́м интерьалом, свидетельствующим о том, что в повторе не было прямой диалогической зависимости. Интонационная характеристика произнесения частицы не отвечала какой-либо смысловой определенности, хотя в реплике сына можно было уловить слабый намек на полувопросительность, т.е. надежду, или неполную, но уверенность в одобрении. Этот смысл выразился в повышении тона, которое пришлось на эмфатическое удвоение конечной согласной, а не на растяжку гласной: "во-о-тт (Ну, мол, как/ сделали мы/ как полагается//)." В реплике отца при той же растяжке гласного удвоение конечного согласного не состоялось, и, следовательно, этот сегмент не мог получить никакой интонационной характеристики. Вопросительная интонация отсутствовала. Тем

не менее смысловое наполнение второго употребления также не удалось однозначно индентифицировать. И, судя по всему, здесь также имела место лишь фатическая интенция оценки, обмена мнениями – желание "обсудить проблему". Значит, оба употребления, несмотря на известное различие в интонировании, прежде всего и в равной мере выразили именно вот это желание вступить в речевое (по сути дела, плеонастическое) общение.

Однако в пределах фатического инварианта два функциональных варианта РП, один из которых имеет основным признаком вторичность речевого действия, а другой – первичность, получают дополнительные дифференциальные признаки. Эти признаки менее всего следует понимать как внешние, ситуативные, потому что в плане ситуации они оба играют сопроводительную роль (беседа за ручной работой и беседа за столом). Но с интенциональной точки зрения, т.е. с точки зрения особого психологического состояния и соответственно социальных установлений, в которых это состояние материализуется, первичность и вторичность сопроводительной речи имеют противоположное содержание. Если болтовня сопровождает работу, не поглощающую целиком творческие потенции человека, как в приведенном примере, то она вторична и потому дает образчик наиболее полно выраженной спонтанности с характерологическими вариациями относительно ее участников. Если разговор (беседа) сопровождает трапезу (званый обед, ситуация "гости" в целом), то он первичен по отношению к еде, которая служит лишь предлогом для встречи, общения, беседы. И последняя, наоборот, поглощает творческие устремления говорящей и слушающей личности, демонстрируя образчик соединения противопоставленных полюсов – спонтанной характерологии, ситуативно предписанной стереотипности и индивидуального стилевого отбора.

Почему в ситуации "гости" уместно говорить о первичной конверсации? Потому что замена разговора в гостях другими развлечениями всегда квалифицировалась как неадекватная, что позволяет не ставить знака равенства между речевым и неречевым видами фатического общения.

В то же время такой необходимый компонент этой ситуации, как принятие пищи, трактуется современной социопсихологией как социальная ситуация, которая лишь одной из составляющих имеет цель насыщения, тогда как вторая – желательная или непременная – это общение. Причем эта ситуация – одна из наиболее значимых в этнокультурном смысле с точки зрения темы разговора. Ср.: ≪... стоит сойтись в гостях друзьям, даже просто знакомым, как они забиваются в тесную кухню и за чаем или чем покрепче начинают извечную русскую тему: "что делать?", "кто виноват?"... После таких излияний (и возлияний) легче становится. Вы с этим сталкивались?

– Я жила в советских семьях и не раз участвовала в таких кухонных посиделках. Сначала была в шоке. У вас все философы! За обеденным столом вы откровенно обсуждаете сложные духовные и нравственные проблемы. У американцев такое общение не принято. Только о погоде,

счете в банке, новой машине. Русская душа действительно очень глубока и богата, Толстой и Достоевский могли родиться только у вас. Как психолог, я хорошо понимаю вашу тягу к задушевным беседам. Когда человек несчастлив и подавлен, живет в тревоге, не уверен в завтрашнем дне, он чувствует себя очень одиноко. Ваши разговоры "на троих" – это психотерапия. Ты выслушаешь меня, я выслушаю тебя. Нам на время будет не так одиноко. Согласитесь, человек, у которого нет внутреннего разлада, не станет откровенничать со всеми подряд» (Рассказ американской журналистки // Огонек. 1990. Июль). Или же, наоборот, впечатления нашего писателя о западном стиле застольных бесед: "Долго не мог понять, что́ меня так раздражает в беседах во время ланчей и обедов там, где с продуктами одна проблема – их чудовищный излишек. Наконец сообразил: за едой они говорят о еде же. Не о политике, хотя интересуются ею не меньше нашего, а по-другому; не о работе, хотя работают малость получше и побольше, чем мы; не о смысле жизни, хотя как раз у них есть философия, а не единственно верное учение; даже не о соседских тайнах, хотя с соседями – в отличие от нас, имеющих не дом, а местожительство, – знакомы, нет – о еде. О том, прошел уже или нет сезон спаржи, хорош ли нормандский окорок или предпочтительнее эльзасский, правильно ли приготовлен этот кус-кус (арабское блюдо, впрочем, на наш славянский вкус довольно пресная каша) и стоит ли в этом заведении заказывать тартар (сырой мясной фарш с приправами, судя по названию, блюдо татарское, но в казанском общепите его что-то не подают) <...> Они говорят о еде, и им не скучно. А мне скулы сводит от тоски. Ну, вкусно, конечно, и свежее всё, но *разве это разговор?*" (А. Кабаков // Моск. новости. 1991. Апр.).

Таким образом, первичность или вторичность вербального действия с точки зрения поведения человека может не совпадать с его истинным назначением в пределах речевой сцены, которая является примером типизированного РП для типизированной же ситуации.

Содержательно-ситуативные типы фатической речи

I. Восемь десятилетий назад вышла книга князя Сергея Волконского "Разговоры" [Волконский, 1912]. Она состоит из 12 "разговоров" автора с собеседниками, близкими ему и неблизкими, случайными и постоянными, желанными и "принудительными". В некоторых "разговорах" автор выступает в роли наблюдателя. Он дает, если говорить научным языком современности, ситуативно-тематическую и социально-психологическую типологию "разговоров"-бесед: общие воспоминания, "светская дребедень", философские размышления, обмен впечатлениями о произведениях литературы и искусства, о языке, дорожные впечатления, рассказ о прошлом семьи, выражение эмоционального состояния: в поезде, в театре, на выставке, в гостиной, в ресторане и др. Сочинение Волконского не претендует на стилизацию естественной разговорной речи и, наоборот, построено как использование наблюденного им речевого жанра для того, чтобы, подобно "диалогам" классической литературы, отразить

в удобной форме свои взгляды на культуру, науку, общество: ≪Разговоры? – О чем? – Обо всем. – Ну как же обо всем? Какая связь между предметами разговора? В чем сходство? – В неуловимых причинах <...> – А кого Вы больше любите из ваших "разговаривающих" – Больше всего люблю моего приятеля и собеседника в первых двух и последних трех разговорах≫ (близкого по духу. – *Т.В.*).

В то же время автор намеренно воспроизводит закономерности композиционного развития разговора-беседы, интродуктивная и финальная части которой непременно содержат конативно-этикетный набор соответствующих клише, представляющих собой фатику в чистом виде. Это дает возможность увидеть ее нагруженность социально-психологической, а следовательно, и ситуативной мотивированностью стилевого отбора в том объеме, который указывает на симметрию характерологии и конвенции, отличающую фатическое РП от информативного.

Приведем некоторые примеры (светская ситуация "приемный день"): ≪... Петербург стал так велик, я изнемогаю от количества людей и еще больше от количества слов. Выносить это каждый день я не в состоянии; каждый день слышать, что "сезон в нынешнем году будет очень короткий" и что "придворных балов и нынешнем году не будет" я-не-все-сто-я-ни-и. – И Вы "взяли день"? – И я взяла Вторники≫.

Беседа приятелей (в ресторане; до цитируемого фрагмента – рассказ о поездке в Индию): ≪...катают царских танцовщиц – в кисее, с кольцами в ушах, с серебряной бородавкой на ноздре. – Красивые? – Самые красивые в Дели. – А толпа? – Апогей кавказской расы, всех цветов загара, и всё кисея, бледные цвета... – Посмотрите, что делается на улице, а я забыл калоши дома!.. – И все же идти надо ... Ну-с, я иду. Терпеть не могу, когда народ начнет собираться. – И какой народ! Вы заметили, теперь в Москве какие странные появились типы? Не то русские, похожие на американцев, не то американцы, похожие на русских. – Полуавиаторы какие-то...≫.

Та же ситуация, но с метаязыковым содержанием: ≪Однако второй час. – А Вам куда? – Да домой. – Ну, так сидите, и мне тоже домой. Человек! Еще кофею. Коли домой, значит, некуда торопиться. С Вами отчего приятно? От того, что как-то... плаваешь в одних и тех же водах... А то с человеком говоришь про искусство, а он отвечает про химию... – А вы любите, когда говорят "не скажите"? – Обожаю; я всегда отвечаю: "Не беспокойтесь, не скажу". На что мне неизменно отвечают: "Но ведь Вы уже сказали". "А зачем в таком случае Вы меня предупреждаете?.. " – Лучше для случая <...> сочинить <...> слово, чем коверкать при каждом удобном или, вернее, неудобном, случае русскую речь. – Ну да, это Ваш конек. Вы ведь протестовали против употребления слова "обязательно"... – Там, где нет элемента обязанности? И продолжаю протестовать. Когда подсудимого на суде спрашивают – "Что Вы его, чем ударили? Ножом?", а тот отвечает: "Обязательно ножом-с", то согласитесь, что такое понимание обязанности заслуживает протеста. – Вы также протестовали против "одевать пальто"... – Вместо "надевать"? И продолжаю протестовать и против пальто, и против рубашки, хотя один

учитель утверждал, что пальто, действительно, "надевается", но что нижнее белье "одевается". Я продолжаю "надевать" и то, и другое. – Знаете, я думаю, что все эти "надевать", "обязательно", все это тонкости, которых никто не замечает. – Что их не замечают, с этим согласен, но как Вы можете называть тонкостями?.. – Называю тонкостями языка. – А я называю грубостями слуха...≫.

Несовременный материал выявляет, таким образом, типологическую специфику фатического РП в определенном отношении более четко, так как его признаки, названные выше, получая лишь разное ситуативное и стилистическое наполнение, не меняются в диахронии: диалогический принцип строения дискурса, слабая (ассоциативная или ситуативная) мотивировка содержательного развития, столкновение полярных тематически-стилевых фрагментов, отражающее непременное соединение этикетных и содержательных участков беседы.

II. Выше мы также установили, что фатический инвариант РП предстает в разнообразии социально-культурных и историко-этнических вариантов – от болтовни[1], сопровождающей любое другое занятие, до искусства беседы. Они подтверждают типологическое значение фатики как речевой деятельности особого рода, совершающейся в рамках установленных правил поведения; как специфического рода занятия, но занятия не профессионального, провоцируемого когнитивными интенциями, а занятия социального, провоцируемого этикетно-коммуникативными интенциями и осуществляющегося в жанрово-ограниченных ситуациях.

Еще раньше, чем книга С. Волконского, вышла книга Н. Абрамова "Дар слова", второй выпуск которой посвящен "искусству разговаривать и спорить" [Абрамов, 1902, 6]. В ней примечательны заглавия разделов, предвосхищающие признаки фатического РП: а) О разговоре; б) Что значит разговаривать?; в) О чем разговаривать? г) Как и когда разговаривать?; д) О молчании.

Автор сетует, что, всему учась, общество "только на одно искусство решительно не обращает внимания: искусство разговаривать" [там же], в то время как аристотелевское определение: "Человек – по природе животное общественное" – основано именно на "совместном искании истины путем разговора, этого великого воспитательного средства, этого лучшего способа расширения умственного кругозора" [там же, 8]. Как видим, такой взгляд далек от представления о фатическом РП как автоматическом выполнении социально-этикетного ритуала, за которым вовсе не обязательно должно стоять релевантное содержание. И тем не менее типология фатической речи на таком широком когнитивном фоне просматривается еще более явственно, чем, например, "Разговоров" Волконского: это речь, имеющая конечной целью саму речь не как источник прагматической информации, но как источник общественного самосознания путем речевого взаимодействия с себе подобными. Именно поэтому бесцельная, малосодержательная болтовня "от нечего делать" и

[1] Э. Бенвенист характеризует фатическую речь только как "болтовню", считая ее самым "тривиальным видом общения", но в то же время и наименее изученным [Бенвенист, 1974, 318–319].

серьезный, глубокомысленный, наконец, просто интересный разговор-беседа интегрируются общими признаками соответствующего ряда: а) неподготовленность; б) диалогическая форма; в) тематическая свобода, "ибо тема не столь важна, как ее обработка"; г) формирующийся последними двумя еще один признак – разговорность стиля "с некоторыми, подсказываемыми тактом уклонениями, в зависимости от темы и отношений собеседников между собой".

Два из названных автором четырех признаков (неподготовленность и разговорный стиль) при изучении фатического РП постоянно находились в поле нашего зрения, тем более что сейчас они квалифицируются как взаимообусловленные и как характеризующие разговорную сферу общения (по Е.А. Земской – разговорный язык, оппозиционный КЛЯ). Два других, также взаимообусловленных, требуют специального внимания сейчас: формы и темы фатического общения.

Фатический диалог и фатическое повествование

I. Фатический диалог. Н. Абрамов приводит ряд удачных формулировок и примеров, подчеркивающих « необходимость диалогического равновесия "беседы"»: «Разговор, как удачно выразился один английский писатель, есть род меновой торговли: мы даем одно и получаем за это другое, по возможности равноценное. Если из двух собеседников только один дает, а другой все получает или отделывается незначительными ценностями вроде "да" и "нет", то беседа гаснет, не будучи поддерживаема, а если не гаснет, то получается не беседа, а преподавание или допрос» [Абрамов, 1902, 9]. Это замечание важно тем, что показывает различие экспликационного минимума для фатической и информативной речи, в основе которого лежит социально-психологическая, а не языковая семиотика, поскольку с информативной точки зрения однословное утверждение или отрицание, отвечая принципу экономии речи, являются полноценными семантическими знаками в определенной вопросно-ответной диалогической структуре. Из этого следует и различие "психологической ситуации", организующей фатический и информативный разговорный диалог, которая не поддается вторичному воспроизведению, достоверной имитации. Ср. замечание В. Конецкого: "Во всех мемуарах диалог вообще всегда выглядит обыкновенной липой, если, конечно, у тебя за пазухой не было магнитофона. Но и пересказ не годится. Ведь мы тогда РАЗГОВАРИВАЛИ!.. (В. Конецкий. Никто пути пройденного... // Нева. 1987. № 6. С. 10).

Фатический диалог давно отделялся учеными от информативного даже в пределах неофициального общения. Однако Я. Мукаржовский противопоставил dialog běžnego života (понимаемый в духе Якубинского) и conversace, в структуре которой он не увидел непосредственной взаимозависимости языкового состава реплик говорящего и слушающего и потому не счел возможным рассматривать ее вне монологических закономерностей развития текста.

Указав, что диалогу и конверсации свойственна разная степень оппозиционности между полюсами "я" и "ты" (во второй напряжение падает)

[Mukařovsky, 1941, 149–150], он тем не менее включил и конверсивы в гипотетическое построение типологии диалога, отведя им роль 3-го типа (в сравнении с 1-м – "самостоятельным" и 2-м – "ситуативным"), промежуточного между монологом и диалогом, куда входит и бытовое повествование, и болтовня (Мукаржовский называет ее "разговором без предмета"), и игра языком, и флирт, и пр.

Придавая фатической речи специальное социологическое и психологическое значение, Мукаржовский считал ее признаком "эстетического расцвета цивилизации" и поддерживал мысль Г. Тарда (в книге "Мнение и толпа", глава "Эстетика языка") о том, что речевое действие, имеющее самостоятельную, а не служебную цель, есть признак цивилизации [там же, 156–157].

Ср. новый вид фатики с точки зрения канала связи – телефонный, который есть признак цивилизации лишь в смысле НТР, но не в смысле высокой степени искусства беседы, хотя иронически он квалифицируется именно так, получая соответствующее наименование: "У москвича аппарат около тахты <...> вот так, полулежа, свободной рукой снимается трубка, не торопясь набирается номер, голос ленив, спешить некуда, на том конце тоже не торопятся, идет *трёп* – совершенно новый вид искусства, порождение второй половины двадцатого века <...>" (Л. Бородин, Расставание // Юность. 1990. № 7. С. 40).

Нейтрально-усредненная норма фатического в коммуникативно-стилевом отношении хорошо просматривается в ситуации "разговора поневоле", например в дороге, в поезде. Вот типичный пример: "В забитом узлами и чемоданами вагоне Нила запомнила толстую старую женщину, с которой больше всего разговаривала мама. – Мы не знали, что война, – говорила мама. – Радио было испорчено в нашем поселке. – Это вредительство. Поверьте мне. – Я испугалась только, что ребенок испугается. Думала, не то учения, не то чепуха какая-то. Как бросили первые бомбы, я старших в погреб столкнула, а сама к меньшому бросилась. – В такое время – и трое детей. – У меня и еще двое кроме. – Пять детей, вы же еще молодая. – У меня молодости не было, это одна внешность. Считайте, девчонкой замуж выскочила. Кому гульки, а мне люльки. Можно сказать, жизни-то и не видела. – Спешили, думали, на вас не останется? – Да и вовсе не думала <...> Муж хороший – это я ничего не скажу. Да и дети. – Для детей и живем. О себе уж не думаем. В муках рождаем. – Когда бы не война. А то думаешь, что их еще ждет? <...> А каждого накормить надо <...> – Нила у вас помощница. – Это радость моя..." (Н. Сухарева. Вода возьмет // Октябрь. 1992. № 2). Незнакомые до момента речи участницы этого диалога находят полное взаимопонимание при типичном распределении инициативной и реактивной партии, при стилистической нейтрализации, в известной мере разного речевого опыта (молодая – близка к просторечию, старшая – более нормативна, вплоть до книжных слов – "вредительство" и старославянских форм – "рождают") и при типичных для адресанта фатических теме и цели: поделиться переживаниями, рассказать об обстоятельствах своей жизни и получить ожидаемую поддержку в виде одобрительно-сочувственных реплик адресата.

II. Фатическое повествование. Мы строим противопоставление диалогу при помощи этого термина, а не более прямо оппозиционного (монолог) потому, что в фатическом задании, обычном для бытового повествования, эффект может быть обеспечен лишь квазимонологической формой, диалогизированной в значительно большей мере, чем для информативного повествования (непрофессионального типа). Фатическое повествование самим своим существованием обязано его адресату, его взаимной с адресантом заинтересованности в установлении определенных связей прежде, чем в когнитивном удовлетворении интенции восприятия, понимания и словесной реакции на само высказывание. Это способ вступить в отношения с другим человеком, узнавая, воспринимая, понимая, а не наоборот. Это привычка находиться с кем-либо в определенных отношениях и поддерживать их через речевое общение. Ср. шутливое клише, каким изображают реактивную партию "дамского" разговора (при наличии инициативной повествовательной партии): *Ну да!; Ну, а он?; А она что?; Ну и что же?; Представляю себе* – и опять: *Ну, а он что?* и т.п. Количество и повторяемость подобных реакций не только формируют повествование, но и структурируют: обеспечивают определенную степень его детализованности, объема, линию его тематического и сюжетного развития и пр. Ср. записанный на диктофон разговор двух подруг: ...Я/ когда первый раз к ней пришла/ как-то/ знаешь/ стеснялась/ что ли/ зажималась / хотя она/ не то что.../ но я боялась/ что она будет так/ знаешь/ сразу когда дистанцию устанавливают//. А я сразу тогда теряюсь/ понимаешь?// Вот я пришла / у них там квартира такая/ приятная/ ничего такого особенного нет/ но хорошо// Чистенько так/ такая интеллигентная квартира// А я почему-то думала/ что какой-нибудь "поздний Павел"/ и всякое такое...// Нет// Нот у него/ у мужа/ конечно/ полно// Но всюду/ как-то/ порядок/ И книги.. / и ноты...// Клавиры оперные чудные!// Как/ все равно/ самое все мое любимое// Помнишь/ сколько у нас тогда/ эта милиционерская жена сожгла/ так я просто стараюсь никогда не вспоминать// Ну вот// Дома она проще// Да/ знаешь/ что интересно/ у нее ведь/ у дочки/ наша Эльвира в подругах!// Я потом их обеих видела // Потом я совершенно привыкла// И не то/ чтобы она так/ по-настоящему помогала/ я все сама написала / придумала/ переделала/ еще раз написала/ она/ мне кажется/ не заметила даже/ что я ей два варианта приносила...// Но она так умеет выслушать/ и посоветует/ и похвалит// Хвалит/ правда/ сдержанно// Ну/ а ведь после защиты/ ну сама понимаешь/ ну что мне/ да и ей что/ так она так хорошо/ и они все ко мне очень хорошо относятся/ хотя девица/ ух с каким гонором/ и то ей не так/ и то// Но/ вообще/ знаешь/ у них очень хорошо!//.

Здесь приведена треть рассказа, которая только один раз вызвала словесную реакцию адресата, хотя его психологическая ангажированность присутствовала так же явно, как и спровоцированная именно ею контактно-конативная структура повествования, выраженная вводными обращениями, что, собственно говоря, и дало импульс реализации этого фатического речевого отрывка.

Мнимая монологичность подобных отрывков согласуется с разго-

ворным стилем, свойственным бытовому повествованию, хотя исследователи не раз замечали, что бытовое повествование может отражать запланированность речевых действий хотя бы в общих чертах (Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская) и что подобная запланированность естественным образом влияет и на стилевой отбор в его отношении к говорящему и слушающему. Как правило, чем более монологичен бытовой рассказ, тем больший стилевой разброс он демонстрирует. Но следует сказать, что это относится к негласной норме, регламентирующей длину рассказа, меру его подробностей, эмоциональный такт рассказчика, учет пресуппозиции слушающего (слушающих) и спонтанное фатическое обнаружение, которое, несмотря на элементы подготовки к данному речевому действию, доминирует и определяет типологическое место данного функционального варианта РП. Выполнение говорящим подобных нормативных обязательств обычно создает ему репутацию хорошего рассказчика.

В то же время понятие нормы непрофессионального РП не является лингвистическим и если содержит представление о моделируемом образчике, то прежде всего не с собственно речевой, а с социальной и коммуникативно-психологической стороны. Тем более это касается фатического РП, которое обнаруживает свободу личных языковых пристрастий в полной мере, так как они являются следствием других свобод – тематической, характерологической и пр. Поэтому здесь следует иметь в виду и избирательность языковой личности: не каждый говорящий изъявляет готовность к выполнению роли бытового рассказчика, не каждый слушающий способен играть свою роль в соответствующем коммуникативном акте отлично от роли в классическом диалоге, и не каждый говорящий знает ту меру монологичности бытового рассказа, которой он непременно отличается от художественного повествования ввиду контактной, непосредственной и неофициальной формы общения со слушающим.

III. Существуют различные индивидуализированно-типологические варианты исполнения коммуникативной роли бытового рассказчика, например тип "подробного рассказывателя" (преимущественно это женщины, но необязательно). Его (ее) манеру отличает избыточная детализация описываемого отрезка действительности (импликация получает значение, близкое к нулю, если, конечно, не учитывать общей импликатуры "картины мира"[2]), слабая реактивная диалогическая способность; узкий диапазон вербализуемых событий, но в то же время целеустремленность в изложении их последовательности, ограниченных опытом "я", "здесь", "сейчас".

Ср. следующий фрагмент из разговора двух сослуживиц, возвращающихся домой (в автобусе): Я сегодня/ целый день на ногах целый// Сил ну нисколько/ ну смотри// Значит так// Как с утра/ это семь тридцать значит/ встаешь/ встала/ ух-хо-хо/ ой-ой-ой/ Ноги!..// Господи!// Ну не могу/ не могу/ а надо// Встала/ пока душ взяла/ туда-сюда/ Господи!//

---

[2] См.: [Shibutani, 1961, 119] (о том, что человек приспосабливается, по существу, не к реальности, а к ее имплицированному субституту).

Ноги так с утра болят/ сил нет!// Кофе выпила/ я теперь без молока/ еще стоять за ним//Туське только развожу этот/ порошок (слушающая пытается вставить реплику, но ей это не удается. – *Т.В.*)// Я развожу/ вообще/ погуще/ фу/ душно как/ (опять попытка словесной реакции со стороны адресата остается неосуществленной – *Т.В.*)// А в кашу сыплю// Сыплю прямо так/ и все//Насыпала в воду прям/ вместе с этим "Артеком" чертовым (род крупы. – *Т.В.*)// Ничего// Сошло// <...>.

Здесь приведено фактически лишь записанное на диктофон начало этой речи, длившейся в продолжение почти всего маршрута от центра к окраине города, охватывая по содержанию события всего дня, пережитые говорящей.

Опуская ряд примеров, где повествующие касаются более "высоких" предметов, где они красноречивее и находчивее, где со слушающим их связывают менее близкие и фамильярные отношения, где в связи с этим разговорный стиль не является центральной стратегической линией отбора речевых средств и где, наконец, по-разному обнаруживает себя стиль слушания, приведем пример взаимодействия собеседников в еще одном типе бытового повествования, который является как бы переходным на пути к художественному

Этот тип соотносится со следующими показателями, характеризующими слушателей: контрастные возрастные признаки (дети, лица пожилого возраста), профессия (преимущественно творческая или связанная с богатством жизненных впечатлений, знанием людей), высокая эмоциональность и коммуникабельность. Речь идет об "отработанных новеллах", т.е. о периодически повторяющихся высказываниях в сходных условиях и в одном и том же или лишь частично варьирующемся (иначе они не поддавались бы распознаванию) кругу говорящих и слушающих. Повторяемость является свидетельством того, что такие новеллы проходят цикл от спонтанной неподготовленности – возможно, через определенный этап специально обдуманного выбора экспрессивно значимых средств – к автоматическому воспроизводству. При последнем вероятны содержательные и стилистические модификации.

Среди таких новелл наиболее популярны излюбленные детьми рассказы о каких-либо приключениях (ср. чтение любимых книжек бесчисленное количество раз), воспоминания, рассказы о событиях, героем которых является сам рассказчик, и юмористические сюжетные истории (часто из мира искусства), близкие к анекдоту. Роль слушающего (слушающих) здесь специфична. Во-первых, часто на такое повествование вдохновляет говорящего не один, а группа слушающих. Во-вторых, здесь имеет место эффект "необманутого ожидания", который с содержательной точки зрения провоцирует активную реакцию на любое стилистическое (словесное) отклонение от канонического текста, воспринимающееся как нарушение достоверности повествования. Ср. следующий пример: актер, рассказывая любимую друзьями историю о том, как в голодной эвакуации их театр играл пьесу из светской жизни, доходит до ее кульминации: «И вот/ представляете/ он не рассчитал/ его эта реплика/ "Прекрасный был обед сегодня у князя"/ сказана/ а ему еще до кулис!../ И он тут/

так/ шаг-то убыстряет/ горделиво так поправляет атласный жилет/ белый/ гря-а-зный был/ жуть/ (реплика: "замурзанный" ты говорил!) да-да/ заму-у-урзанный/ "Прекрасный был обед сегодня у князя"/ и так мечтательно/ "биточки!.."// Ну/ зал/ хоть бы что!/ но мы/ всё/ ...кончились!// (смех аудитории)≫. Ср. с тем, как замечают дети любое отступление от знакомого текста.

РП говорящего и слушающих формируется согласно упоминавшейся уже психологической закономерности восприятия: услышать то, что ты хотел услышать, и сказанное так, как ты хотел, чтобы было сказано. Эта закономерность входит в состав причин развития модальной стороны дискурса, когда умение (готовность) приспособиться к ситуации речи, являющееся основным содержанием феномена РП, прежде всего выражается в нащупывании отношений между речевым опытом участников общения. Благодаря успеху или неуспеху поиска формируется соответствующее модальное обрамление коммуникативной цели высказывания (смягчение/обострение несогласия, гиперболизация согласия, расширение минимально достаточного информативного объема ответа и пр.).

Эта же закономерность формирует – и мы уже частично об этом говорили в другой связи – разновидности композиционных ролей фатической речи, зависящих от того, какова начальная интенция входа в дискурс. Если в основе своей она имеет информативный характер, то развитие дискурса может привести к фатическому дополнению: ≪"– А я видела "Гамлета", когда к нам приезжал английский театр. Какой-то знаменитый артист играл. – Пол Скофилд. – Ой, правильно! Вы все знаете! Только жалко, мне всего четырнадцать лет было. Приехал бы попозже. А вы тоже ходили?" Вот это *пошел привычный разговор. Когда важно не то, что говорится, а как.* И он не торопился уходить, хотя медицинская часть разговора явно кончилась≫ (М. Чулаки. Прощай, Зеленая пряжка!).

Если это фатическая беседа, то информативное ядро обычно не занимает интродуктивную позицию: ≪...Умел и мгновенно перемениться, показать свой металл. И сейчас, после своих слов, поглядев на Федора Ивановича с лаской, он *вдруг как бы перешел к деду.* – Но имейте в виду, учитель, мотайте на ус. То, чем я, как вы говорите, интересуюсь, я все-таки получил≫ (В. Дудинцев. Белые одежды).

Фактор темы

1. Тематические стереотипы. Когда мы говорим, что фактор темы занимает в фатической речи независимое положение, необходимы коррективы хотя бы потому, что целая область РП, принадлежащая ей типологически, составляется из стереотипов конативно-этикетного содержания. Помимо них легко выделяются в зависимости от перечисленных выше градаций близких/неблизких отношений говорящих такие регулярные темы, как здоровье, погода, семейные дела, впечатление о прочитанном, увиденном, обсуждение достоинств и недостатков общих знакомых и пр. Чем шире или разнороднее "образ" участников фатического общения и чем стандартнее социальная ситуация общения, тем больше тематика фатической речи может приближаться к разно пони

маемым высоким материям: ≪ У нас об окороке говорит один Черниченко, и то в политическом смысле. Мол, дайте мужику, то есть Черниченко, землю, и он завалит вас копченой свининой. По-пармски. Оказывается, кроме "Пармской обители", существует у них еще и пармский окорок. Про обитель читали, окорока не пробовали. Юрию Дмитриевичу свято верю. И за то, чтобы наконец отдали землю крестьянам, как обещали семьдесят три года назад, – всей душой. Ну, а окорок... Что ж, окорок хорошо, но не в окороке счастье. А счастье <...> хватить еще по одной под вечный салат "столичный", бывший "оливье"... И поговорить. О зарплате. Об ОВИРе. О Пушкине. О коммунистах. О любви. О евреях. О русских. О Горбачеве. О Ельцине. Опять о зарплате. О "восьмерке", "девятке", "мерседесе" и прочих заветных снах. О Горбачеве. О Ельцине. О жизни. О смерти. О гражданской войне. О голоде. О Горбачеве...≫ (А. Кабаков // Моск. новости. 1991. Апр.). Ср. цитированные выше "Разговоры" Волконского, сейчас также в известной мере приложимые лишь к ситуации "гости", но в панхроническом смысле свидетельствующие о духовной близости говорящих.

Поскольку фатическая речь является символом социального общежития, ее содержательные и коммуникативно-стилистические модификации предельно чувствительны к малейшим сдвигам во взаимоотношениях людей, объединяющихся в какие-либо групповые общности. Например, можно привести случай, когда собравшиеся на "тусовку" московские хиппи, жаргон которых насыщен искаженными заимствованиями не только из иностранных языков, но и из других, соседних жаргонов, мгновенно опознали "чужого" (в этот день на них шла облава) по наличию распространителя при глаголе *торчать – торчу на игле*, так как в их групповом узусе была актуальна свернутая форма с включенным значением: *торчу*, причем значит она у них не только 'торчу на игле', но вообще 'чем-то увлечен', 'занят преимущественно этим', чем-то одним, что является его хобби, и т.п. Группа мирно сидящих на лавочке и покуривающих хиппи тихо встала и ушла от выдавшего себя (как, во всяком случае, им показалось) собеседника, пересев на лавочку по другую сторону бульвара.

Также естественно, что подобная чувствительность, затрагивая традиционные этно- и социокультурные формы бытия, исторически меняет признаки устойчивых, ситуативно прикрепленных жанров. Если сейчас мы изучаем фатику главным образом сниженно-бытового типа, то ученые и литераторы прошлого, рассматривая беседу как искусство, обращались, как правило, к высоким, светским, интеллектуальным или творческим эталонам. Поэтому, например, уже как бы терминологизированное сейчас понятие "разговор на кухне", имеющее содержание, прямо противоположное понятию "кухонные разговоры" (склоки, сплетни, споры), можно приравнять к прежним "разговорам в гостиной".

Ср. современный материал: ≪ О чем же говорили эти два русских интеллигента <...> три года, даже больше не видевшихся? <...> Уже третий или четвертый час шла их беседа. Нет, это не то слово. И вообще оно почему-то до сих пор не придумано. У Даля сказано: "Беседа –

взаимный разговор, общительная речь между людьми, словесное их сообщение, размен чувств и мыслей на словах". Ну что за определение – да простит меня великий Даль? В нем нет главного – души. О каком размене чувств и мыслей может идти речь, когда перед тобой рычащий поток, Терек, Кура, камни, водовороты, вспышки, протуберанцы, дробь пулемета и трель соловья?» (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть).

Или же отраженные в воспоминаниях о знаменитостях разнообразные их беседы (см., однако, приведенное выше скептическое замечание В. Конецкого относительно материала этого рода) со знакомыми, родными и друзьями; даже, например, Пушкина, притом, как известно, именно Пушкин не отличался ни чисто светской, ни "окололитературной" разговорчивостью и потому часто разочаровывал не особенно близких ему собеседников, жаждавших поговорить "о высоком", о поэзии и оказывавшихся лишь мишенью для его блистательных иронических афоризмов. Но есть и непритязательные свидетельства его типического РП с точки зрения законов фатики. Ср., например, отрывок из воспоминаний приятельницы Баратынского А.А. Фукс: « Он начал меня расспрашивать о нашем семействе <...> рассказывал мне о Петербурге <...> Потом разговоры наши были гораздо откровеннее, и, наконец, прибавил: "Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами" <...> говоря о русских поэтах, очень хвалил родного моего дядю Гаврилу Романовича Каменева: "Этот человек достоин был уважения; он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти <...> О, эта проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернилы <...>". Он просидел у нас до часу и простился, как со старыми знакомыми, сказавши при прощании: "Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною столь грустного прощания. Но мы в Петербурге увидимся"».

В подобных примерах вследствие магического влияния личности собеседника часто проступает неадекватная оценка адресатом и содержания речи, и самого факта общения, желание придать особую значительность элементарным фатическим темам, этикетному РП. Так, например, восторженно описывает свой разговор с Пушкиным лицеист П. Миллер, который в 1831 г. встретился с великим поэтом в Царском Селе: «...Я сказал ему взволнованным голосом: "Извините, Александр Сергеевич, но я внук вам по Лицею и желаю вам представиться". "Очень рад, отвечал он, очень рад". Непритворное радушие было видно в его улыбке и глазах <...> "А ваш выпуск будет который? <...> Что ваш сад и ваши палисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаетесь ли вы теперь с вашими старшими? Выпускают ли теперь из Лицея в военную службу?" <...> На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать <...> Обойдя озеро, он сказал: "Вы раскраснелись, кажется, устали". "Это не от усталости, а от эмоции и удовольствия идти с вами" <...> С полдороги начала меня смущать мысль, что я ему надоел и упот-

ребляю во зло его доброту. Я стал искать предлога с ним раскланяться <...> и на прощанье спросил у него, не желает ли он получать из Лицейской библиотеки книги, журналы, газеты и какие именно? "Из книг – я вам напишу какие, а из журналов – нельзя ли вам присылать мне "Телеграф" и "Телескоп"? Да главного не забудьте: заходите ко мне". Мы расстались – и я, разумеется, был в восторге».

II. Временная локация при фатическом РП. Когда мы говорим, что содержание фатики не зависит от того, что происходит в момент речи[3], то здесь также необходимы коррективы. Для фатического РП характерны как бы два пласта временной локации. Первый можно было бы назвать "ближним кругом" тем, который как раз зависит от происходящего в момент речи, но опосредованно, потому что касается тех, кто находится на речевой арене непосредственно ("Ага, новое платье! Как там ваша Маруся. (кошка. – *Т.В.*), поправилась? Этот пирог у тебя очень здорово получается"; "Нам сегодня допоздна сидеть – собрание..."), или же того, что в данный момент окружает говорящих, создает событийно-бытийный фон ("Красивый какой зал"; "Прекрасная сегодня погода"; "Наверное, сильнее батареи включили, жарко здесь"; "Очень что-то много народу, прямо не пробьешься").

Второй круг – это "дальний" круг тем, который или расширяет поле обсуждаемой тематики ассоциативным путем ("Сегодня хорошая погода. – А в прошлом году осень была такая холодная, мы тогда в Калугу ездили, на обратном пути снег выпал..." и т.д.), или же мотивируется не содержанием речи, но отношением к качествам говорящего и касающимся его событиям ("Ну, расскажите нам что-нибудь интересное, Вы всегда так хорошо рассказываете") и к обстоятельствам, в которых равно заинтересованы все присутствующие ("Интересно, кому понравился фильм? Мне совсем не понравился. А вам?" и т.п.). Следовательно, некоторая тематическая распознаваемость фатики имеет место и идентифицируется на уровне РП.

Информативно-фатический баланс как норма РП

Наблюдения показывают, что фатическое обрамление дискурса, интенционально представляющего собой информативное сообщение, может оказаться настолько обширным и многослойным (вследствие тематической свободы и отсутствия строгости в количественно-временных ограничениях общения), что в результате оно принимает самодостаточный характер. Иными словами, в условиях неофициального общения вариации психологической нормы – соединение фатического и информативного РП – имеют широкую амплитуду колебаний. И наличие инфор-

---

[3]Э. Бенвенист замечал: "...когда люди беседуют, чтобы отдохнуть от работы, или когда они сопровождают простую ручную работу болтовней, никак не связанной с тем, что они делают, то ясно, что здесь мы сталкиваемся с каким-то иным типом функции речевого общения. Язык здесь не зависит от происходящего в данный момент. Он даже кажется лишенным какого бы то ни было контекста ситуации" [Бенвенист, 1974, 318–319].

мативного ядра не всегда обнаруживается и не всегда поддается идентификации как первичное коммуникативное намерение. Его показатели – тематические, структурные, стилистические (например, вопросно-ответная пара диалогических реплик, нейтральный стиль и эвристически насыщенное содержание) – могут быть рассеяны во временных и пространственных границах дискурса столь неравномерно, что не они на первый взгляд, а элементарное знание житейской ситуации способствует распознаванию основной цели коммуникативного акта. Однако социально-психологическая и коммуникативно-стилистическая специфика РП в том и состоит, что любой микрокомпонент внеязыкового ряда оставляет след на строении дискурса, так же как само строение дискурса, в каждом из последующих звеньев его развития, влияет на тот или иной сдвиг во взаимодействии внеязыковых факторов, обусловливающих особенности ситуации речи лишь по той простой причине, что ею пользуются живые люди с не всегда предсказуемой логикой поступков.

Поэтому при желании отдифференцировать информацию от чистой фатики следует иметь запасной вариант, состоящий из набора признаков, которые указывают на регулярность и частотность мены интенсионалов. Здесь следует учитывать, что именно она образует коммуникативный баланс, делающий возможным речевое общение, и что "фатическая информация", т.е. коннотативная область сведений о говорящем человеке, не поддается полной редукции[4] даже во вполне официальных условиях общения и, более того, может составлять облигаторный компонент последних. Ср. ситуацию в лечебном учреждении, а) описанную в художественном произведении и б) охарактеризованную ученым: "Больше всего я любила церемонию утреннего обхода <...> Снежно-белая торжественная процессия <...> На лицах больных – ожидание: эти помогут, облегчат боль. И помогаем, облегчаем. Каждой больной – улыбка, несколько ласковых слов..." (И. Грекова. Перелом); ≪Для хирурга умение пошутить в напряженный момент является частью профессиональной экипировки, позволяет поднять настроение персонала; здесь тоже проявляются не личные качества, но известный "стиль поведения"≫ [Кон, 1967, 37].

Главные пункты указанного набора признаков следующие:

1. Эмоциональная коннотация: ≪"Здравствуй, душа моя! – сказал Пушкин весьма *торопливо* и *изменившимся голосом*. (курсив наш. – *Т.В.*). – Здравствуй, что нового?" "Новости есть, но дурные, вот почему я прибежал к тебе"≫ (из воспоминаний В.Ф. Раевского) – интонационно-тембровый рисунок приветствия сообщает этикету коннотативную информацию, которая не воспринимается адресатом адекватно, и он реагирует лишь на саму этикетно-речевую процедуру. Или же наоборот (из домашнего раговора): **А.** Ой-Ой! Боже ты мой!// Что случилось! Ну что это?// **Б.** Господи/ *что случилось*/ что?// Ударилась?// **А.** Да *ничего не случилось*// **Б.** Что же ты заголосила/ как зарезанная?// **А.** Да скучно очень//

[4]Не случайно авторы собрания разговорных текстов (см.: [Русская разговорная речь, 1978, 295–297]) выделили в раздел "Информационный диалог" лишь малое количество городских стереотипов на тему "Сколько времени"

Все время эта пакость падает/ надоело// (о стопке книг, лежащей на шатком стлике). **Б.** Зачем же так верещать?// Я испугался даже// **А.** Я говорю/ скучно. Иди сюда!//.

2. Повторяемость содержательных участков, а следовательно, вербальных структур (разговор с официанткой в кафе у буфета): **А.** Что-то/ эти котлеты.../ Их можно есть?// **Б.** *А чего же нельзя-то?// У нас все можно есть// Все у нас можно есть// Что нельзя-то?//* (посетитель уже сидит за столиком и ест. – *Т.В.*)// У нас и котлеты/ очень даже свежие/ кефирчик// *Все у нас можно есть//*.

3. Резкий тематический переход (разговор сослуживцев в учреждении): **А.** Ну так что?// Придет он/ или опять ждать три часа?// **Б.** Он сказал/ придет/ я как раз ему говорю/ а тут телефон!// Разрывается!// *Слушайте!// Там телефон/ буквально у них разрывается!// Я не знаю/ как там вообще можно находиться// Это ужас какой-то!// У меня до сих пор в голове гудит!//* **В.** Ну/ все равно/ звоним еще раз/ я больше ждать не могу// **А.** Сейчас позвоню/ не хочется что-то очень!//. Реплика Б. после ответной информативной реакции сразу уводит говорящего в фатическое РП, которое не находит поддержки в дальнейшем ходе разговора. Как правило, ассоциативные ряды, образующиеся по мере развития полилога, в фатике более обусловливаются речевыми действиями, в информатике – требованиями референтной ситуации.

То, что классическая фатика есть универсальное средство контакта, перекрывающее частные некоммуникабельные ситуации[5], и является причиной второстепенной роли тематического фактора: любая тема может опосредованно выразить взаимодействие (интенцию и реакцию) собеседников. "Разговор для разговора" и должен выражать только это взаимодействие, быть средством установления определенных отношений между говорящим и слушающим.

Ср. пример из судебного очерка: «Было еще совсем рано... кто-то предложил: "Погуляем, что-ли?" <...> Шли. Разговаривали. ("О чем", – спросят их потом в суде. Вопрос этот поймут они не сразу: что значит – о чем?). "Ну о чем вы, гуляя, разговаривали? О недавней мотогонке, об учебе, о работе, о родителях, о девушках, о мировых проблемах. О чем?" Переглянутся, пожмут плечами. Не помнят. Не знают. Разговаривали – и все. Вроде *ни о чем* (курсив наш. – *Т.В.*)» (А. Борин. Скука // Лит. газ.). Любопытно, что член современного общества, говорящего на русском языке, может оценивать неспособность отвечающих вспомнить тему разговора как ненормативную, свидетельствующую (в данном случае) об их духовной ущербности, тогда как вообще – для фатической речи это норма, но норма с точки зрения социальных установлений культурно-поведенческого цикла. Она, как и любая норма, является исторически и этнографически изменчивой категорией. В определенных общественных условиях развития того или иного языка такая норма отражает конвенционализированное РП, одним из признаков

[5] Если принимать во внимание такой признак, как взаимное понимание, то следует разделять формальную и психологическую принадлежность к определенной группе говорящих, так как они могут вступить в противоречие. См.: [Giffin, 1970, 141].

которого должен быть именно условно-этикетный характер тематически нерелевантного речевого общения. Ср. в "Идеальном муже" О. Уайльда: ≪Лорд Кавершем: "Не понимаю, как вы выносите теперешнее лондонское общество. Толпа ничтожеств, которые *говорят ни о чем*!" Лорд Горинг: "*Я люблю говорить ни о чем, отец.* Это единственное, о чем я что-нибудь знаю"≫.

И именно "разговор ни о чем" с историко-культурной и социально-этнической точки зрения целесообразно квалифицировать и как своего рода искусство. Разделение "конверсивов" и "коммуникативов", имеющее, как мы видели, свою историю, отразилось на русской почве в расподоблении понятий "говорить" и "разговаривать": "...давно замечают, что тайна и прелесть разговорчивости, коей последние отголоски приветствовали нас в дни нашей молодости, ныне уже преданы забвению со многими другими тайнами и прелестями, упраздненными волею и новыми требованиями господствующей действительности. Не говорим в особенности о нашем обществе, но и о всем европейском обществе. Болтунов найдешь, но говоруны перевелись" [Вяземский, 1883, 290]. Эти слова, которые вполне можно было бы отнести и к современному состоянию беседы как искусства, Вяземский писал сто лет назад, противопоставляя в то же время нашей конверсационной ситуации французскую: "Французы преимущественно народ разговорчивый. Язык их преимущественно язык разговорный. На других языках *говорят*, а не *разговаривают* (курсив наш. – *Т.В.*). Слово causerie (непринужденный разговор, болтовня, дружеский "трёп". – *Т.В.*) – исключительно французское слово" [там же, 92–93].

Обобщающая метафорическая характеристика фатического РП как разговора "ни о чем" не мешает нам увидеть взаимную проницаемость фатического и информативного слоев, отражающую три вида получения информации из "разговора ни о чем": а) не зависящую от воли адресата (во время болтовни за обедом он узнает от адресанта, что́ идет в ближайшем кино и что́ сказали в ЖЭКе о сроках ремонта дома); б) зависящую от воли адресата, замаскировавшего в момент выполнения им функции адресанта вполне информационные намерения под фатические (названная выше просьба "рассказать что-нибудь интересное" может иметь провокационно-тактический характер в расчете на интересующую обоих собеседников полноценную информацию – см. приведенный выше пример из "Героя нашего времени"), так же как косвенный речевой акт рассчитан на прямую неречевую реакцию, связанную с идентификацией его прагматического значения; в) зависящую от несовпадения прогнозируемого объема апперцепционной базы и адресанта и адресата (воспринимая реплику адресанта, говорящего о вчерашнем пожаре на соседней улице, как о чем-то известном обоим, адресат с ужасом кидается к телефону, чтобы узнать, что случилось с его сослуживцем, живущим в этом доме).

На взаимопроницаемости фатического и информативного РП строятся разного рода коммуникативные игры: "**А.** Ты не знаешь, случайно, куда я зонтик засунула? **Б.** Случайно знаю. **А.** Так где же он? **Б.** Там, куда ты его засунула". Адресант посылает информативную реплику, а получает в ответ фатическую. На трех уровнях получения высказывания возникают

следующие смыслы: восприятие – досада; понимание – обманутое ожидание; реакция – смех. Адресант посылает фатическую реплику, а получает в ответ информативную (квази), организованную переводом модуса в диктум: "Как ты думаешь, все-таки Карпов выиграет *или* Каспаров? – Я думаю, что выиграет *или* Карпов, *или* Каспаров (смех)". См. о сходных явлениях: [Земская, 1988, 30–39].

Выводы

Несмотря на то что фатическая речь как инвариант РП изначально ограничена сферой разговорного общения и что ее количественный перевес, вследствие избыточности и плеонастичности, составляет одну из коммуникативных черт именно последнего, роль фатики в жизни социума не только велика, но и уникальна (и это особенно важно) по отношению к другим, естественным и моделируемым, семиотическим системам мира. Косвенное тому свидетельство – ее генерирующее значение в словесном искусстве: жанр рассказа, новеллы – это не что иное, как функциональное перерождение бытовой фатики, демонстрирующее еще один вариант РП рассказчика. При этом знаменательна редукция фатики в драматургической стилизации разговорной речи, избирающей лишь характерологический минимум информации. На сравнительном примере "Белой гвардии" и "Дней Турбиных" М. Булгакова можно увидеть пропорциональный сдвиг фатического и информационного вида РП в их распределении между речью персонажей и рассказчика. Разнонаправленная художественная стилизация фатики должна, таким образом, составить особый предмет коммуникативно-стилистического анализа.

2. Признаком, идентифицирующим фатические намерения собеседников, является соответствие смысла и эмотивности высказывания. Его отсутствие может свидетельствовать (так же как в прагматике, подобное явление служит свидетельством истинности или ложности высказывания) о фатическом РП там, где семантика его отдельных элементов или его общий смысл заставляют предполагать информативное речевое поведение.

3. Фатическое РП непременным образом должно включать понимание самого коммуникативного намерения. Это понимание не столько смысла высказывания – отдельного или их совокупности, сколько понимание человека, понимание, осуществляющееся через соотнесение смысла и ситуации высказывания на основе так называемых автоматизмов, определяющих варианты человеческого поведения. Следовательно, в нем особую роль играет тип стилевого отбора, достигающий конфликтного или бесконфликтного результата путем выполнения коммуникативных ролей, в рамках которых выравнивается речевой опыт, отыскивается общий язык. Понимание слушающим говорящего человека корректирует восприятие речи в том или ином варианте его РП. Если, например, собеседник всякий раз вводит фатическую реплику в дискурс при помощи интродуктивных псевдомодальностей типа: "Ну, там, в общем, неваж-

но...", – то эта стилевая манера не должна свести на нет интерес к беседе при знании автоматизмов речевого поведения или догадке о них, как они применяются данной индивидуальностью в данных обстоятельствах.

4. Значимость темы, цели и условий для фатического инварианта РП в коммуникативном процессе определяется через идентификацию изначального импульса, ведущего к данному речевому поступку и обеспечивающего адекватное взаимодействие партнеров коммуникации – говорящего и слушающего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материала показал, что коммуникативная сущность социопсихологического феномена РП обнаруживается сопоставлением речевой деятельности индивидуума в предлагаемых обстоятельствах с узуальными закономерностями использования языка, обусловленными, в свою очередь, спецификой языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве.

Предыдущие положения были направлены на то, чтобы обрисовать, согласно этой последовательности, картину функционального расслоения коммуникативных ролей, составляющих варианты РП:

1. Функциональные варианты РП не совпадают ни с конструктивным, ни с коммуникативным уровнем функций языка как социально значимой семиотической системы. Это функции не языка, а говорящих и слушающих людей – участников речевого общения. Ср. три варианта коммуникативной функции языка в речевой деятельности, о которых писал А.А. Леонтьев: индивидуально-регулятивная (аксиальная), коллективно-регулятивная, саморегулятивная. Со стилистической точки зрения это и есть функции говорящих и слушающих, так как они осуществляются выбором стилистического варианта на основе противопоставления "свое/чужое", "индивидуальное/коллективное" [Леонтьев, 1974в, 243–244].

Таким образом, функции, о которых идет речь, имеют надъязыковую, социально-психологическую знаковость: а) если языковая знаковость несет семантический заряд, составляющийся отношением означаемого к означаемому, то социально-психологическая знаковость имеет информативный заряд, составляющийся способами передачи языковых значений; б) если прагматический аспект употребления языка составляется отношением говорящих к знакам, то социопсихологический аспект РП составляется отношением говорящих и слушающих друг к другу, выражаемым языковыми знаками; в) если прагматический аспект "значения говорящего" определяется функцией высказывания, понимаемой как цель (иллокутивная сила), которая обусловливает структуру высказывания, то при социопсихологической интерпретации РП "значение говорящего" рассматривается как психологическая категория, а именно как мера проявления индивидуальных качеств языкового употребления в определенных условиях взаимодействия говорящего и слушающего;

г) если психолингвистикой соотношение индивидуального и коллективного начал в языковом употреблении представлено как оппозиция психофизического действия индивида, находящегося вне созданных им самим семиотических ценностей, то социостилевым аспектом РП оно представлено как готовность или способность к личному присвоению, "переживанию" общих семиотических ценностей в той степени, в какой того требуют условия общения.

2. Функциональные варианты РП, следовательно, совпадают с манерой, стилем общения, детерминированными экстралингвистическими факторами, во главе которых стоит взаимодействие социальных и социально-психологических образов его участников: а) пользоваться языком в коммуникативных целях, т.е. для того, чтобы вступить в общение с кем-либо или сообщить что-либо, говорящий может лишь с оглядкой на слушающего, актуально или потенциально сообразуясь с его рецептивными возможностями; б) манера или стиль общения поэтому являются межличностным достоянием говорящего и слушающего как соучастников; в) варианты РП отражают прежде всего не содержательную дифференциацию понятий иллокутивного ряда (которая благодаря развитию прагматики и теории речевых актов получила в современной науке, так же как ранее дифференциация языковых функций, неоднозначный вид), а коммуникативный эффект отправления/получения речи.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н. Дар слова. СПб., 1902. Вып. 1: Искусство излагать свои мысли.

Азнабаева Л.А. Семантика фатической речи // Тезисы Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.

Арапов М. Почему "римлянин", но "капуанец" // Знание – сила. 1985. № 1.

Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // ВЯ. 1980. № 2.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблема референции).

Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Атватер И. Я вас слушаю. М., 1984.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Баранов А.Н., Городецкий Б.Ю. Экспериментальное психолингвистическое исследование информационной потребности // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М., 1989.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бергельсон М., Кибрик А.Е. К вопросу об общей теории языковой редукции // Формальное описание структуры естественного языка. Новосибирск, 1980.

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984.

Бруннер Дж.С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М., 1984.

Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

Вардуль И.Ф. О предмете и задачах типологии // Лингвистическая типология. М., 1986.

Вежбицка А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции).

Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Из истории взглядов на социальную природу языка // Из опыта изучения страноведческих пособий по русскому языку. М., 1977.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.

Виноградов В.В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // ВЯ. 1961. № 4.

Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1927.

Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929а.

Винокур Г.О. Проблема культуры речи // Рус. яз. в сов. шк. 1929б. № 5.

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина / Каф. рус. яз. 1941. Т. 5, вып. 1.

Винокур Г.О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике // ВЯ. 1957. № 2.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. Вып. 1: Задачи филологии // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991.

Винокур Т.Г. Синонимия и контекст // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.

Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1972.

Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

Винокур Т.Г. Стилевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: (Виноградовские чтения XII–XIII). М., 1984.

Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.

Волконский С. Разговоры. СПб., 1912.

Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8.

Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // ВЯ. 1972. № 5.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Учен. зап. Тартусского ун-та. 1978. Вып. 442: Лингвистическая семантика и семиотика. I.

Гельгардт Р.Р. Рассуждения о диалогах и монологах: (К общей теории высказывания) // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1971. Вып. 2.

Гоготишвили Л.А. Опыт построения теории употребления языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Горелов И.И. Проблема функционального базиса речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1977.

Горелов И.И., Слонов И.Н. Происхождение языка и основные подходы к проблеме // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 6.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Гринфилд П.М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. М., 1984.

Гумилев Н.С. Анатомия стиха // Дракон (альманах поэзии). М., 1921.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.

Долинин К.А. Интерпретация текста. М., 1985.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М. и др. Общая риторика. М., 1986.

Ермакова О.П. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской речи. М., 1988.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Звегинцев В.А. О предмете и методе социолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 4.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // ВЯ. 1980. № 6.

Золотова Г.А. О перспективах синтаксических исследований // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 6.

Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.

Капанадзе Л.А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989.

Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

Кобозева И.М. "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

Ковалев С. Двое друг с другом // Знание – сила. 1985. № 8.

Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // ВЯ. 1986. № 1.

Кожевникова Н.А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза. М., 1977.

Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

Копыленко М.М. О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976а.

Крысин Л.П. К вопросу о внутриязыковой диглоссии // Методы билингвистических исследований. М., 1976б.

Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976в.

Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Рус. яз. в шк. 1983. № 3.

Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989.

Кукушкина Е.Ю. "Домашний язык" в семье // Язык и личность. М., 1989.

Курилович Е. Поэтический язык с лингвистической точки зрения // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Курилович Е. Лингвистика и теория знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. М., 1965. Ч. 2.

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля // ВЯ. 1978. № 1.

Ларин Б.А. О кипарисовом ларце // Литературная мысль. Пг., 1923. Т. 2.

Левый И. Теория информации и литературный процесс // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

Леонтьев А.А. Психолингвистика. М., 1967.

Леонтьев А.А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты // Язык и общество. М., 1968.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969а.

Леонтьев А.А. Язык, речь и речевая деятельность. М., 1969б.

Леонтьев А.А. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974а.

Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974б.

Леонтьев А.А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974в.

Лотман Ю.М. О семиосфере // Учен. зап. Тартусского ун-та. 1984. Вып. 641: Труды по знаковым системам. XVII.

Лоуренс П. Еще раз о принципе Питера // Иностр. лит. 1987. № 2.

Макдевид-мл. Р.И. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Маковский М.М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке // ВЯ. 1976. № 1.

Мандельштам О. Слово и культура // Дракон (альманах поэзии). М., 1921.

Медведева С.Ю. К проблеме восприятия художественного текста // Диалогическая речь — основы и процесс: I Международный симпозиум. Иена (ГДР), 1978: Докл. и сообщ. Тбилиси, 1980.

Мельников Г.П. Лингвистические воззрения А.А. Потебни и типология языков // Наукова спадщина О.О. Потебни і сучасна филологія. Київ, 1985.

Миртов Д. М.И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово: (Философский ежегодник). М., 1918.

Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Учен. зап. Тартусского ун-та. 1975. Вып. 365: Труды по знаковым системам. VII.

Мучник Б.С. Человек и текст. М., 1985.

Мэнг К. Коммуникация и текст // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983а.

Мэнг К. Общее имплицитное знание о действиях // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983б.

Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.

Основные направления структурализма. М., 1964.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

Парыгин Б.Д. Социальная психология. М., 1971.

Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

Пименов А.В. О предмете функциональной стилистики с позиций теории речевой деятельности // Психолингвистические и социолингвистические детерминанты речи. М., 1978.

Поливанов Е.Д. По поводу "звуковых жестов" японского языка // Поэтика. Пг., 1919.

Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины / Учебное пособие под ред. О.С. Ахмановой. М., 1971.

Психолингвистика. М., 1984.

Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии.

Речевое общение: Проблемы и перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1983.

Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9: Лингвостилистика.

Ромашко С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1984.

Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

Сорокин Ю.А., Левченко Е.Б. Общение и текст // Речевое общение: Проблемы и перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1983.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.

Степанов Ю.С. Комментарий // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Степанов Ю.С. Семиотический принцип описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1975.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Тарасов Е.Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.

Тарасов Е.Ф., Школьник Л.С. Социально-символическая регуляция поведения собеседника // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Теоретические проблемы речевого общения. М., 1977.

Титоне Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984.

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.

Фрумкина Р.М. Предисловие // Психолингвистика. М., 1984.

Хаймз Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Холодович А.А. О типологии речи // Историко-филологические исследования. М., 1967.

Холодович А.А. О "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Чулкова В.С. Проблемы интеграции научного текста // Функциональный стиль научной прозы. М., 1980.

Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // ВЯ. 1986. № 2.

Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976а.

Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус и предмет социолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976б. Т. 35, № 4.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М., 1927а.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927б.

Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Эрвин-Трипп С.М. Социолингвистика в США // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Язык и идеология. Киев, 1981.

Язык и личность. М., 1989.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986.

Яхнов Х. Развитие и проблемы социолингвистики в ГДР // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Allen R.R., Mekkerow R.E. The pragmatic of public communication. Columbus, etc., 1977. XIII.

Bally Ch. Le langage et la vie. P., 1927.

Barnlund D.C. A transactional model of communication // Language behavior: A book of readings in communication. The Hague; Paris, 1970.

Bréal M. Essai de sémantique. P., 1924.

Carnoy A. La science du mot. Louvain, 1927.

Chiss J.L. La stylistique de Charles Bally: de la notion de sujet parlant a la théorie de l'enonciation // Langage. Mars: Larousse. 1985. 77.

Chomsky N. Verbal behavior by B.F. Skinner (Review) // Language. 1957. Vol. 35, N 1.

Delacroix H. Le langage et la pensée. P., 1924.

Enkvist N. On defining style: An essay in applied linguistics // Linguistics and style. L., 1964.

Flores A. W.H. Goodenough. Culture, language and society // Antropos. 1983. Vol. 78, N 5/6.

Gabelentz G. von der. Die Sprachwissenschaft. Leipzig, 1891.

Giffin K. The studies of speech communication in small-group research // Language behavior: A book of readings in communication. The Hague; Paris, 1970.

Goodenough W.H. Culture, language and society. Calif., 1981.

Guiraud P. La stylistique. P., 1967,

Halliday M.A.K. Language as a semiotic system. L., 1978.

Hannerz U. Language variations and social relationships // Studia Linguistica. Gleerup Lund. 1970. Vol. 24, N 11.

Harris R. The speech-communication model in 20-th century: Linguistics and its source // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo, 1982). Tokyo, 1983.

Hausser M. Un aspect de la fonction poétique: La fonction impressive // Le Français Moderne: Revue de linguistique française. P., 1968.

James W. Pragmatism: A new name for some old way of thinking. Longmans, 1907.

Levelt J.M. The speaker's organisation of discourse // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo, 1982). Tokyo, 1983.

Malinowsky B. The problem of meaning in primitive languages. N.Y., 1935.

Mukařovsky J. Kapitoly z české poetiky. Dil. 1. Praha, 1941.

Osgood Ch.E. Some effects of motivation on style of encoding. L., 1960.

Penfield J. A socio-cultural view of language context: Building of a theory // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo, 1982). Tokyo, 1983.

Šabo Z. The status of stylistics in textlinguistics // Revue Roumaine de linguistique. Bucarest. 1971. Vol. 21, N 1.

Saukkonen P. What are the main semantic-pragmatic features of stylistics text types? // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo, 1982). Tokyo, 1983.

Schmachtenberg R. Sprechakttheorie und dramatischer Dialog. Tübingen, 1982.

Schourup L.C. Common discourse particles in English conversation. N.Y.; L., 1985.

Sechehaye A. Programme et méthodes de la linguistique théorique: Psychologie du lange // Programme de la premiere partie de la linguistique théorique on science du langage affective. P., 1908.

Sechehaye A. L'indlviduel et le social dans le langage // Psychologie du langage. P., 1933.

Shank R., Birnbaum L., Mey J. Intergrating semantics and pragmatics // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo, 1982). Tokyo, 1983.

Shibutani T. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. N.Y., 1961.

Tarde G. Les lois de l'imitation. P., 1890.

Tarde G. L'opinion et la foule. P., 1921.

Vetter J.H. Language behavior and communication: An introduction. Itaca (Ill.), 1969.

Wolfson N. Speech events and natural speech: Some implications for sociolinguistic methodology // Language and Society. Cambridge. 1976. Vol. 5, N 2.

SUMMARY

The book is concerned with the problems of speech behaviour of the speaker and the hearer and the mechanisms of their interaction in communication.

The notion of "speech behaviour" (SB) is considered in the book against the background of its cognates ("speech activity", "speech communication", "language usage", etc.) and plays the central role in interpreting the speech tactics of the communicants and the linguistic choices they make to conform to the particular circumstances of the speech situations.

It has been shown in the book that the speaker's and the hearer's SB varies and thus can be of different types. Those types are: stylistic variants of SB, which are dependent on the differences in the spheres of communication, language functions or functional and stylistic characteristics of speech; communicative variants of SB, which are dependent on the differences in the roles the communicants play in the speech interaction and the communicative intentions they have in it; socio-psychological variants of SB, which depend upon such variables as speech functions (interaction/report), the need to choose the style of speech suitable for the situation of communication and its social or genre characteristics.

Particular attention is paid to the opposition "informative speech/phatic speech". The analyses of the features that differentiate these two types of SB has provided the possibility to describe a number of features that characterize the behaviour of the speaker and the hearer in an informative dialogue, on the one hand, and in a phatic dialogue orientated to pure interaction, on the other.

The book contains rich illustrative material chosen from modern literary and newspaper texts, radio and television programs as well as from observations on everyday oral speech.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть первая. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ (РП) В КРУГУ СМЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ)

Глава I. РП как предмет внешней лингвистики 8
Поиск термина 8
Содержание термина 11
РП в отношении к понятиям "речевая деятельность" и "речевое общение" 15
РП и прагматика 19
Языковое употребление и РП 24
Выводы 29
Глава II. Единицы и методы анализа РП 30
Структура и составляющие единицы РП 30
Пример анализа 33
Источники 37
Парадигматический и синтагматический типы материала 39
Эксперимент и опрос 43
Выводы 47

Часть вторая. ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАЮЩИЙ В СТИЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ КОММУНИКАЦИИ

Глава I. Стилистические варианты РП 50
Стиль языка и стиль человека 50
Сферы общения и речевая индивидуальность 52
Функция языка и коммуникативная роль говорящих/слушающих 55
Индивидуально-стилевые признаки РП 56
Поиск общего языка 60
Массовая коммуникация 63
Разговорная речь 67
Условия общения 70
Содержание и тема высказывания 75
Перевод 79
Выводы 82

Глава II. Коммуникативные варианты РП 84
Коммуникативное соавторство 84
Разные роли коммуникантов в структурировании диалога 86
Стили слушания 89

www.ruslang.ru

Говорящий/слушающий: интенция и реакция 90
Возвратная речь 93
Коммуникативное намерение 94
Коммуникативные регламентации и свобода личности 96
Вторичная коммуникация 99
Коммуникативная инверсия 100
Коммуникативная интимизация 103
Выводы 106

Часть третья. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ РП В КОММУНИКАЦИИ

Глава I. Информативная речь 108
Общение/сообщение 108
Специальная и неспециальная речь 110
Границы инвариантной оппозиции 111
Непрофессиональная речь в официальных условиях 113
Отсутствие ориентации на двойного адресата 115
Ориентация на двойного адресата 118
Социальные причины стилевых переключений 120
Ситуативные причины стилевых переключений 121
Жанровые причины стилевых переключений 123
Стилизация 124
Мера содержательной адаптации 128
Письменная и устная формы речи: газеты и ТВ 130
Выводы 132

Глава II. Фатическая речь 135
Фатическое высказывание и РП личности 135
Цель фатического общения 137
Первичное и вторичное речевое действие фатического инварианта 140
Содержательно-ситуативные типы фатической речи 142
Фатический диалог и фатическое повествование 145
Фактор темы 150
Информативно-фатический баланс как норма РП 153
Выводы 157

Заключение 158

Литература 160

Summary 167

CONTENTS

Preface 3

Part one. SPEECH BEHAVIOUR (SB) AND RELATED CONCEPTS (TOWARDS A CHARACTERIZATION OF CONCEPTS AND TERMS)

Chapter I. SB as the object of external linguistics 8
Search for the term 8
Content of the term 11
SB with respect to the concepts "speech activity" and "speech communication" 15
SB and pragmatics 19
Language usage and SB 24
Conclusions 29

Chapter II. Units of SB and methods of its analysis 30
The structure and the components of SB 30
Sample of analysis 33
Sources 37
Paradigmatic and syntagmatic types of language material 39
Experiment and informant polls 43
Conclusions 47

Part two. SPEAKER AND HEARER IN STYLISTICALLY MEANINGFUL COMMUNICATION

Chapter I. Stylistic variants of SB 50
Style of language and personal style 50
Spheres of communication and speech personality 52
Functions of language and communicative roles of speakers/hearers 55
Individual stylistic features of SB 56
Search for a common language 60
Mass communication 63
Colloquial speech 67
Conditions of communication 70
Content and theme of an utterance 75
Translation 79
Conclusions 82

Chapter II. Communicative variants of SB 84
Communicative co-authorship 84
Different roles of communicants in structuring a dialogue 86

Styles of hearing 89
Speaker/hearer: intention and reaction 90
Recurrent speech 93
Communicative intention 94
Communicative regulations and personal freedom 96
Secondary communication 99
Communicative inversion 100
Communicative intimization 103
Conclusions 106

Part three. SOCIAL-PSYCHOLOGICAL VARIANTS OF SB IN COMMUNICATION

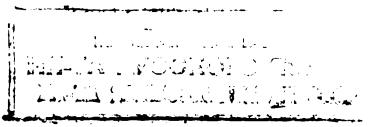
Chapter I. Informative speech 108
Communication/information 108
Special and non-special speech 110
Boundaries of an invariant opposition 111
Non-professional speech in formal conditions 113
Absence of orientation to a double addressee 115
Orientation to a double addressee 118
Social causes of style switching 120
Situational causes of style switching 121
Genre causes of style switching 123
Stylization 124
Measure of adaptation to the content of speech 128
Written and oral forms of speech: newspapers and TV 130
Conclusions 132

Chapter II. Phatic speech 135
Phatic utterance and personal speech behaviour 135
Purpose of phatic communication 137
Primary and secondary speech effects of the phatic invariant 140
Substantial and situational types of phatic speech 142
Phatic dialogue and phatic narration 145
Theme factor 150
Informative and phatic balance as an SB norm 153
Conclusions 157

General conclusions 158

Bibliography 160

Summary 167

Научное издание

Винокур Татьяна Григорьевна
ГОВОРЯЩИЙ И СЛУШАЮЩИЙ
Варианты речевого поведения

Утверждено к печати
Институтом русского языка РАН

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художник *Б.М. Рябышев*
Художественный редактор *Н.Н. Власик*
Технические редакторы *Г.П. Каренина, Т.А. Резникова*
Корректор *Л.А. Агеева*

ИБ № 277

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

Подписано к печати 11.08.93. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,1 + 0,1 вкл. Усл. кр.-отт. 11,4. Уч.-изд. л. 13,0.
Тираж 2500 экз. Тип. зак. 198

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., д. 90

2-ая типография издательства "Наука"
121099 Москва, Г-99,
Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовятся к печати:

Логический анализ языка: Ментальные действия. 12 л.

Шестой выпуск продолжающегося издания "Логический анализ языка" посвящен новым проблемам лингвистики: семантическому анализу структуры ментального пространства, лексикографическому описанию ментальной лексики, а также представлениям о сфере мышления в философских сочинениях Декарта, Платона, П. Флоренского, А. Платонова и др. Приводятся конкретные примеры толкований слов ментальной сферы.

Для лингвистов, литературоведов, логиков, философов, культурологов, специалистов в области когнитивных наук.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. 12 л.

В книге рассматриваются алфавитные традиции Европы: от древнесемитской – через древнегреческую и латинскую – до средневековых германских (готского и рунического алфавитов) и славянских (глаголицы и кириллицы), а также современные английский, французский и русский алфавиты. Выдвигается ряд новых гипотез об именах букв и рун в связи с культурным миром соответствующих народов и исследуются тексты – от "азбучных молитв" до поэзии К. Брентано и А. Рембо.

Для широкого круга читателей.

Культура парламентской речи. 15 л.

Эта книга – первое в России пособие по парламентской речи, которая анализируется как одна из форм ораторского искусства. Исследование построено на материале современной парламентской речи и содержит ее характеристику с точки зрения профессионализма парламентариев и культуры владения разными жанрами парламентской речи. Словарь-справочник депутата, содержащий около двух тысяч статей, призван предупредить наиболее частотные ошибки в речи депутатов.

Для парламентариев, журналистов и самого широкого круга читателей, интересующихся культурой речевого общения.

Граудина Л.К., Дмитриева О.Л., Новикова Н.В., Ширяев Е.Н. Мы сохраним тебя, русская речь! 8 л.

Культура речи предстает в книге как новая и актуальная дисциплина современного языкознания. Авторы ведут речь о таких "болезнях" языка, как речевые штампы, ярлыки, злоупотребление иностранными словами, канцелярит, размышляют о культуре спора, а также дают практические рекомендации по культуре речевого общения.

Для широкого круга читателей.

История культуры и поэтика. 18 л.

В книге рассматривается взаимодействие поэтики и культуры в их историческом движении. Анализ поэтики отдельных произведений приводит к пониманию целостного пространства культуры и тем самым определяет устройство этого пространства. Его описание, в свою очередь, раскрывает принципы внутреннего строения текстов, картины мира и тип историко-культурной эпохи. Работа выполнена на материале славянской культуры.

Для филологов, историков культуры.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. 20 л.

Книга продолжает серию коллективных монографий, объединенных общностью заглавия (Очерки истории языка русской поэзии XX в.) и целевой установкой на анализ различных явлений языка русской поэзии этого периода. Исследуется проблема сочетаемости тропов как показатель их текстовой и языковой специфики, устанавливаются разновидности некоторых тропов, их языковые признаки и сферы применения. Олицетворение рассматривается как троп, действие которого в художественном тексте существенно расширяется за счет сужения метафорического и метонимического контекстов. Метафора и метонимия получают и ряд дополнительных характеристик, связанных с их функционированием в стихотворных текстах. В монографии представлен опыт углубленного анализа метонимии в художественной системе одного автора. На примере творчества И. Анненского устанавливаются виды метонимии, характерные для стихотворной речи.

Для лингвистов-русистов и специалистов в области лингвопоэтики, литературоведов, а также для любителей русской поэзии.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 *Москва*, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 *Санкт-Петербург*, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой":

690088 *Владивосток*, Океанский пр-т, 140 ("Книга—почтой";) 620151 *Екатеринбург*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой"); 664003 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой"); 660049 *Красноярск*, пр-т Мира, 84; 103009 *Москва*, ул. Тверская, 19-а; 117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7; 117383 *Москва*, Мичуринский проспект, 12; 630076 *Новосибирск*, Красный пр-т, 51; 630090 *Новосибирск*, Морской пр-т, 22 ("Книга—почтой"); 142284 *Протвино* Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 *Пущино* Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой"); 443002 *Самара*, пр-т Ленина, 2 ("Книга—почтой"); 191104 *Санкт-Петербург*, Литейный пр-т, 57; 199164 *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2; 194064 *Санкт-Петербург*, Тихорецкий пр-т, 4; 634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18; 450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой"); 450025 *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 *Казань*, ул. Достоевского, 53

63-00

Автор этой книги Татьяна Григорьевна Винокур погибла 22 мая 1992 года, попав под машину. Она успела поставить последнюю точку в своей рукописи.

Дочь выдающегося лингвиста Г.О. Винокура, Татьяна Григорьевна и сама была интересным, оригинальным исследователем, автором ряда книг и многочисленных статей. Ее работы посвящены стилистике русского языка, языку художественной литературы, процессам речевого общения.

Выступления Татьяны Григорьевны по радио о культуре речи, о законах речевого поведения вызывали большой интерес слушателей, порождая потоки писем со всех концов страны.

Книга, которую Вы держите в руках, — итог многолетних наблюдений автора над механизмами, управляющими речевым поведением человека. Смерть настигла Т.Г. Винокур в пору интенсивного и плодотворного творчества, помешав ей осуществить новые идеи и замыслы.